

ВАСИЛИЙ ГАЛИН

ПОЛИТЭКОНОМИЯ ИСТОРИИ

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА И ИНТЕРВЕНЦИЯ В РОССИИ

Политэкономия истории

Василий Галин

**Гражданская война и интервенция
в России. Политэкономия истории**

«Алисторус»

2022

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)7

Галин В. В.

Гражданская война и интервенция в России. Политэкономия истории / В. В. Галин — «Алисторус», 2022 — (Политэкономия истории)

ISBN 978-5-00180-710-0

Гражданская война и интервенция являлись естественным продолжением и неразрывной частью не только Русской революции, но и всей Российской истории. За что же с такой отчаянной непримиримостью велась та война, какие интересы и идеалы отстаивали сражавшиеся «до смерти» противоборствующие стороны? Как они решали текущие и исторические проблемы, встававшие у них на пути? Ведь именно ответы на эти вопросы привели к победе одних и к поражению других. В формате PDF А4 сохранен издательский макет книги.

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)7

ISBN 978-5-00180-710-0

© Галин В. В., 2022
© Алисторус, 2022

Содержание

Пролог	6
За правду до смерти	13
Прелюдия	13
Белая армия	21
Движущая сила	21
Офицеры	21
Кзаки	40
Кристаллизующая основа	44
Победный марш	55
Предательство тыла	61
Регулярство	62
Пополнения	65
Конец ознакомительного фрагмента.	70

Василий Юрьевич Галин
Гражданская война и интервенция
в России. Политэкономика истории

© Галин В.Ю., 2022

Пролог

«Превращение современной империалистской войны в гражданскую войну, есть единственно правильный пролетарский лозунг..., – указывал в 1914 г. Ленин, – Как бы ни казались велики трудности такого превращения в ту или иную минуту, социалисты никогда не откажутся от систематической, настойчивой, неуклонной подготовительной работы в этом направлении, раз война стала фактом»¹. «Революция во время войны, – пояснял лидер большевиков свою мысль, – есть гражданская война»².

Революция в России началась на третий год мировой войны, без участия большевиков, тем не менее, она действительно сразу же поставила страну на грань гражданской войны. Только «переход высшей власти в руки Временного правительства в марте 1917 г., – отмечал А. Керенский, – при разгуле анархии в первые дни революции, уберег Россию от гражданской войны»³.

Вместе с тем, особенности России привели к тому, что в результате буржуазно-демократической революции в стране образовалась не одна, а сразу две неразрывно связанных и непримиримо враждебных друг другу высших власти⁴. «Разрыв с Советами, – характеризовал их отношения военный министр Временного правительства А. Гучков, – кончился бы анархией, хаосом и гражданской войной...»⁵. «Отказ от принципа власти, стоящей выше партий, представляющей все классы страны, – подтверждал А. Керенский, – означал немедленную гражданскую войну...»⁶.

Переломным моментом, окончательно расколовшим общественные настроения, стал корниловский мятеж, который являлся попыткой праволиберальных сил поставить на пути разгулявшейся народной стихии военную диктатуру. Но одна только угроза ее появления резко толкнула маятник общественных настроений влево и радикализовала их. «Авантюра Корнилова..., – приходил к выводу А. Керенский, – сыграла роковую роль в судьбе России, поскольку глубоко и болезненно ударила по сознанию народных масс. Этот процесс повсеместно распространялся с быстротой молнии... Никому никогда не удастся поставить под сомнение роковую связь между 27 августа (9 сентября) и 25 октября (7 ноября) 1917 г.»⁷.

И именно «корниловское наступление на Петроград в августе-сентябре 1917 г..., – приходил к выводу историк Н. Корнатовский, – знаменовало собой начало кровопролитной Гражданской войны»⁸. Октябрьская революция, сама по себе, стала уже одним из актов этой войны. «Пролетарская революция, – восклицал любимец большевистской партии Н. Бухарин, – есть... разрыв гражданского мира – это есть гражданская война...»⁹. «Насильственный захват большевиками государственного аппарата в ноябре, – вторил А. Керенский, – открыл в России период гражданской войны и террора...»¹⁰.

Однако Временное правительство никто не защищал. И при штурме Зимнего дворца, как отмечал американский историк Р. Уорт, «ни одна из сторон не проявляла жажды крови»¹¹.

---

¹ Ленин В. И. Война и российская социал-демократия. Октябрь 1914 г. / Ленин В. И. ПСС, т. 26., с. 22.

² Ленин В. И. О поражении своего правительства в империалистской войне. Июль 1915 г. / Ленин В. И. ПСС, т. 26., с. 287.

³ Керенский А. Русская революция..., с. 366.

⁴ См. подробнее: Галин В. Русская революция. // Политэкономика истории, т.3, гл.: Революционный огонь. Власть.

⁵ Александр Иванович Гучков рассказывает..., с. 66.

⁶ Керенский А. Русская революция..., с. 305.

⁷ Керенский А. Ф..., с. 17–18.

⁸ Корнатовский Н..., с. 8.

⁹ Бухарин НН. Теория пролетарской диктатуры.

¹⁰ Керенский А. Русская революция..., с. 366, 368.

¹¹ Уорт Р..., с. 182.

Мало того, как вспоминал деятельный член «Комитета спасения родины и революции», созданного для борьбы с большевиками, В. Станкевич, «странным образом, борясь с большевиками, все боялись быть смешанными с (Временным) правительством... вопрос о необходимости восстановления правительства низвергнутого большевиками... ни один голос не поддержал. Все указывали, что при непопулярности правительства в стране лучше о нем совершенно не упоминать»¹².

Вся надежда была на Учредительное собрание. Общее мнение политических сил отражали слова Керенского: «Даже после реакционного государственного переворота 7 ноября большевики (созвав Учредительное собрание) имели возможность погасить разгоравшееся в России пламя гражданской войны, предотвратить гибель и развал страны»¹³. В свою очередь французский посол М. Палеолог не связывал с этим собранием больших надежд. Еще в апреле 1917 г., он замечал: «Русская революция по существу анархична и разрушительна... При необузданности, свойственной русскому характеру, она скоро дойдет до крайности: она неизбежно погибнет среди опустошения и варварства, ужаса и хаоса. Вы не подозреваете огромности сил, которые теперь разнузданны... Можно ли еще предотвратить катастрофу такими средствами, как созыв Учредительного собрания или военный переворот? Я сомневаюсь в этом. А между тем движение еще только начинается...»¹⁴.

Тем не менее, большевики, придя к власти, в призрачной попытке сохранить гражданский мир, провели выборы в Учредительное собрание в установленный срок. Большинство голосов набрала партия социалистов-революционеров (эсеров), программа которых была нацелена на максимальное удовлетворение народных чаяний: крестьянам она обещала землю, национальностям – федеративное устройство, солдатам – обращение к союзникам с требованием немедленного мира...

Однако, на практике это были лишь «благие пожелания», поскольку практическая реализация программы эсеров неизбежно вела к непримиримому конфликту, как с праволиберальными силами, так и с существующими реалиями: помещики никогда не отдали бы землю добровольно, казаки не согласились бы с рассказыванием¹⁵; националисты – с урезанием их, уже взятых за время революции, прав; союзники никогда не пошли бы на подписание немедленного мира, тем более «без аннексий и контрибуций»¹⁶; буржуазия и либеральная интеллигенция никогда не согласились бы на передачу власти социалистам.

Объединившись вместе либералы, правые и «белые генералы» с оружием в руках выступили против Учредительного собрания, еще до того как большевики без единого выстрела распустили его. Рожденное в стихии бунта и насилия, «в дни народного помешательства», это Учредительное собрание, – оправдывал свое выступление «белый» генерал А. Деникин, – «не выражало воли русского народа...»¹⁷; «Российское Учредительное собрание... – приходил к выводу один из лидеров кадетской партии Н. Устрялов, – было даже большей пощечиной идее

¹² Мельгунов С. Как большевики... с. 265.

¹³ Керенский А. Русская революция..., с. 368.

¹⁴ Палеолог М..., с. 21 апреля 1917 г., с. 798.

¹⁵ На Всероссийском крестьянском съезде в мае 1917 г. министр земледелия Временного правительства лидер эсеров В. Чернов заявил, что казаки имеют большие земельные наделы и теперь им придется поступиться частью своих земель. Это выступление было поддержано меньшевиками и эсерами из Советов в виде их массовой агитации за рассказывание.

¹⁶ Резолюция Петроградского Совета от 14.03.1917 – через две недели после Февральской революции.

¹⁷ Деникин неоднократно обращался к данной теме: Деникин А. И... т. 1, с. 454–455; См. так же: речь А. Деникина от 26 августа (8 сентября) 1918 г. Деникин А. Очерки Русской Смуты т. III, с. 262–263 и т. IV, с. 45–48. (Цит. по: Головин Н. Н. Российская контрреволюция..., 2 т., с. 557). См. так же: Ответ Верховного Правителя на ноту «союзных и соучастствующих держав» от 26 мая 1919. // Россия и союзники. Обмен нотами между Союзными державами и Верховным Правителем России адмиралом Колчаком. Киев: Союз Возрождения России; Главный комитет на Украине, 1919. (Мельгунов С. П. Трагедия адмирала..., с. 49).

демократизма, нежели даже весь большевизм»¹⁸; «Если у большевиков и мало положительных сторон, то разгон этого Учредительного Собрания является их заслугой, – подтверждал А. Колчак, – это надо поставить им в плюс»¹⁹. Когда ген. Л. Корнилов в своем манифесте призвал к восстановлению Учредительного собрания, взорвался сам лидер российских либералов П. Милюков. В своем письме ген. М. Алексееву, по этому поводу, он обозвал Корнилова дилетантом и авантюристом²⁰.

«Белые» генералы приступили к формированию своих армий за два месяца до созыва Учредительного собрания: 2 (16) ноября 1917 г., по направлению «Союза спасения Родины», организаторами которого «являлись, главным образом, представители кадетской партии»²¹, на Дон прибыл ген. Алексеев для формирования Добровольческой армии. Создатели белой армий Юга России считали этот день датой ее основания. Именно «в ноябре (1917 г.), – приходил к выводу бывший начальник петроградского охранного отделения ген. К. Глобачев, – уже началась Гражданская война на Юге России»²².

Этот факт констатировал в своем обращении от 30 ноября 1917 г. Совет Народных Комиссаров (СНК): «Богаевский, помощник Каледина, открыто заявляет, что восстание начато по прямому требованию кадетской партии..., под Белгородом произошли первые кровавые столкновения. Таким образом, прямая гражданская война открыта по инициативе и руководством кадетской партии»²³. Инициатива создания белой армии и развязывания гражданской войны, подтверждал «белый» ген. Н. Головин, принадлежала именно либеральной общественности: «вся наша либеральная интеллигенция была ярой сторонницей «прямого действия», выраженного в наиболее решительной и короткой форме. В данном случае это вылилось в убеждение, что победа над большевиками достижима легко одной только вооруженной силой»²⁴.

Следующий шаг, по мнению американского историка П. Кенеза, сделал начальник штаба Ставки, исполнявший обязанности Верховного главнокомандующего ген. Н. Духонин. 2 декабря он, полностью осознавая последствия своего шага, подписал приказ об освобождении арестованных генералов, участников корниловского мятежа²⁵. И именно «эти беглые генералы..., – приходил к выводу Троцкий, – положили начало гражданской войне»²⁶. 9 декабря 1917 г., в День святого Георгия, началось наступление офицерской роты ген. М. Алексеева под командованием атамана А. Каледина на Ростов, в котором на выборах в Учредительное собрание и войсковое правительство большинство получили социалисты²⁷. Этот день, по мнению П. Кенеза, «может считаться неофициальным началом Гражданской войны»²⁸.

Официально гражданская война будет провозглашена 27 декабря лидером кадетской партии П. Милюковым. Партии, потерпевшей на выборах в Учредительное собрание сокруши-

¹⁸ Устрялов Н..., с. 540.

¹⁹ Допрос Колчака. Протоколы Заседания Чрезвычайной Следственной Комиссии. Архив Октябрьской революции Фонд LXXV, арх № 51.; Допрос Колчака – Л: Гос. изд-во, 1925. (Квакин А. В..., с. 380).

²⁰ П. Милюков-ген. Алексееву на манифест Л. Корнилова от 5 февраля 1918 г. (Кенез П..., с. 82–83).

²¹ Показания ген. М. Алексева Войсковому Правительству Донской области 18 января 1918 г. – напечатано: Донская волна № 13, 24 марта 1919. (Головин Н. Н. Российская контрреволюция..., т.1, с. 465).

²² Глобачев К. И..., Часть II. Гл. Глава IV Устройство личных дел.

²³ См. подробнее: Из истории ВЧК..., с. 67.

²⁴ Головин Н. Н. Российская контрреволюция..., т.1, с. 449.

²⁵ Кенез П..., с. 53, 55.

²⁶ Троцкий Л. Д. История русской революции. т. 2. Октябрьская революция. Часть первая.

²⁷ В Ростове на выборах в Учредительное собрание большевики набрали 25 569 голосов, казаки – 14 248, кадеты – 13 677, эсеры – 7 565, меньшевики – 4 615. В войсковом правительстве казаки получили 640 тыс. голосов, эсеры – 480 тыс., большевики – 250 тыс. (Кенез П..., с. 63).

²⁸ Кенез П..., с. 67.

тельное поражение – получившей менее 5 % голосов²⁹. В этот день Милуков опубликовал в «Донской речи» Декларацию, призванную легализовать Добровольческую армию, фактически ставшую формальным документом, объявившим начало гражданской войны.

Большевики, в свою очередь, получив второе количество голосов на выборах в Учредительное собрание (24 %), еще надеясь предотвратить гражданскую войну, 5 января 1918 г. созвали Учредительное собрание, потребовав от него добровольной передачи власти Советам, на основе объединения всех социалистических партий, набравших на выборах в Учредительное собрание 84 % голосов. Только этот шаг, по мнению Ленина, мог предупредить начало масштабной гражданской войны: «есть абсолютно бесспорный, абсолютно доказанный фактами урок революции, что исключительно союз большевиков с эсерами и меньшевиками, исключительно немедленный переход всей власти к Советам сделал бы гражданскую войну в России невозможной», – утверждал он³⁰.

Не добившись своего, большевики распустили Учредительное собрание, что, по словам видного правого эсера В. Игнатьева, «с нашей тогдашней точки зрения был(о) равносил(ьно) объявлению гражданской войны со всеми ее ужасами и последствиями. В Учредительном Собрании мы видели единственную опору против этой войны и во имя этой идеи готовы были с оружием в руках идти на восстановление его нарушенных прав»³¹. Однако роспуск Учредительного собрания не привел к эскалации гражданской войны. По свидетельству, как самих эсеров-депутатов, так и «белых» генералов, Учредительное собрание, как и ранее Временное правительство, никто не защищал³².

Ключевую роль в победе большевиков сыграла поддержка, оказанная им левыми эсерами. Этот факт особенно наглядно проявился на решающем – II-ом Всероссийском съезде Советов крестьянских депутатов 26.11.1917. Основной вопрос съезда упирался в признание крестьянством политики большевиков. На съезде присутствовало 790 делегатов с решающим голосом, в том числе: 305 эсеров центра и правых, 350 левых эсеров, 91 большевик³³. Только объединение большевиков с левыми эсерами, позволило им получить большинство. Признание крестьянства, в крестьянской стране, являлось решающим. Без него, ни одна партия. отмечала американская журналистка Б. Битти, «не могла надеяться утвердиться в России»³⁴.

Объединение большевиков и левых эсеров, обеспечило им большинство и на Общеармейском съезде 15.12.1917, на котором к моменту его открытия присутствовало 234 делегата, из них 119 большевиков и 45 левых эсеров³⁵. В этот период Ленин имел все основания заявить, что «за большевиками, при поддержке их левыми эсерами, поддержке, давно уже осуществляемой на деле, несомненное большинство»³⁶.

Предложение о сотрудничестве эсеров-меньшевистским Советам Ленин делал еще в июле 1917 г., однако оно было отклонено. Только накануне революции левые эсеры откликнулись на призыв большевиков и вошли в состав нового правительства. «12 октября в Петрограде создается Военно-

²⁹ Сведения о выборах 1917 года, основаны на подсчетах эсеровского депутата Учредительного собрания И. В. Святыцкого. Спирин Л. М. Классы и партии в Гражданской войне в России (1917–1920 гг.). – М.: 1968, с. 62 и 416–425. (Кожин В. В. ..., с. 230).

³⁰ Ленин В. И. Русская революция и гражданская война. Июль 1917. // Ленин В. И. ПСС, т. 34, с. 224.

³¹ Игнатьев В. И. ..., с. 102

³² См. например: Соколов Б. Ф. «Защита Всероссийского Учредительного Собрания» – Берлин. 1924. Октябрьская революция. Мемуары. – М., Л.: 1926, с. 382. (Кожин В. В. ..., с. 240.); Деникин А. И. ... т. 1, с. 454–455; Мельгунов С. П. Как большевики захватили власть... с. 361.

³³ См. подробнее: Ленин В. И. ПСС, т. 35, с. 466–467.

³⁴ Битти Б. ..., с. 449.

³⁵ См. подробнее: Ленин В. И. ПСС, т. 35, с. 472.

³⁶ Ленин В. И. Тезисы для доклада на конференции 8 октября Петербургской организации, а равно для резолюции и для наказа выбранным на партийный съезд. 1917 г. // Ленин В. И. ПСС, т. 34, с. 344.

революционный комитет (ВРК), призванный практически осуществить захват власти, и в него входит более двадцати левых эсеров; 21 октября ВРК окончательно оформляется, и его председателем избирается левый эсер П. Е. Лазимир... После захвата власти левый эсер М. А. Муравьев назначается главнокомандующим Петроградским военным округом и начальником обороны города от «контрреволюционного» наступления войск Краснова – Керенского.

6(19) ноября Всероссийский центральный исполнительный комитет Советов (ВЦИК) избирает свой Президиум, в него входят шесть большевиков... и четыре левых эсера... 24 ноября (7 декабря) левый эсер А. Коллегаев стал наркомом земледелия... К концу 1917 года левые эсеры заняли уже семь постов (из имевшихся тогда восемнадцати) в Советском правительстве и оставались на своих постах до 18 марта 1918 года, когда они категорически выступили против Брестского мира (как и многие большевики). Доля левых эсеров во всех властных органах того времени составляла не менее 35–40 %... А в ВЧК, два (из трех) заместителя председателя, то есть большевика Ф. Дзержинского, – В. Александрович и Г. Закс – были левыми эсерами и сохраняли свои посты даже до июля 1918 года»³⁷.

«Большевики с начала октября 1917 и до середины марта 1918-го, – подтверждает историк В. Кожин, – действовали в теснейшем союзе с партией левых эсеров»³⁸. Не случайно с Октября 1917 по март 1918 г. Советская власть была установлена по всей стране. В 79 крупных городах из 97 она укрепилась мирным путем.

Помимо союза с левыми эсерами большевики совершенно сознательно пошли на ряд дополнительных мер, направленных на предупреждение возникновения гражданской войны. «С целью предотвратить столкновение, – отмечает С. Кара-Мурза, большевиками, – было сделано много примирительных жестов: отмена смертной казни (первый декрет II Съезда Советов), освобождение без наказания участников первых антисоветских мятежей, в том числе их руководителей (генералов Корнилова, Краснова и Каледина); многократные предложения левым партиям образовать правительственную коалицию; отказ от репрессий по отношению к членам Временного правительства и перешедшим в подполье депутатам Учредительного собрания, даже отказ от репрессий против участников опасного мятежа левых эсеров в июле 1918 г. в Москве (были расстреляны лишь 13 сотрудников ВЧК, причастных к убийству посла Мирбаха) и амнистия в честь первой годовщины Октября.

В целях примирения Советская власть смотрела сквозь пальцы на нарушение официальных запретов: летом 1918 г. издавалась газета запрещенной партии кадетов, выходили газеты меньшевиков и анархистов... Первые месяцы Советской власти породили надежды на мирный исход революции без крупномасштабной войны. О том, что эти надежды советского руководства были искренними, говорят планы хозяйственного и культурного строительства, и особенно начавшаяся реализация крупных программ. Например, открытие в 1918 г. большого числа (33-х) научных институтов, организация ряда геологических экспедиций, начало строительства сети

³⁷ Кожин В. В...., с. 238–239.

³⁸ Кожин В. В...., с. 239.

электростанций...»³⁹. «Никто не начинает таких дел, – подчеркивает С. Кара-Мурза, – если считает неминуемой близкую войну»⁴⁰.

Союз с левыми эсерами был разрушен «Брестским миром». Левые эсеры выступали за продолжение войны с Германией, но руководствовались они при этом вовсе не патриотическими, а еще более левыми, чем у большевиков, настроениями. Свое выступление против «Брестского мира» левые эсеры обосновывали тем, что благодаря продолжению войны «в течение ближайшей весны и лета должно начаться крушение империалистической системы...», в этих условиях «... Российская рабочая революция не может «сберечь себя», сойдя с международного революционного пути, непрерывно избегая боя и отступая перед натиском международного капитала, делая уступки «отечественному капиталу»»⁴¹. И это говорили те самые эсеры, которые всего несколько месяцев назад требовали от правительств всех стран проведения мирной социалистической конференции, для немедленного прекращения войны⁴².

Выступление эсеров против Брестского мира было только поводом для попытки реализации их собственных претензий на власть. «Для оправдания своей... позиции, – мы, признавал И. Майский, – судорожно цеплялись за фиговый листок Брестского мира»⁴³: «О Москве говорили и думали каждодневно, а Берлин вспоминали только по большим случаям, когда надо было выступать перед «союзниками», или подслащать массам горькую пилюлю гражданской войны, или моментами успокаивать свою собственную нечистую совесть»⁴⁴.

Подписание «Брестского мира» стало одним из основных оправдательных мотивов выступления и «белых» генералов: «грандиозность гражданской войны в России – не плод реакции, а следствие непризнания Брестского договора, который, – по словам ближайшего соратника Колчака Г. Гинса, – расколол страну на два непримиримых... лагеря. Брестский мир заставил тех, кто желал спасти страну от столь откровенно созданного немецкого ига, обратиться к помощи Антанты»⁴⁵. «Как представитель военной среды, я должен... пояснить, – подтверждал последний начальник Генерального штаба русской армии ген. В. Марушевский, – что для большинства из нас борьба на Архангельском фронте (во время гражданской войны) была выходом из позорного положения, созданного Брестским договором. Для нас это было продолжением той войны, которая кончилась на фронте...»⁴⁶.

Однако большевики оказались последними, кто отказался продолжать войну. Первым под давлением Высшего командного состава Русской армии 2 (15) марта 1917 г. отрекся от престола Император и Верховный главнокомандующий Николай II. Подписывавший отречение Николая II лидер октябристов Гучков, сложил с себя полномочия Военного министра Временного правительства спустя всего два месяца – в мае⁴⁷. «Отказался от обязанностей военного министра А. И. Гучков, – отмечал в те дни просвещенный московский обыватель, – Уж если

---

³⁹ Эта программа была предписана Декретом СНК и утверждена 30 июля 1918 г. Кроме этого, только в Москве и Петрограде предполагалось установить 167 памятников великим революционерам и деятелям мировой и русской культуры (например, А. Рублеву, Тютчеву, Врубелю).

⁴⁰ Кара-Мурза С..., с. 242–243.

⁴¹ См. подробнее: Ленин В. И. О «левом» ребячестве и о мелкобуржуазности. Май 1918 г. // Главная задача наших дней. 1918. // Ленин В. И. ПСС, т. 36., с. 287–288.

⁴² См. подробнее: Галин В. Ю. Первая мировая. Политэкономика истории, т. 2, гл. Дух армии.

⁴³ Майский И. М..., с. 72.

⁴⁴ Майский И. М..., с. 71.

⁴⁵ Гинс Г. К... с. 45.

⁴⁶ Марушевский В. В..., с. 341

⁴⁷ См. подробнее: Головин Н. Н..., с. 366.

он, которому доступны все тайны войны, пришел в отчаяние от настоящего положения, то кто же теперь будет верить в доведение войны до победного конца?»⁴⁸

Адмирал Колчак бросил командование Черноморским флотом в том же мае 1917 г. без приказа, оправдываясь: «я был поставлен в такое положение, что не мог больше командовать»⁴⁹. На Черноморском флоте еще «официально такой партии большевиков не существовало..., не было такого термина «большевик»», но уже, пояснял Колчак мотивы своего решения, «произошел общий и внутренний развал во Флоте»; «для меня стало ясно, что войну, в сущности говоря, надо считать проигранной, и я положительно затруднялся решить, что предпринять для того, чтобы продолжить войну... фронт у нас в настоящее время разваливается совершенно... оказать сопротивление неприятелю невозможно»⁵⁰.

«Армия на краю гибели. Еще шаг – и она будет ввергнута в бездну, увлечет за собой Россию и ее свободы, и возврата не будет, – заявлял в начал мая Верховный главнокомандующий русской армией ген. М. Алексеев, – Виновны все. Вина лежит на всем, что творилось в этом направлении за последние два с половиной месяца»⁵¹. В сентябре начальник штаба Ставки Верховного главнокомандующего ген. Алексеев также уйдет в отставку. За девять месяцев существования Временного правительства, сменилось пять верховных главнокомандующих.

«Надо отдать себе ясный отчет в том, – констатировал уже в первые месяцы февральской революции герой войны ген. Н. Игнатьев, командовавший гвардейской дивизией, – что война кончена, что мы больше воевать не можем и не будем, потому что армия стихийно не хочет воевать. Умные люди должны придумать способ ликвидировать войну безболезненно, иначе произойдет катастрофа... Я, – вспоминал В. Набоков, – показал одно из писем (Игнатьева) Гучкову. Он его прочел и вернул мне, сказав при этом, что он получает такие письма массами»⁵².

Брестский мир, был не причиной, а только поводом, предлогом для начала активных – боевых действий гражданской войны. Сама эта война началась с первых дней Февральской революции, пребывая до «Бреста» в латентной стадии своего развития. В этот период происходило окончательное формирование противоборствующих сторон, накапливалась потенциальная энергия будущего ожесточения и непримиримости. Одновременно все участники будущей борьбы, все в большей мере становились заложниками накопившихся противоречий, развивающихся событий, своих интересов, идеологических убеждений и честолюбий, и никакой компромисс, никакая сила не могли уже удовлетворить и примирить их.

---

⁴⁸ Окунев Н. П...., с. 39. (2 мая 1917)

⁴⁹ Допрос Колчака. Протоколы Заседания Чрезвычайной Следственной Комиссии. Архив Октябрьской революции Фонд LXXV, арх № 51.; Допрос Колчака – Л: Гос. изд-во, 1925. (Квакин А. В...., с. 367).

⁵⁰ Допрос Колчака. Протоколы Заседания Чрезвычайной Следственной Комиссии. Архив Октябрьской революции Фонд LXXV, арх № 51.; Допрос Колчака – Л: Гос. изд-во, 1925. (Квакин А. В...., с. 340, 345–346).

⁵¹ Деникин А. И.... т. 1, с. 258.

⁵² Набоков В...., Временное правительство.

За правду до смерти

На почве этого разномыслия неизбежно должна возникнуть такая внутренняя религиозная война, подобие которой следует искать только в войнах реформационных.

С. Булгаков, 1908 г.⁵³

Прелюдия

Непосредственной прелюдией к гражданской войне стали выступления юнкеров, вспыхнувшие через несколько дней после большевистской революции. В Петрограде они произошли 29 октября и были организованы «Комитетом Спасения Родины и революции», объединившим все антибольшевистские силы, «в ожидании подхода... войск Керенского»⁵⁴. Восстание было быстро подавлено. «Провал восстания. Неожиданная слабость наших сил и неожиданная энергия, развитая большевиками, – вспоминал его участник В. Станкевич, – казались нам ошеломляющими»⁵⁵.

«Большевикам не трудно было справиться с восставшими и плохо организованными юнкерами на помощь, которым никто не двинулся из войсковых частей гарнизона, – объяснял С. Мельгунов причины успеха большевиков, – Не выступили и казаки... Летопись не отметит и участия в восстании уже «мобилизованных» к тому времени, по словам Керенского, «партийных боевых дружин»⁵⁶. «Ожидавшиеся войска с фронта... не появились»⁵⁷. В итоге «Комитет спасения...», приходил к выводу Мельгунов, превратился в новую «говорильню»⁵⁸.

«В Петрограде совершилось ужасное, кошмарное дело, – откликнулись организаторы восстания на его подавление, – Банда обезумевших, озверевших людей под предводительством сознательных убийц произвела невероятную по своей жестокости расправу над юнкерами...». По данным современника событий Суханова, потери с обеих сторон составили до 200-т человек⁵⁹. Наибольшие потери понесли юнкера Владимирского училища (погиб 71 человек...)»⁶⁰. ««Неизгладимое впечатление» произвело на современников «кровавое воскресенье»..., – вместе с тем, как отмечал С. Мельгунов, – театры и кинематографы под аккомпанемент артиллерийской пальбы в это воскресенье были... переполнены...»⁶¹.

Сам «Комитет спасения...» отделался лишь легким испугом, были арестованы только те, кто был непосредственно замешан в восстании. 31 октября были освобождены все «юнкера-социалисты» принимавшие участие в мятеже. Меры в отношении организаторов восстания демонстрировал – «очень мягкий», по словам С. Мельгунова, приговор

---

⁵³ Булгаков М. Два града..., с. 431.

⁵⁴ Мельгунов С. Как большевики... с. 282.

⁵⁵ Цит. по: Мельгунов С. Как большевики... с. 294.

⁵⁶ Мельгунов С. Как большевики... с. 278.

⁵⁷ Мельгунов С. Как большевики... с. 211.

⁵⁸ Мельгунов С. Как большевики... с. 269.

⁵⁹ Мельгунов С. Как большевики... с. 280.

⁶⁰ Кавтарадзе А. Г. Военные специалисты на службе Республике Советов 1917–1920 гг. – М.: 1988, с. 33.

⁶¹ Мельгунов С. Как большевики... с. 284, 285.

одному из наиболее деятельных его участников, призывавшему расправляться с большевиками «публичными расстрелами и виселицей» – В. Пуришкевичу. Его приговорили к «4 годам условно производительных-общественных работ при тюрьме»⁶².

Более грозным было восстание юнкеров 27–30 октября в Москве, ставшей «ареной самых длительных и упорных боев»⁶³. Но и это выступление, хоть и с большей кровью, закончилось тем же, чем и в Северной столице: «С удивлением и бессилием эта армия (юнкеров) замечала, что она изолирована не только топографически, но и социально; что защищая порядок и законную власть, она в то же время путем исключения и против своей воли оказывается представительницей определенных классов. Имя «юнкер» начало с ненавистью произноситься демократическим населением Москвы и противопоставляться «народу»... Представители шести школ прапорщиков, зовя в свои ряды солдат, печатно заявляли, что в их среде почти нет дворян, что в огромном большинстве они – выслужившиеся солдаты-фронтовики, «истинные представители солдатской массы...». Однако, как отмечал сам лидер российских либералов П. Миллюков, «кучка защитников Москвы и России, чем дальше, тем больше чувствовала себя изолированной и от остальной России, и от других общественных элементов. Слова «юнкер», «офицер», «студент» сделались бранными словами»⁶⁴.

Командующий московским округом плк. К. Рябцов до последнего не решался вмешаться в события, по словам видного общественного деятеля Е. Кусковой, его «парализовало «отсутствие народа» в октябрьские дни. «С кем же я бьюсь против солдат и рабочих?.. – восклицал Рябцов, – Мы не понимаем, что на стороне революции, как бы губительна она ни была, весь народ, во всех его основных слоях. Не на стороне революции лишь те, кто хочет вернуть старое...»⁶⁵.

Восстания офицеров и юнкеров произошли, и в других городах, но все они также носили крайне ограниченный характер. Так в боях под Пулковом 30 октября участвовало не более 100 офицеров⁶⁶. В Киеве особенно большие потери (42 офицера убитых) понесло 1-е Киевское Константиновское военное училище⁶⁷. 1–3 ноября произошло выступление юнкеров в Омске, 9–17 декабря вспыхнуло офицерское восстание в Иркутске, в котором было убито 277 и ранено 568 человек с обеих сторон, не считая тех, чьи трупы унесла Ангара⁶⁸. Против около 800 юнкеров и 100–150 добровольцев оказалось до 20 тысяч солдат запасных полков и рабочих⁶⁹.

Спровоцированные «Комитетом спасения...», «Общественной безопасности...» и прочими подобными организациями восстания юнкерской молодежи, в существовавших условиях, были даже не авантюрой, а прямым ее убийством. «Юнкерская молодежь, – отмечал этот факт «белый» ген. Н. Головин, – была брошена на верную гибель»⁷⁰. К подобным выводам

⁶² Мельгунов С. Как большевики... с. 278.

⁶³ Бухарин доклад в петербургском Центр. Исп. ком. Советов 6 ноября 1917 г. (Мельгунов С. П. Как большевики захватили власть... с. 374).

⁶⁴ Миллюков П. Н. История..., с. 745, 744.

⁶⁵ Кускова. Письмо из Берлина. Посл. Нов. 29 мая 1923 г. (Мельгунов С. П. Как большевики захватили власть... с. 401, примечание автора).

⁶⁶ Кавтарадзе А. Г. Военные специалисты на службе Республике Советов 1917–1920 гг. – М.: 1988, с. 33.

⁶⁷ Алексеев Г. Две встречи // ВБ. N 62, с. 16; Перепеловский К. М. Киевское Великого Князя Константина Константиновича Военное училище // ВБ. N 73, с. 24; (Волков С. В...., с. 41.)

⁶⁸ Познанский В. С. Очерки истории вооруженной борьбы советов Сибири с контрреволюцией в 1917–1918 гг. – Новосибирск: 1973, с. 44, 48–49; (Волков С. В...., с. 41–42.)

⁶⁹ Подробнее см: Волков С. В...., с. 42.

⁷⁰ Головин Н. Н. Российская контрреволюция..., т.1, с. 296.

в дни петроградского восстания юнкеров приходила и американская журналистка Б. Битти: «Воскресенье, (29 октября) 11 ноября, нужно занести в календарь..., как день позора. В этот день были принесены в жертву – столь же ненужную, сколь бесполезную – невинные младенцы, а ответственными за это были не кадеты военных училищ и не солдаты и рабочие, с которыми те сражались, а небольшая группа мужчин постарше, которые остались в безопасности, послав под пули сражаться вместо себя сущих младенцев»⁷¹.

Надежды восставших в Петрограде юнкеров, были связаны с отрядом ген. П. Краснова, который уже практически без выстрела взял Царское село: «победа была за нами, но она, – по словам Краснова, – съела нас без остатка»⁷². «Маленький красновский отряд»⁷³, – пояснял С. Мельгунов, – просто потонул в море разложившихся «нейтральных» гарнизонов»⁷⁴, «солдатская масса – с обеих сторон – была настроена против «братоубийственной» войны»⁷⁵. Представители Амурского казачьего полка заявили, что «в братоубийственной войне принимать участия не будут»⁷⁶; Донской полк даже отказался брать ружейные патроны, поскольку «не желает братоубийственной войны»⁷⁷.

Керенский упрекал П. Краснова, что в этой ситуации, последний больше прибегал «не к силе оружия, а к переговорам, речам и увещаниям»⁷⁸. Причина такого поведения Краснова, отвечал Деникин, крылась в том, что: «никаким влиянием офицерство не пользовалось уже давно. В казачьих частях к нему также относились с острым недоверием, тем более что казаков сильно смущали их одиночество и мысль, что они идут «против народа»... И у всех было одно неизменное и неизбывное желание – окончить как можно скорее кровопролитие. Окончилось все 1 ноября бегством Керенского и заключением перемирия между ген. Красновым и матросом Дыбенко»⁷⁹.

Генерал Краснов пошел на перемирие только потому, приходил к выводу лидер российских либералов Милюков, что он «понял, что течение несло (массы) неудержимо к большевикам»⁸⁰. Официальное соглашение о перемирии, – по словам комиссара Временного правительства Северного фронта В. Войтинского, – «бесспорно явилось соглашением о прекращении гражданской войны, и именно так это соглашение и понималось обеими сторонами»⁸¹. П. Краснов, арестованный большевиками, спустя месяц будет отпущен на свободу под честное слово.

Ставка Верховного главнокомандующего отреагировала на большевистский переворот, произведя 25 октября «опрос главнокомандующих фронтов, имеются ли в их распоряжении войсковые части, которые безусловно поддержали бы Временное правительство». «Ни за одну часть поручиться не могу, – отвечал командующий Западным фронтом ген. П. Балувев, – большинство же частей, безусловно, не поддержит»⁸².

«Двинуть с фронта войска для защиты Временного правительства, – подтверждал комиссар Румынского фронта Тизенгаузен, – вряд ли

⁷¹ Битти Б..., с. 375.

⁷² Мельгунов С. Как большевики..., с. 234.

⁷³ Под началом П. Краснова во время похода на Петроград было всего 700 казаков. (Мельгунов С. Как большевики..., с. 228).

⁷⁴ Мельгунов С. Как большевики..., с. 234.

⁷⁵ Мельгунов С. Как большевики... с. 304.

⁷⁶ Милюков П. Н. История..., с. 696.

⁷⁷ Милюков П. Н. История..., с. 710.

⁷⁸ Мельгунов С. Как большевики..., с. 234.

⁷⁹ Деникин А. И. (П)..., с. 159–161.

⁸⁰ Милюков П. Н. История..., с. 723.

⁸¹ Мельгунов С. Как большевики... с. 313.

⁸² Милюков П. Н. История..., с. 702–703.

возможно»⁸³. Общее настроение отражали слова Балужева: «Наша, начальства, в настоящее время задача должна заключаться в держании фронта и недопущении в войсках междоусобных и братоубийственных столкновений»⁸⁴.

В этих условия начальник Штаба верховного главнокомандующего Н. Духонин 1 ноября отдал приказ остановить движение воинских эшелонов к Петрограду. «В ожидании разрешения кризиса, – указывал он, – призываю войскам фронта спокойно исполнять свой долг перед родиной, дабы не дать противнику возможности воспользоваться смутой, разразившейся внутри страны, и еще более углубиться в пределы родной земли»⁸⁵. На этом «вооруженная борьба закончилась, – констатировал С. Мельгунов, – Это означало победу большевиков»⁸⁶.

* * * * *

Подобно красновскому закончились выступления и в казачьих областях на Юге России, инициатором которых выступил ген. А. Каледин. Так, 3-го декабря он приказал алексеевским офицерам разоружить 272 пехотный полк, располагавшийся в Новочеркасске и отказавшийся признать донское правительство. Полк позволил разоружить и распустить себя без сопротивления и единого выстрела⁸⁷. Несколько позже в том же декабре под Новочеркасском сошлись 15-й пехотный полк большевиков и 35-й казачий полк Каледина. Но солдаты и казаки отказались сражаться друг с другом. Они расположились в нейтральной зоне по соглашению, и ни одна сторона не выполняла приказы офицеров стрелять⁸⁸. Подобная ситуация произошла 9-го декабря в Ростове, когда казаки ген. Потоцкого отказались сражаться с большевиками и сложили оружие⁸⁹.

С таким же отчуждением население городов Донской области встретило генералов Корнилова и Алексеева, прибывших для организации «освободительной войны» против немецко-большевицкого ига. Причина, по которой «алексеевская организация» выбрала местом своего формирования казачьи области заключалась в том, указывал ген. Головин, что ее силы «были настолько ничтожны, что она была бы сразу задвлена местным большевизмом»⁹⁰. Малочисленной алексеевской армии, подтверждал Кенез, вряд ли удалось бы выжить в неказацкой земле⁹¹. Именно поэтому создание всероссийской вооруженной силы, отмечал Милуков, происходило в «гостях у казаков»⁹². Однако и в Новочеркасске «алексеевская армия» столкнулась с такой неприязнью, что Каледину пришлось просить генералов покинуть город⁹³.

Каледин был вынужден разместить прибывающих офицеров нелегально под видом больных и раненых в одном из госпиталей во избежание трений с местным населением. Офицерам запрещалось покидать госпиталь. На 17 ноября 1917 г. армия состояла из 40-ка человек, к концу ноября ее численность выросла до 300 человек. Позже Каледин использовал офицеров в качестве полицейской силы, под командованием казачьих офицеров,

---

⁸³ Милуков П. Н. История..., с. 702–703.

⁸⁴ Мельгунов С. Как большевики... с. 331.

⁸⁵ Мельгунов С. Как большевики... с. 316.

⁸⁶ Мельгунов С. Как большевики... с. 335.

⁸⁷ Кенез П..., с. 66.

⁸⁸ Кенез П..., с. 63.

⁸⁹ Кенез П..., с. 67.

⁹⁰ Головин Н. Н. Российская контрреволюция..., т.1, с. 437.

⁹¹ Кенез П..., с. 65.

⁹² Россия на переломе, т. II, с. 59 (Головин Н. Н. Российская контрреволюция..., т.1, с. 435).

⁹³ Кенез П..., с. 87.

сдерживающих дезертиров на железнодорожных станциях. За это донское правительство платило офицерам и вооружало их⁹⁴.

Попытка навязать гражданскую войну силой приводила к трагическим результатам. Примером тому, могло служить обращение Каледина, к алексеевской организации, когда казаки отказались по его призыву атаковать красных в Ростове. Ген. М. Алексеев отдал в распоряжение Каледина около 400–500 офицеров, которые к 15 декабря выбили превосходящие войска красных из Ростова⁹⁵. Но победа оказалась страшнее поражения – против Каледина выступили свои же казаки. И 28 января (10 февраля) ген. Л. Корнилов был вынужден бросить Дон и уйти на Кубань⁹⁶.

А атаман войска Донского остался к 29 января (11 февраля) 1918 г. всего со 147 штыками! Походный атаман А. Назаров на запрос Каледина отвечал, что «казаки драться не желают»⁹⁷. В своем последнем выступлении Каледин признавал: «Положение наше безнадежно. Население не только нас не поддерживает, но настроено к нам враждебно. Сил у нас нет, и сопротивление бесполезно... В тот же день ген. Каледин выстрелом в сердце покончил с жизнью»⁹⁸.

* * * * *

Непримиримость и твердость в организации противобольшевистских сил проявляли только офицерские организации, которыми на Юге России, усилиями Корнилова и Алексеева, была сформирована Добровольческая армия. Однако численность откликнувшихся на их призыв добровольцев оказалась ничтожной. Огромный по численности Румынский фронт дал всего около 900 добровольцев офицеров. Одесса, в которой насчитывалось до 15 000 офицеров, не прислала ни одного⁹⁹. «На Кавказских курортах, сообщал ген. И. Эрдели, было множество преимущественно гвардейских офицеров, из них не откликнулся ни один. В самом большом городе края, Ростове, все кафе и панели были полны молодыми и здоровыми офицерами, но только единицы пошли на призыв своих бывших главнокомандующих. Донское офицерство, в несколько тысяч человек, вовсе уклонилось от борьбы»¹⁰⁰. В крупнейшем городе Дона Ростове, подтверждал Кенез, смогли сформировать вместо полка всего лишь офицерскую роту около 200 человек. В Кубанский поход из нее последовала едва одна треть¹⁰¹. Во втором по величине городе Дона Таганроге, в Добровольческую армию вступило всего около 50 человек¹⁰².

Бывший Верховный Главнокомандующий многомиллионной русской армии ген. Л. Корнилов к январю 1918 г. располагал отрядом всего в три-четыре тысячи человек, состоявшим из офицеров, учащейся молодежи и юнкеров. Поражала молодость добровольцев, в их ряды было разрешено записываться с шестнадцати лет. По свидетельству Б. Суворина, ген. М. Алексеев жаловался ему: «Я уже вижу монумент, воздвигнутый в память об этих погибших детях...»¹⁰³.

Первыми шагами Добровольческой армии стал захват двух крупнейших городов Дона – Ростова и Таганрога. Одной из причин активизации армии было желание избавиться от вме-

---

⁹⁴ Кенез П..., с. 65–66.

⁹⁵ Кенез П..., с. 68.

⁹⁶ Головин Н. Н. Российская контрреволюция..., т.1, с. 385.

⁹⁷ Головин Н. Н. Российская контрреволюция..., т.1, с. 385.

⁹⁸ Деникин А. И. (П)..., с. 262–263.

⁹⁹ Раупах Р. Р..., с. 244.

¹⁰⁰ Раупах Р. Р..., с. 240–241.

¹⁰¹ Кенез П..., с. 71.

¹⁰² Кенез П..., с. 72.

¹⁰³ Кенез П..., с. 74.

шательства в ее дела донского правительства. И именно в этих городах начались одни из первых, по настоящему непримиримых сражений гражданской войны:

27 января восстали рабочие Таганрога. Когда солдат убил рабочего Балтийского завода, похороны превратились в политическую демонстрацию с участием нескольких тысяч рабочих... «Сражение, развернувшееся в городе, было не похоже ни на один бой с самого начала революции. Рабочие и солдаты стреляли друг в друга не по принуждению. Ожесточенность боев, – приходил к выводу американский историк Кенез, – была первым проявлением природы гражданской войны». О переговорах не шло даже и речи. Когда у двенадцати рабочих закончились боеприпасы, и они были захвачены, солдаты выкололи им глаза, отрезали носы и закопали живыми... Другая сторона в долгу не осталась. Белые солдаты, окруженные в винном погребе, были сожжены живыми¹⁰⁴. В Ростове рабочие ненавидели белых так сильно, что главной проблемой стала защита офицеров..., ненависть рабочих к офицерам становилась все более яркой и открытой... Ростов был на грани кровавой бойни¹⁰⁵.

Красная армия вошла в Ростов 23 февраля, а спустя два дня солдаты Военно-революционного комитета захватили Новочеркасск. По мнению Кенеза, большевики допустили огромный промах в том, что позволили Добровольческой армии покинуть Ростов. Однако В. Антонов-Овсеенко был больше обеспокоен немецким вторжением на Украину и не мог уделить достаточного внимания уничтожению остатков «белых» сил¹⁰⁶. К концу февраля 1918 г. советская власть была признана на всей территории России.

Добровольческая армия, под командованием Корнилова, вытесненная с территории Дона, в конце февраля была вынуждена начать свой 1-й Кубанский поход¹⁰⁷. С самого начала «ледяного похода», отмечает Кенез, «армия не могла не заметить невероятно враждебного отношения к ней местного населения»¹⁰⁸. На Ставрополье, через которое проходил маршрут добровольцев и где несоциалисты получили менее 3 % мест на выборах в Учредительное собрание, население воспринимало добровольцев, как врагов¹⁰⁹.

На Кубани добровольцы столкнулись с тем же нежеланием казаков участвовать в развязывании гражданской войны, что и на Дону. Даже лучшие казачьи части, например 1-й Черноморский полк, прибывший с фронта в Екатеринодар в прекрасном состоянии (так же, как и 6-й полк на Дону) отказался подчиниться приказу Рады идти сражаться против большевиков и был распущен¹¹⁰. Основу антибольшевистских войск на Кубани, как и на Дону, составил отряд добровольцев из 700 русских офицеров под командованием капитана Покровского («невероятно храбр и решителен..., очень амбициозен, зол и без моральных принципов»¹¹¹), которых атаман Кубани А. Филимонов (как и Каледин на Дону) взял на свое довольствие.

Большевистское правительство еще 30 января предъявило ультиматум, что бы Кубанская Рада, провозгласившая 28 января независимую Кубанскую Республику, признала правительство Петрограда и распустила все добровольческие формирования. Рада отказалась, но в первом сражении защищать столицу Кубани пришлось только русским офицерам¹¹². После захвата красными Екатеринодара, большевики предложили мирные переговоры, но бывшая Рада отказалась, надеясь на помощь подходившего отряда Корнилова¹¹³. Но эта помощь не пришла.

¹⁰⁴ Кенез П..., с. 95.

¹⁰⁵ Кенез П..., с. 89.

¹⁰⁶ Кенез П..., с. 99–100.

¹⁰⁷ Он получил название «ледяного», из за форсирования добровольцами по льду реки Дон.

¹⁰⁸ Кенез П..., с. 100.

¹⁰⁹ Кенез П..., с. 205.

¹¹⁰ Кенез П..., с. 109.

¹¹¹ Кенез П..., с. 109.

¹¹² Кенез П..., с. 109.

¹¹³ Кенез П..., с. 112.

Отряд Корнилова вернулся из своего первого Кубанского похода в начале мая туда, откуда и была начата кампания в пограничные земли между Ставропольской областью, Доном и Кубанью. «Первый кубанский поход – Анабазис Добровольческой армии – окончен..., – вспоминал Деникин, – Вышла в составе 4 тысяч, вернулась в составе 5 тысяч¹¹⁴, пополненная кубанцами. Начала поход с 600–700 снарядами, имея по 150–200 патронов на человека; вернулась почти с тем же. Все снабжение для ведения войны добывалось ценой крови. В кубанских степях оставила могилы вождя и до 400 начальников и воинов; вывезла более полутора тысяч раненых; много их еще оставалось в строю; много было ранено по несколько раз...»¹¹⁵.

Вот почти все, что было у Белой армий, в начале гражданской войны. Народ и солдаты за ней не пошли. Даже казаки, которых генералы считали верной опорой, упорно не желали принимать участия в развязывании гражданской войны. «Наличные силы казачьего союза действительно ничтожны», признавал в ноябре 1917 г. этот факт ген. М. Алексеев, «с ними на внешние предприятия, конечно идти нельзя»¹¹⁶. «Донское офицерство, насчитывающее несколько тысяч, до самого падения Новочеркасска уклонилось вовсе от борьбы, – подтверждал Деникин, – в донские партизанские отряды поступали десятки, в Добровольческую армию единицы, а все остальные, связанные кровно, имущественно, земельно с войском, не решались пойти против ясно выраженного настроения и желаний казачества»¹¹⁷.

Не хотело вступать в эту войну и большинство офицерства: Киев и Харьков, «где в те дни (май 1918 г.) жизнь была ключом, представлял(и) собой разительный контраст умирающей Москве. Бросалось в глаза обилие офицеров всех рангов и всех родов оружия, фланирующих в блестящих формах по улицам и наполнявших кафе и рестораны... Им как будто не было никакого дела до того, что совсем рядом горсть таких же, как они, офицеров вели неравную и героическую борьбу с красным злом, заливавшим широким потоком просторы растерзанной родины»¹¹⁸. «Каждый боевой день приносил потери, а пополнения не было..., – вспоминал один из первых добровольцев на Волге, – Раненые офицеры после выздоровления возвращались в строй и передавали нам, что каждый каба́к набит людьми в офицерской форме, все улицы также полны ими...»¹¹⁹.

«Ростов поразил меня своей ненормальной жизнью, – вспоминал другой доброволец, – На главной улице, Садовой, полно фланирующей публики, среди которой масса строевого офицерства всех родов оружия и гвардии, в парадных формах и при саблях... На нас – добровольцев – как публика, так и «господа офицеры» не обращали никакого внимания, как бы нас здесь и не было...»¹²⁰. «Тысячи офицеров из разбежавшихся с фронта полков бродили по городу и с равнодушием смотрели, как какие-то чудачки в офицерской форме с винтовками на плечах несли гарнизонную службу»¹²¹. Наступление большевиков на Ростов сдерживали всего несколько сот офицеров, юнкеров, гимназистов и кадет, а панели и кафе города были полны

¹¹⁴ Из них: 3 ген., 8 ген. – лейтенантов, 25 ген. – майоров, 199 полковников, 50 подполковников, 215 капитанов, 251 штабс-капитан, 394 лейтенанта, 535 корнетов, 688 прапорщиков, 364 унтер-офицера, 437 юнкеров, 235 капралов, 15 моряков, 148 человек медицинского персонала и 118 писарей. 200 чехословаков из технического отряда.

¹¹⁵ Деникин А. И. (II)..., с. 395–396.

¹¹⁶ Письмо М. Алексеева в Ставку ген. М. Дидерихсу 8 (21) ноября 1917 г. (Мельгунов С. Как большевики... с. 322; См. то же подробнее: Корнатовский Н..., с. 18.)

¹¹⁷ Деникин А. И. Очерки русской смуты, т. 1, ч. 2. – Париж-Берлин: 1921, с. 77.

¹¹⁸ Павлов В. Е. Марковцы в боях и походах за Россию в освободительной войне 1918–1920 годов. Т. 1, Париж, 1962, с. 42, 250 (Волков С. В..., с. 66, 171)

¹¹⁹ Мейбом Ф. Ф. Тернистый путь, N 35, с. 12 (Волков С. В..., с. 260)

¹²⁰ Сви́дерский Д. Д. Поход к Ледяному походу // ПП. N 1, с. 37 (Волков С. В..., с. 78)

¹²¹ Корниловский ударный полк, Париж, 1936, с. 56 (Волков С. В..., с. 78)

здоровыми офицерами, не поступавшими в армию. После взятия Ростова большевиками их комиссар Колужный жаловался на страшное обременение работой: тысячи офицеров являлись к нему с заявлением, «что они не были в Добровольческой армии»¹²².

««Всенародного ополчения» не вышло», признавал Деникин, «отозвались офицеры, юнкера, учащаяся молодежь и очень, очень мало прочих городских и земских русских людей». Буржуазия проявила полнейшее равнодушие, и в конце концов из трехсоттысячного корпуса офицеров и миллионной буржуазии в армию поступали только дети»¹²³. «В Добровольческую армию поступали офицеры, юнкера, кадеты, студенты, гимназисты, и почти не приходило солдат... Таким образом, – подтверждал Головин, – Добровольческая армия с самого начала приобрела характер «офицерской» части, то есть явилась ополчением «патриотически настроенной интеллигентной молодежи», морально оторванным от народных масс»¹²⁴.

«В формируемой сейчас Добровольческой армии, пока нет пехоты, достойной упоминания, а имеющаяся артиллерия практически остается без боеприпасов, – сообщал в феврале 1918 г. американский консул Пуль, – С военной точки зрения положение донского правительства прискорбно слабое. Для успеха ему срочно нужны деньги, боеприпасы и снаряжение...»¹²⁵.

Белое движение изначально не имело ни людских, ни материальных ресурсов и было обречено. Следовательно, была обречена и широкомасштабная гражданская война, с ее огромными жертвами и разрухой. Попытки ее развязать закончились бы, относительно малокровным подавлением мятежа «белых» генералов. Остальные противники большевиков не были вооружены, организованны и опасны, как военная сила, они не представляли прямой угрозы. «Не важно, какими бы героями не были эти несколько тысяч мужчин, большевики, – подтверждает Кенез, – перебили бы их без лишних сложностей»¹²⁶.

Признавая этот факт, один из основателей антибольшевистского КОМУЧа эсер П. Климушкин замечал, что «уже в то время можно было вызвать гражданскую войну, (но) мы понимали, что это кончилось бы печально, ибо реальных сил для поддержки движения со стороны населения и рабочих не было. Нельзя было надеяться и на самих солдат... Мы видели, что если в ближайшее время не будет толчка извне, то на переворот надеяться нельзя»¹²⁷...

---

¹²² Раупах Р. Р...., с. 243.

¹²³ Раупах Р. Р...., с. 241.

¹²⁴ Головин Н. Н. Российская контрреволюция..., т.1, с. 438.

¹²⁵ Фрэнсис Лэнсингу, 24.01/6.02.1918, с вложением, датированным 26.01.1918 от консула Пула, FRUS, 1918, Russia, 2: 609, 610–611, 613, 614, 619 (Дэвис Д., Трани Ю... с. 187)

¹²⁶ Кенез П..., с. 9.

¹²⁷ Вестник КОМУЧа. 6.IX.1918, Самара. (Голуб П. А...., с. 204–205).

Белая армия

Все политические лозунги были отброшены. Одна мысль управляла этим народным движением: покончить с большевиками и тогда заняться разрешением вопросов внутреннего устройства.

Ген. К. Сахаров¹²⁸

Что же представляла из себя Белая Армия? За что шли на смерть ее солдаты и офицеры? Не претендуя на исчерпывающий ответ, приведем лишь отдельные характерные зарисовки, сделанные самими «белыми» и их союзниками, которые дают общее представление на этот счет:

Движущая сила

Именно офицеры были той силой, благодаря которой Белое движение вообще могло возникнуть.

С. Волков¹²⁹

«Офицеры сформировали главный штаб антибольшевистского движения..., хотя их было очень мало, они захватили военное и политическое лидерство, они, – подтверждает Кенез, – стали тем ядром, вокруг которого антисоветские группировки могли объединиться»¹³⁰.

Офицеры

Кто были эти офицеры, почему они решили сопротивляться советскому режиму и как они представляли себе будущее России, остается главным вопросом Гражданской войны.

П. Кенез¹³¹

Накануне Первой мировой войны выходцы из потомственного дворянства составляли основу офицерского корпуса Русской армии (Таб. 1). Офицерские училища разделялись по сословному признаку, только с 1913 г. все военные училища стали всесословными¹³². При этом «гвардия комплектовалась офицерами почти исключительно из дворян, за нею следовала кавалерия и специальные войска, офицерство же не из дворян (а так же неимущего и мелкопоместного дворянства) служило, главным образом в пехоте»¹³³.

Таб. 1. Сословный состав офицерского корпуса Русской армии в 1912 г., в %¹³⁴

---

¹²⁸ Сахаров К. В...., с. 12.

¹²⁹ Волков С. В...., с. 291.

¹³⁰ Кенез П...., с. 9.

¹³¹ Кенез П...., с. 8–9.

¹³² Деникин А. И. Старая Армия...., с. 230.

¹³³ Барсуков Е. З...., с. 30.

¹³⁴ По данным военно-статистического ежегодника за 1912 г. (Цит. по: Барсуков Е. З...., с. 30). Округлено до десятых В. Галин.

	Потомств. дворян	Почетных граждан	Духовного звания	Купеческого звания	Крестьян и мещан
Генералов	87,5	7,7	1,4	0,8	2,7
Штаб-офицеров	71,5	10,5	4,2	2,3	11,5
Обер-офицеров	50,4	14,4	3,6	3,6	28
В среднем	69,8	10,9	3,1	2,2	14,1

Однако за три года мировой войны социальный состав офицерского корпуса полностью изменился. За время войны было произведено в офицеры около 220 тыс. человек, то есть больше, чем за всю предыдущую историю русской армии. Общее число офицеров, вместе с кадровыми, составило 300 тыс.¹³⁵. В Первой мировой погибло 73 тыс. офицеров, при этом «едва ли не весь кадровый офицерский состав выбыл из строя уже за первый год войны»¹³⁶. С начала войны офицерский корпус сменился в пехотных частях 3–5 раз, в кавалерии и артиллерии – на 15–40 %¹³⁷.

«В результате (к 1917 г.) наиболее распространенный тип довоенного офицера, потомственный военный (во многих случаях и потомственный дворянин), носящий погоны с десятилетнего возраста – пришедший в училище из кадетского корпуса и воспитанный в духе безграничной преданности престолу и отечеству, – отмечает историк С. Волков, – практически исчез...»¹³⁸. Офицерский состав военного времени утратил свою социальную специфику и «в общем соответствовал сословному составу населения страны». По данным А. Осипова, среди выпускников военных училищ военного времени и школ прапорщиков доля дворян никогда не достигает 10 %, а доля выходцев из крестьян и мещан постоянно растет... Свыше 60 % выпускников пехотных училищ 1916–1917 гг. происходило из крестьян. По данным Н. Головина, из 1000 прапорщиков в его армии (7-й), около 700 происходило из крестьян, 260 из мещан, рабочих и купцов и только 40 из дворян¹³⁹.

В то же время, переход в офицерское звание кардинальным образом менял социальный статус выходца из простого народа: с получением первого офицерского чина, он автоматически становился еще и дворянином. Что это означало для него? – «Момент, когда человек получал первый офицерский чин, был важнейшим в его жизни, – отвечает Волков, – он переступал грань, очерчивавшую высшее в стране сословие, переход в которое коренным образом менял его положение в обществе... это был акт особого значения – гораздо большего, чем поступление на военную службу или получение высших чинов, вплоть до генеральских (ибо в социально-правовом плане между прапорщиком и генерал-фельдмаршалом разницы не было, тогда

¹³⁵ Россия в мировой войне 1914–1918 гг. в цифрах. М., 1925, с. 31 (Волков С. В...., с. 9)

¹³⁶ Волков С. В...., с. 11.

¹³⁷ Гиацинтов Э. Записки белого офицера, М., 1992, с. 253; (Волков С. В...., с. 11.)

¹³⁸ Волков С. В...., с. 11–12.

¹³⁹ Осипов А. К. 65-й годовщине начала Белого движения// Ч. N 641, с. 20; Головин Н. Н. Российская контрреволюция. Ревель, 1937. Кн. 1, с. 85. (Цит. по: Волков С. В...., с. 12)

как между старшим унтер-офицером – фельдфебелем или подпрапорщиком и прапорщиком она была огромной)...»¹⁴⁰.

Значение этого фактора подчеркивали воспоминания британского офицера Х. Уильямсона, добровольно отправившегося на помощь «белым» на Юге России: «Я, – обосновывал он свое решение, – вышел из тех слоев общества, чьи привилегии в то время были очень весомыми, и рассматривал русскую революцию не столько как борьбу рабочих за то, чтобы поправить многое, что было неправильно, сколько как борьбу злых людей, стремившихся покончить с обществом, которому я принадлежал»¹⁴¹.

В России положение привилегированного сословия определялось не столько состоянием, сколько социальным статусом. Не случайно из 70 с лишним генералов и офицеров – «отцов-основателей» Белой армии, участников «1-го Кубанского похода», по данным историка А. Кавтарадзе, всего только четверо обладали какой-нибудь наследственной или приобретенной собственностью; остальные жили до 1917 г. только на служебное жалованье¹⁴². Вместе с тем, офицеры принадлежали к господствующему, правящему сословию, представлявшему немногим более 1 % населения страны. В то время как крестьянство (одетое в солдатские шинели), относилось к официально закрепленному, «социально сегрегируемому», низшему сословию¹⁴³. Непримиримость их противостояния, отмечала американская журналистка Б. Битти, «была прямым и логичным следствием режима, который сделал горстку людей хозяевами, а большинство рабами»¹⁴⁴.

Сословные противоречия углублялись тем, что «в Русской Армии существовало между офицерами и солдатами одно различие, которое, – по словам ген. Н. Головина, – не проявлялось столь резко в армиях других государств. Русский офицер, в силу полученного им образования, являлся по отношению к солдату интеллигентом»¹⁴⁵. Это различие за годы войны еще более обострилось, в связи с тем, что «офицерство, – по словам эсера В. Шкловского, – почти равнялось по своему качественному и количественному составу всему тому количеству хоть немного грамотных людей, которое было в России. Все, кого можно было произвести в офицеры, были произведены. Грамотный человек не в офицерских погонах был редкостью»¹⁴⁶. Огромная разница в образовании, в общественном развитии между солдатами и офицерами, лежала в основе той культурной пропасти, которая разделяла их.

Война привела к резкому обострению этих сословных и культурных противоречий. Наглядный пример тому давали офицеры военного времени, говоря о которых, С. Волков отмечает, что качественный состав офицерского корпуса во время войны «катастрофически упал, прапорщики запаса и абсолютное большинство офицеров ускоренного производства были по своей сути совсем не военными людьми, а производимые из унтер-офицеров, имея неплохую практическую подготовку и опыт войны, они не обладали ни достаточным образованием, ни офицерской идеологией и понятиями»¹⁴⁷. «Юнкера прекрасно натасканы в смысле маршировки, строя, но очень малоразвиты и совсем не культурны», подтверждал преподаватель школы прапорщиков пдп. И. Ильин, «уровень юнкеров совсем низкий, с университетским

¹⁴⁰ Волков С. В. Русский офицерский корпус. Глава II Путь в офицеры. Получение первого офицерского чина. <http://swolkov.org/rok/index.htm>

¹⁴¹ Уильямсон Х..., гл. 1.

¹⁴² Кавтарадзе А. Г. Военные специалисты на службе Республики Советов. 1917–1920 гг. М., 1988.

¹⁴³ О социальной сегрегации русского крестьянства см. подробнее: Галин В. Капитал Российской империи. // Политэкономика истории, т.1. Гл.: Социальная сегрегация.

¹⁴⁴ Битти Б..., с. 341.

¹⁴⁵ Головин Н. Н. Российская контрреволюция..., т.1, с. 75.

¹⁴⁶ Цит. по: Волков С. В..., с. 14.

¹⁴⁷ Волков С. В..., с. 21.

образованием никого, со средним, как исключение, – я даже не понимаю, кому нужны эти прапорщики. А главное, подумать, (только) в двух школах – полторы тысячи человек!»¹⁴⁸

В результате взаимодействия этих двух разнонаправленных факторов (высокого социального статуса и низкого образования), развитие сознания новоиспеченных офицеров, в зависимости от свойств их личности, шло по двум прямо противоположным направлениям:

На первое из них указывал секретарь московского градоначальника В. Брянский: всякий грамотный человек стремился попасть в школы прапорщиков, «чтобы через 4 месяца нацепить на себя офицерские погоны и стать «благородием». Конечно, у таких лиц понятие об офицерской чести и чести мундира абсолютно отсутствовало, но они быстро усвоили привилегированность офицерского положения, знали, что полиция не имела права их касаться..., я имел возможность установить из разговоров с солдатами, что ненависть их к офицерству вообще объяснялась именно поведением скороспелых офицеров, которые всячески старались показать им свою власть и, как малокультурные люди, сопровождали это глумлением, хамством, а подчас и рукоприкладством...»¹⁴⁹. «Наиболее сознательная часть народа так и смотрит, – подтверждал пдп. Ильин, – кадровый офицер – это одно, а всех этих прапорщиков из учителей да из школ в грош не ставили и даже как будто стыдились»¹⁵⁰.

Второе – носило прямо противоположный характер, его формировали те личности, которые выбирали офицерскую стезю, как шанс на приобщение к высшему сословию. Офицерское «чувство, – отмечает историк Волков, – у (этих) людей, едва ли могших рассчитывать получить офицерские погоны в обычных условиях, было даже более обостренным...»: «в состав младших офицеров войсковых частей действующей армии приходил только тот интеллигент, – подтверждал Головин, – который устоял от искушения «окопаться в тылу»; таким образом, в среде молодых поколений нашей интеллигенции создавался своего рода социальный отбор наиболее патриотично и действенно настроенного элемента, который и собирался в виде младших офицеров действующей армии»¹⁵¹.

Вместе с получением офицерского звания, патриотично настроенные выходцы из простого народа стремились перенять и «славный дух» кадрового офицерства¹⁵², среди которого даже самые образованные слабо разбирались в вопросах политики. «Военный уклад, – отмечал Деникин, – перемалывал все те разнородные социально, имущественно, духовно элементы, которые проходили через военную школу. Без видимых воздействий, он делал военную среду весьма маловосприимчивой и к проникновению в нее революционных течений»¹⁵³. «Средний русский офицер – аполитичен, он только национален, – подтверждал видный публицист М. Гаккебуш-Горелов, – Он, молчалив, он действительно поможет нам вернуть родину, а не ученые дрозды, до головной боли насвистывающие одну и ту же фальшивую партийную песенку»¹⁵⁴.

¹⁴⁸ Ильин И. С., с. 170. (7 августа 1916 г.); с. 188. (5 февраля 1917 г.)

¹⁴⁹ Брянский В. В., с. 119.

¹⁵⁰ Ильин И. С., с. 273. (21 июня 1918 г.)

¹⁵¹ Головин Н. Н. Российская контрреволюция. Кн. 1. – Ревель, 1937–С. 86. (Цит. по Волков С. В., с. 292)

¹⁵² Штейфон Б. А., с. 151.

¹⁵³ Деникин А. И. Старая Армия..., с. 269–270.

¹⁵⁴ Горелов М. (Гаккебуш М. М.) На реках Вавилонских. Записки беженца – Берлин. 1921. – 106 с. (Новый журнал. (Нью-

«Система ценностей для офицеров была преопределенная, как непоколебимый факт, не вызывающий ни сомнений, ни разногласий..., – пояснял Деникин, – Отечество воспринималось с пылкостью и страстностью, как единый организм, включающий в себя и страну и людей, без анализа, знания его жизни, без копания в темных глубинах его интересов... Молодых офицеров едва ли интересовали социальные вопросы, которые они считали чем-то странным и скучным. В жизни они их просто не замечали; в книгах страницы, касающиеся социальных прав, с раздражением переворачивались, воспринимались как нечто, мешающее развитию сюжета... Хотя, в общем, и читали они не много...»¹⁵⁵.

«Военная служба – это тяжелая профессия, требующая особой подготовки, постоянной тренировки и специальных знаний, – пояснял особенности подготовки офицерского корпуса ген. А. Розеншильд-Паулин, – Поэтому нужно, чтобы офицерское сословие было сплоченной, профессиональной кастой, в которую трудно было бы проникнуть извне, так как со стороны к нам вносят только либеральные мысли и вольные взгляды на службу и жизнь, расшатывающие дисциплину... и влекущие растление армии»¹⁵⁶.

Оборотной стороной такого воспитания являлся тот факт, отмечал Керенский, что «понятие будущего офицера о гражданском долге, чести, родине, государстве и службе полностью отличались от понятий остальной России. Проведя десять лет в искусственной среде будущий офицер считал себя «высшим существом». Он включался в то или иное армейское подразделение, не имея никакого понятия об остальной России, ни к чему не приспособленный, кроме военной атмосферы, в которой воспитывался»¹⁵⁷.

Образовательный принцип производства в офицеры, вместо сословного, был введен еще реформой 1874 г. и к началу XX века в армии было немало офицеров вышедших из «кухаркиных детей». Произведенные в офицеры они теряли всякую связь со своим прежним состоянием, становясь частью «военной машины» – нового, служилого сословия, полностью, и даже в более резких формах, впитав в себя его традиционные черты.

Примером в данном случае мог служить выходец из простого народа, сын крепостного крестьянина, лидер Белого движения – ген. А. Деникин, характеризуя которого, ген. Н. Головин указывал, что строки командующего армии Юга России «грешат тем непониманием народных масс, которое привело затем самого автора... к крушению...»¹⁵⁸.

Сам Деникин, говоря о своем предшественнике на посту командующего Добровольческой армией, сыне казачьего хорунжего Л. Корнилове, отмечал: «Он, будучи суровым и прямолинейным солдатом, искренним патриотом, мало знал о людях...»¹⁵⁹. Корнилов «был прежде всего солдат, храбрый рубака, способный воодушевить личным примером армию во время боя, бесстрашный в замыслах, решительный и настойчивый в выполнении их. Но его интеллектуальная сторона далеко не стояла на высоте его воли..., – дополнял портрет П. Милуков, – Политический кругозор Корнилова был крайне узок...»¹⁶⁰.

Высший командный состав представлял собой узких специалистов, замкнутых в рамках своей профессии. Ярким представителем этого когорты, по мнению офицера деникинской армии Э. Гиацинтова, являлся Начальник штаба Верховного главнокомандующего, во время мировой войны, и основатель белой армии Юга России, сын простого солдата «Алексеев –

Йорк) № 183. с. 207–209. (Волков С. В..., с. 292.)

¹⁵⁵ Деникин А. И. Старая Армия..., с. 299–300; Кенез П..., с. 22.

¹⁵⁶ Розеншильд-Паулин А. Строевая армия. Русский Инвалид.–1909. № 172. // Офицерский корпус..., с. 297.

¹⁵⁷ Керенский А. Русская революция..., с. 142, 144.

¹⁵⁸ Головин Н. Н., т. 2, с. 155.

¹⁵⁹ Кенез П..., с. 35.

¹⁶⁰ Россия на переломе, т. II, с. 57. (Головин Н. Н. Российская контрреволюция..., т.1, с. 455).

ученый военный, который никогда в строю не служил, солдат не знал. Это был не Суворов и не Скобелев, которые, хотя и получили высшее военное образование, всю жизнь провели среди солдат и великолепно знали их нужды...»¹⁶¹. М. Лемке, довольно близко знавший ген. Алексеева, еще в середине 1916 г. буквально пророчествовал: «вина Алексеева не в том, что он не понимает основ гражданского управления и вообще невоенной жизни страны; а в том, что он не вполне понимает всю глубину своего незнания и все берется решать...»¹⁶².

Образцовым представителем этой «военной машины» являлся потомственный дворянин А. Колчак, характеризуя которого, его ближайший соратник Гинс отмечал, что адмирал – «редкий по искренности патриот, прямой, честный..., но человек корабельной каюты, не привыкший управлять живыми существами, наивный в социальных и политических вопросах...»¹⁶³. Колчак, подтверждал ген. Д. Филатьев, «жил вне времени и вне пространства, как бы сидел в своей адмиральской каюте и строил планы, не считаясь с тем, что в это время происходит на палубе и море»¹⁶⁴. Колчак, дополнял его характеристику военный министр ген. А. Будберг, это «честный и искренний, но дряблый, безвольный, не знающий жизни и дела человек, плененный кучкой политиканов и честолюбцев...»¹⁶⁵.

Русское офицерство в данном случае не было исключением, эти особенности свойственны кадровому составу всех армий, поскольку Армия по своей сути представляет собой наиболее консервативный и пропитанный национальным духом институт государства, ибо без этого не может быть никакой боеспособной воинской силы. У кадрового военного, тем более во время войны, нет возможности углубляться в политические абстракции и юридическую казуистику, у него нет времени на то, чтобы разбираться в условностях политических лозунгов и относительности юридических суждений, он непосредственно поставлен на грань жизни и смерти, и должен не рассуждать, а действовать, для защиты тех абсолютных для него ценностей, которые стоят за ним.

Армии нужны возвышенные ценности, абсолютные и непреложные, ради которых она готова пойти на смерть, ради которых она будет сражаться до конца. Эти особенности армейской среды приводили к тому, что «социалисты называли офицерство враждебно-презрительно кастой. Да, (мы) каста-корпорация, – отвечал на это «белый» ген. К. Сахаров, – общество культивируемой чести, самопожертвования и даже подвига»¹⁶⁶. Поведение офицера, подчеркивал Деникин, определяет, прежде всего, «чувство чести и личного достоинства, то честолюбие и самолюбие, на которых только и может строиться характер истинно военный»¹⁶⁷.

* * * * *

С началом войны «в руках офицеров, когда-то описанных Куприным в «Поединке», оказалась грозная сила армии, собиравшейся в бой. Опостылевшая мирная жизнь забыта, впереди война, цель жизни офицера. Переживания командного состава не были сложными»¹⁶⁸. «Офицерский корпус, как и большинство средней интеллигенции, не слишком интересовался сакраментальным вопросом о «целях войны», – подтверждал Деникин, – Война началась. Поражение принесло бы непомерные бедствия нашему Отечеству во всех областях его жизни...

¹⁶¹ Гиацинтов Э. Записки белого офицера. – СПб.: МП «Интерполиграфцентр», 1992. – 266 с., с. 82.

¹⁶² Лемке М. К..., 1916, с. 574.

¹⁶³ Гинс Г. К..., с. 525.

¹⁶⁴ Филатьев Д. В. Катастрофа Белого движения в Сибири. Впечатления очевидца. (Квакин А. В..., с. 264).

¹⁶⁵ Будберг А. 2 августа 1919 г..., с. 204.

¹⁶⁶ Сахаров К. В..., с. 25.

¹⁶⁷ Деникин А. И. Старая Армия..., с. 226.

¹⁶⁸ Яковлев Н. Н..., с. 36.

Необходима победа. Все прочие вопросы уходили на задний план, могли быть спорными, перешагивались и видоизменяться»¹⁶⁹. «Идея прекращения войны была для массового офицера, – отмечал ген. Н. Головин, – синонимом гибели России, это было психологически совершенно естественно...»¹⁷⁰.

И в то же время война была для кадрового офицера средством самореализации. Война была его звездным часом, то – к чему он готовился на протяжении всей своей жизни. Эти настроения звучали в частных признаниях Колчака: «Война прекрасна, хотя она связана со многими отрицательными явлениями, но она везде и всегда хороша. Не знаю, как отнесется Она к моему единственному и основному желанию служить Ей всеми силами, знаниями, всем сердцем и всем своим помышлением». «Война дает мне силу относиться ко всему «холодно и спокойно», я верю, что она выше всего происходящего, она выше личности и собственных интересов, в ней лежит долг и обязательство перед Родиной, в ней все надежды на будущее, наконец, в ней единственное моральное удовлетворение. Она дает право с презрением смотреть на всех политиканствующих хулиганов и хулиганствующих политиков, которые так ненавидят войну и все, что с ней связано в виде чести, долга, совести...»¹⁷¹. «Моя вера в войну, – заключал Колчак, – ста(ла) положительно каким-то религиозным убеждением...»¹⁷².

Кадровый офицерский состав откровенно не понимал солдат, настроения которых были прямо противоположны: «в 1915 году во время отступления из Галиции, около миллиона русских солдат оказалось в плену, три четверти сдались без сопротивления. К концу 1917 года почти четыре миллиона русских солдат находились в немецком или австрийском плену. Таким образом, потери военнопленными прежней имперской армии, в конечном счете, превысили боевые потери в три раза: по последней оценке, русская армия потеряла погибшими... примерно столько же, сколько и французская, где число попавших в плен к немцам было ничтожно мало. Русский солдат-крестьянин, – приходил к выводу британский историк Д. Киган, – просто не имел тех отношений, которые связывали немецких, французских и британских солдат с товарищами, с частью и с национальными интересами. Он находил психологию профессиональных солдат необъяснимой, рассматривая свои новые обязанности как временные и бессмысленные. Поражение быстро деморализовало их. Зачастую солдаты, отличавшиеся храбростью, не находили ничего позорного в том, чтобы самим сдаться в плен, где, по крайней мере, они получали пищу и безопасность»¹⁷³.

Крестьянин-солдат не видел и не понимал целей войны, он не знал, за что его посылают на страдание и смерть. «Даже после объявления войны, прибывшие из внутренних областей России пополнения совершенно не понимали, какая это война свалилась им на голову, – указывал как на общее явление ген. А. Брусилов, – Сколько раз спрашивал я в окопах, из-за чего мы воюем, и всегда неизбежно получал ответ, что какой-то там эрц-герц-перц с женой были убиты, а потому австрияки хотели обидеть сербов. Но кто же такие сербы – не знал почти никто, что такое славяне – было так же темно, а почему немцы из-за Сербии вздумали воевать,

¹⁶⁹ Деникин А. И.... т.2.

¹⁷⁰ Головин Н. Н. Российская контрреволюция..., т.1, с. 77.

¹⁷¹ Цит. по: Краснов В.Г..., кн. 1, с. 382–383.

¹⁷² Черновик письма А. В. Колчака А. В. Тимиревой (24 июня 1917 г., 2 и 17 января 1918 г.) // «Милая, обожаемая моя Анна Васильевна...». М., 1996, С. 203–204, 253, 259. (Мельгунов С. П. Трагедия адмирала..., с. 18–19).

¹⁷³ Киган Д... с. 440.

было совершенно неизвестно. Выходило, что людей вели на убой неизвестно из-за чего, то есть по капризу царя»¹⁷⁴.

Не случайно поражения 1915 г. отчетливо проявили новую тенденцию, формировавшуюся в армии – стремление солдат к миру и нарастание на этой почве раскола между офицерством и солдатами. Офицеры уже в феврале 1916 г. писали с фронта: «Дух армии пал, это факт неоспоримый. Об этом лучше всего можно судить здесь в окопах... Жажда мира разлагает дух армии... Вера в помощь младшего офицерского состава не может оправдаться. Ведь мы сидящие в окопах, – «обреченные». Офицеры это чувствуют так же, а может быть и сильнее, нижних чинов»¹⁷⁵. Другой офицер в январе 1917 г. в письме лидерам оппозиции Милюкову и Маклакову сообщал: «Если мир не будет заключен в самом ближайшем будущем, то можно с уверенностью сказать, что будут беспорядки. Люди, призванные в войска, впадают в отчаяние не из малодушия или трусости, а потому, что никакой пользы от этой войны не видят»¹⁷⁶.

Февральская революция получила поддержку солдат только потому, что именно с ней они связывали скорое окончание войны: «Когда 3 марта 1917 г. мы узнали, что бывший царь Николай II отрекся от престола мы, – писали солдаты, – очень радовались, что скоро кончится кровопролитная война»¹⁷⁷. «Истинной двигающей силой... революции в начале ее, – подтверждал «белый» ген. Н. Головин, – было стихийное стремление русских народных масс прекратить внешнюю войну...»¹⁷⁸. Но на пути солдатских устремлений встал чуждый ему офицерский корпус. Именно «глубокая пропасть, разделявшая офицеров и солдат», приходил к выводу британский ген. Э. Айронсайд, стала «подлинной причиной», произошедших в России событий¹⁷⁹.

«События 27–28 февраля и последующее отречение императора Николая II от престола, открыли дорогу ненависти и насилия и стали, – по словам историка белого движения Волкова, – началом Голгофы русского офицерства. На улицах Петрограда повсеместно происходили задержания, обезоруживания и избиения офицеров, некоторые были убиты. Когда сведения о событиях в столице дошли до фронтов, особенно после обнародования пресловутого «Приказа № 1»... там началось то же самое»¹⁸⁰. Какое влияние это оказало сразу же на боеспособность армии, свидетельствует телеграмма главкома Северного фронта от 6 марта «Ежедневные публичные аресты генеральских и офицерских чинов, производимые при этом в оскорбительной форме, ставят состав армии, нередко георгиевских кавалеров, в безвыходное положение...»¹⁸¹.

В первые дни революции – 3–4 марта 1917 г. «в Кронштадте были зверски убиты главный командир порта адмирал Р. фон Вирен, начальник штаба адмирал А. Бутаков... командир 2-й бригады линкоров адмирал А. Небольсин, на следующий день толпа настигла командующего Балтийским флотом адмирала А. Непенина. От рук взбунтовавшихся матросов пали комендант Свеаборгской крепости, командиры 1-го и 2-го флотских экипажей, командир линкора «Император Александр II», командир крейсера «Аврора»... К 15 марта Балтийский флот и крепость Кронштадт потеряли

¹⁷⁴ Цит. по: Валянский С..., 93.

¹⁷⁵ Лемке М. К..., 1916, с. 243.

¹⁷⁶ Раупах Р. Р..., с. 174.

¹⁷⁷ 30 августа 1917. – Обзор писем солдат в газете «Голос социал-демократа». // Революционное движение..., с. 371.

¹⁷⁸ Головин Н. Н. Российская контрреволюция..., т.2, с. 405.

¹⁷⁹ Айронсайд Э... (Голдин В. И..., с. 327–328.)

¹⁸⁰ Волков С. В..., с. 15.

¹⁸¹ 6 марта. – Телеграмма главнокомандующего армиями Северного фронта Я. В. Рузского начальнику штаба верховного главнокомандующего М. В. Алексею о массовом аресте солдатами генералов и офицеров. // Революционное движение..., с. 26.

150 офицеров, из которых более 100 было убито, или покончило собой. На Черноморском флоте так же было убито много офицеров..., имелись и случаи самоубийства»¹⁸².

Из донесений командиров частей об убийствах офицеров в 1917 г.: «... 17 мая солдатами 707-го полка убит начальник дивизии ген. Я. Я. Любицкий... 18 мая с командира роты 85-го пехотного полка, прапорщика Удачина, сорваны погоны, 19 мая арестован начальник 7-й стрелковой дивизии генерал-майор Богданович, командир 26-го Сибирского стрелкового полка полковник Шершнев и командир батальона этого полка... 23 мая возбужденная толпа солдат 650-го полка арестовала командира полка и 7 офицеров, сорвав с них погоны, причем штабс-капитану Мирзе были нанесены несколько ударов по лицу, а подпоручика Улитко жестоко избили и оставили на дороге лежащим без сознания...»¹⁸³.

«Цензура часто перехватывала солдатские письма такого содержания: «Здесь здорово бунтуют, вчера убили офицера из 22-го полка и так много арестовывают и убивают». Убийства происходили и в тыловых городах в Пскове погиб полковник Самсонов, в Москве полковник Щавинский, в Петрограде князь Абашидзе. Не в силах вынести глумления солдат, некоторые офицеры стрелялись»¹⁸⁴. «Январь 1915 г., под Лутовиско. В жестокий мороз, по пояс в снегу, однорукий бесстрашный герой полковник Носков, рядом с моими стрелками, под жестоким огнем вел свой полк в атаку на неприступные скаты высоты..., – вспоминал – Деникин, – Тогда смерть пощадила его. И вот теперь пришли две роты, вызвали ген. Носкова, окружили его, убили и ушли»¹⁸⁵.

«*Гражданская война началась с тех февральских дней*, – подчеркивает С. Волков, – То, что пережито офицерами в те месяцы, никогда не могло изгладиться из их памяти...»¹⁸⁶. В поисках виновных, командный состав армии уже 10 марта приходил к выводу, что «причиной (этих) эксцессов следует считать приказы Совета рабочих депутатов, к которому большинство солдат относится с полным доверием. Это подрывает боевую мощь армии»¹⁸⁷.

Но основная ответственность за то, что «после Февраля положение офицеров превратилось в сплошную муку», утверждает историк С. Волков, лежала на большевиках, «антиофицерскую пропаганду большевиков, стоявших на позициях поражения России в войне, ничто отныне не сдерживало, и она велась совершенно открыто и в идеальных условиях. Желание офицеров сохранить боеспособность армии..., наталкивалось на враждебное отношение солдат, распропагандированных большевистскими агитаторами, апеллировавших к шкурным инстинктам и вообще самым низменным сторонам человеческой натуры»¹⁸⁸.

Однако эксцессы, связанные с насилием над офицерами, начались в феврале – тогда, когда большевиков, как политической силы еще не существовало, еще не было даже ни Советов, ни Временного правительства, а полки один за другим «покидали казармы без офицеров. Солдаты многих арестовали, многих убили. Другие скрылись, бросив части, как только почув-

¹⁸² Революционное движение..., с. 26–27. (Волков С. В..., с. 15.)

¹⁸³ См. подробнее: Волков С. В..., с. 13–14.

¹⁸⁴ Столыпин А. А. Записки драгунского офицера. 1917–1920 // Русское прошлое. Кн. 3. 1992., с. 12–13.

¹⁸⁵ Деникин А. И..., 1921, т. 1, с. 184.

¹⁸⁶ Волков С. В..., с. 15.

¹⁸⁷ 10 марта 1917–Рапорт генерал-квартирмейстера 5-й армии К. К. Черного начальнику штаба армий Северного фронта Ю. Я. Данилову об отношении солдат к перевороту и о доверии приказам Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. // Революционное движение..., с. 31.

¹⁸⁸ Волков С. В..., с. 16–17.

ствовали враждебное агрессивное настроение людей»¹⁸⁹. «Почти все части без офицеров...», – подтверждал непосредственно наблюдавший прибытие войск к зданию Временного комитета государственной Думы В. Шульгин¹⁹⁰. Причины этих эксцессов, утверждал А. Керенский, крылись в том, что «в армейских рядах накопилось чересчур много обид, гнева, ненависти к командирам, в преступлениях режима, винули наименее виновных»¹⁹¹.

И высшее командование не только не смогло ничего противопоставить начинавшейся анархии, но и само поощряло ее. Сам ген. Л. Корнилов, будущий прославленный родоначальник антибольшевистского движения, начал свою деятельность в должности главнокомандующего Петроградским военным округом с того, что собственноручно приколот Георгиевский крест к груди унтер-офицера Волынского полка Кирпичникова в награду за убийство им 27 февраля прямого своего начальника – заведующего учебной командой того же полка капитана Лашкевича¹⁹².

Начальник Петроградского гарнизона ген. Энгельгардт, 1-го марта выпустил следующее воззвание: «среди солдат Петроградского гарнизона распространились слухи, будто бы офицеры в полках отбирают оружие у солдат. Слухи эти были проверены в двух полках и оказались ложными. Как председатель временной комиссии временного комитета Государственной Думы, я заявляю, что будут приняты самые решительные меры к недопущению подобных действий со стороны офицеров вплоть до расстрела виновных...»¹⁹³. «Последние слова воззвания, будучи горячо восприняты теми солдатами, которые поняли свободу в смысле отсутствия подчинения, дали, – по словам В. Воейкова, – в результате известные всем случаи зверской расправы нижних чинов с офицерами. Автором этого воззвания был бывший воспитанник Пажеского его императорского величества корпуса, офицер лейб-гвардии Уланского его величества полка и, как окончивший Николаевскую академию, носитель мундира генерального штаба»¹⁹⁴.

С тех же первых дней февральской революции первый – либеральный состав Временного правительства начал реформы по Демократизации армии. По данным Деникина, из 40 командующих фронтами, армиями и их начальниками штабов только 14 выступили против «демократизации» армии, 15 ее поощряли, и 11 были нейтральны. «Демократическая» чистка в армии привела к тому, что только в апреле-мае, было уволено 143 старших начальника, в т. ч. 70 начальников дивизий¹⁹⁵. «В течение короткого времени в командном составе нашей армии было произведено столько перемен, – хвалился военный министр Гучков, – каких не было, кажется, никогда ни в одной армии»¹⁹⁶.

Солдаты приступили к осуществлению той же демократизации армии, только не сверху, а снизу, в тех формах, в которых они ее понимали. Выступления солдат против офицеров совершались под лозунгами борьбы с «контрой», за демократизацию армии. Примером этих настроений может служить резолюция комитета Гвардейского кавалерийского корпуса: «Командный состав корпуса, созданный историческими кастовыми традициями привилегированного класса, в большинстве продолжает вести борьбу с демократическими слоями»¹⁹⁷.

¹⁸⁹ Керенский А. Русская революция..., с. 31–32.

¹⁹⁰ Шульгин В. В..., с. 197.

¹⁹¹ Керенский А. Русская революция..., с. 138, 141, 147.

¹⁹² Воейков В. Н..., с. 231.

¹⁹³ Керенский А. Русская революция..., с. 152–153.

¹⁹⁴ Воейков В. Н..., с. 196–197.

¹⁹⁵ Деникин А. И. (I)..., с. 5, 7–8.

¹⁹⁶ Из выступления военного министра А. Гучкова на съезде делегатов фронта 12 мая (22 апреля) 1917 г. (Головин Н. Н. Российская контрреволюция..., т. 1, с. 83).

¹⁹⁷ 3–4 сентября 1917. – Резолюция комитета Гвардейского кавалерийского корпуса о необходимости демократизации офицерского состава корпуса и удалении из корпуса контрреволюционных офицеров. // Революционное движение..., с. 397.

Однако основная причина эксцессов крылась не столько в революционных настроениях солдат, сколько во все более нараставшем их стремлении к миру. Указывая на этот факт, командующий 5-й армией ген. А. Драгомиров уже 29 марта сообщал: «Боевое настроение упало. Не только у солдат нет никакого желания наступать, но даже простое упорство в обороне и то понизилось до степени, угрожающей исходу войны. Все помыслы солдат обращены на тыл... уже появились прокламации об избии офицеров», вся войсковая масса желает одного – «прекращения войны и возвращения домой... **Настроение падает неудержимо... никакие доводы не переселят господствующего настроения протеста**»¹⁹⁸.

Попытка Временного правительства и Советов организовать солдат демократическими мерами не удалась. На причину этого указывал в своем донесении в Ставку ген. И. Сытин: «Комитеты в общем работают добросовестно, но в некоторых вопросах вынуждены идти за солдатской массой, чтобы не потерять у нее популярности»¹⁹⁹. «Существующая армейская организация слишком несовершенна, она не в силах противостоять темным, эгоистическим массам. Ротные, полковые и дивизионные комитеты признаются массой лишь постольку, поскольку они идут за массой..., – подтверждал начальник 2-й Финляндской стрелковой дивизии Е. Демидов, – В общем выводы: с каждым днем комитетам и командному составу становится все труднее и труднее сдерживать темные солдатские массы, армия постепенно превращается в толпу, которая пока еще не пробудилась вполне для преступлений, но которая не сегодня-завтра всей своей громадной массой, от моря и до моря, с оружием в руках примет за осуществление своего преступления ликвидации родины, о чем и считаю своим гражданским долгом донести»²⁰⁰.

Все эти настроения в концентрированном виде проявились во время летнего наступления. В сводке сведений о настроении в действующей армии с 1-го по 9 июля о положении офицеров сообщалось: «В донесениях всех высших начальников указывается на крайне тяжелое положение в армии офицеров, их самоотверженную работу, протекшую в невыносимых условиях, в стремлении поднять дух солдат, внести успокоение в ряды разлагающихся частей и сплотить вокруг себя всех, оставшихся верными долгу перед родиной. Подчеркнута явная агитация провокаторов-большевиков, натравливающая солдат на офицеров. В большинстве случаев работа офицерства сводится к нулю, разбиваясь перед темной и глухой враждой, посеянной в солдатских массах, охваченных одним желанием уйти в тыл, кончить войну любой ценой, но не ценой собственной жизни. Вражда часто принимает открытый характер, выливаясь в насилия над офицерами. В 115-м полку большинство офицеров должно было скрыться. Требования солдат о смене неугодных начальников стали повседневным явлением. В 220-м полку несколько рот ушли с позиции, причем в окопах остались одни офицеры. В 111-м полку на всей позиции после самовольного ухода рот остались несколько десятков наиболее сознательных солдат и все офицеры. Напряжение сил офицеров дошло до предела, терпение стало мученичеством. В боях под Крево и Сморгонью все офицеры были впереди атакующих частей, показав пример долга и доблести. Потери офицерского состава громадны. В 204-м полку выбыли из строя все офицеры». «Яркую иллюстрацию положения офицерства дают рапорты трех офицеров 43-го Сибирского полка, в которых они ходатайствуют: двое – о зачислении в резерв и один – о разжаловании в рядовые. Офицеры указывают на невозможность принести какую-либо

¹⁹⁸ 29 марта 1917. – Письмо командующего 5-й армией Л. М. Драгомирова главнокомандующему армиями Северного фронта Н. В. Рузскому о выступлении солдат против войны и неповиновении их начальству // Революционное движение..., с. 44.

¹⁹⁹ 10 сентября 1917. – Из донесения дежурного генерала штаба Румынского фронта И. П. Сытина 2-му генерал-квартирмейстеру штаба верховного главнокомандующего Ю. Я. Плюшевскому-Плюшкину о настроении войск. // Революционное движение..., с. 407.

²⁰⁰ 1 октября. – Рапорт начальника 2-й Финляндской стрелковой дивизии Е. М. Демидова командиру 22-го армейского корпуса А. А. Бескровному о настроении солдат в частях дивизии. // Революционное движение..., с. 442–443.

пользу при данных условиях и слагают с себя ответственность за свои части в бою. «Служба офицера превратилась в настоящее время в непрерывную нравственную каторгу...» – пишет один из офицеров...»²⁰¹.

Для наведения дисциплины командный состав требовал восстановления смертной казни на фронте, против этого выступали социал-демократические организации: «Смертная казнь увеличит возмущение в армии, дезорганизует и ослабит ее..., – предупреждали они, – Восстановление смертной казни дает оружие в руки самым темным силам реакции в борьбе с революцией»²⁰²; «Восстановление смертной казни на фронте... внесет раздражение и дезорганизацию в солдатские массы»²⁰³.

Смертная казнь была восстановлена 12 июля «Когда применили у нас смертную казнь на фронте, то все начальники торжествовали и говорили солдатам – лопнула ваша свобода, (однако вскоре) вследствие этого среди солдат началось волнение»²⁰⁴. «Отмечается во многих частях повышенное настроение в связи с введением строгой дисциплины, смертной казни, – сообщала Сводка о настроении армии, – и вообще недовольство решительными мерами верховного»²⁰⁵. Тем не менее, по словам лидера эсеров В. Чернова, «на московском государственном совещании некоторые хвастались, что за нарушение воинской дисциплины без колебаний приказывали *расстреливать целые полки*»²⁰⁶.

Ответной реакцией солдат, на применение карательных мер, все чаще становилось убийство офицеров²⁰⁷. Примером мог служить 10-й Сибирский полк, в котором один из стрелков, «за вооруженный грабеж был приговорен к смертной казни», в ответ солдаты «потребовали выдачи приговоренного, угрожая в случае отказа перебить всех офицеров и весь состав суда»²⁰⁸. Командующий 11-й армией ген. П. Балувев буквально впал в отчаяние: «Ознакомившись с духом армии, я в ужасе, я потрясен от того, какая опасность и позор ожидают Россию. Время не ждет... (Но) параграф 14 Декларации (то есть право расстреливать на месте) исполнять нельзя, потому что командир

²⁰¹ 14 июля 1917.– Сводка сведений о настроении в действующей армии за время с 1 по 9 июля. // Революционное движение..., с. 211–212.

²⁰² 16 июля 1917.– Резолюция V съезда Социал-демократии Латышского края с протестом против восстановления смертной казни на фронте. // Революционное движение..., с. 222.

²⁰³ 20 июля 1917.– Резолюция собрания 23 русских, сибирских и латышских полков 12-й армии с протестом против введения смертной казни, расформирования революционных частей и ограничения прав войсковых комитетов // Революционное движение..., с. 230.

²⁰⁴ 30 августа 1917.– Обзор писем солдат в газете «Голос социал-демократа». // Революционное движение..., с. 370.

²⁰⁵ 25 августа 1917. – Сводка сведений о настроении действующей армии с 10 по 19 августа // Революционное движение..., с. 347.

²⁰⁶ Чернов В..., с. 359.

²⁰⁷ См. например: 2 августа 1917.– Донесение временно исполняющего должность начальника штаба армий Западного фронта М. П. Алексеева начальнику штаба верховного главнокомандующего А. С. Лукомскому о волнении в 299-м пехотном Дубнейском полку и убийстве командира полка; 4 августа. – Донесение командующего 11-й армией Ф. С. Рерберга главнокомандующему армиями Юго- Западного фронта А. И. Деникину о протесте солдат 3-й артиллерийской бригады 6-го армейского корпуса против приказа генерала Корнилова о мерах борьбы с дезертирством // Революционное движение..., с. 288, 300.

²⁰⁸ 27 октября. – Донесение генерал-квартирмейстера Северного фронта В. Л. Барановского генерал-квартирмейстеру верховного главнокомандующего М. К. Дитерихсу о настроении в войсках Северного фронта. // Революционное движение..., с. 551.

в одиночку противостоит сотням и тысячам вооруженных людей, склонных к побегу...»²⁰⁹.

Вся история с летним наступлением русской армии, приходил к выводу ген. Н. Головин, «представляла собою стратегическую авантюру», в которую первый раз было вовлечено офицерство. Во время корниловского выступления офицерство было вовлечено во вторую авантюру, это была политическая авантюра. «Первая авантюра озлобила солдат против офицеров. Вторая сделала их врагами. В этом отношении ген. Корнилов вместе с Керенским, – по словам Н. Головина, – играли в руку своего общего врага – большевиков, окончательно расчлняя Русскую Армию на две враждебные части, которые впоследствии будут называться одна Белой, а другая Красной Армией»²¹⁰.

Действительно, корниловский мятеж окончательно расколол армию. «После Корниловского выступления разрыв между офицерским составом и солдатской массой происходит уже полный и окончательный, – сообщала октябрьская сводка о настроениях с Западного фронта, – масса видит в офицерах не только «контрреволюционеров», но и главную помеху к немедленному прекращению войны»²¹¹. Именно в это время, повторял Головин, «разрыв доходит до крайности: оба лагеря становятся по отношению друг к другу вражескими. Это уже две вражеские армии, которые еще не носят особых названий, но по существу это белая и красная армия»²¹².

«Во всех подразделениях, – подтверждал А. Керенский, – началась охота, издевательства, уничтожение офицеров. На всем протяжении фронта солдаты самовольно арестовывали офицеров, сами оглашали обвинительные заключения..., выбирали новых командиров, устраивали военно-революционные трибуналы... Все офицеры превратились в «корниловцев», то есть реакционеров»²¹³. Виновным в этом, Керенский считал лично ген. Л. Корнилова: «сам глава армии подал пример неповиновения по отношению к вышестоящему – высшей правительственной власти. Таким образом, было подтверждено право каждого, кто носил оружие, действовать по своему разумению. Поступок Корнилова сыграл ту же роковую роль для судьбы армии..., он завел армию на дорогу, которая привела ее к окончательному краху»²¹⁴.

Настроения офицерского корпуса, в ответ на эти обвинения, передавали слова последнего начальника Генерального штаба русской армии ген. В. Марушевского: *на путь борьбы офицеров толкнула «мартовская революция»...*, которая совершенно выбросила из колеи. Вся моя жизнь была положена на изучение моего специального дела, я никогда не занимался социальными вопросами... Разлагающие приказы Вр. Правительства, направленные специально против офицерского корпуса – в течение всего нескольких дней – совершенно подорвали авторитет этого правительства в наших глазах. Долг слепо повиноваться этой власти, влекущей армию в пропасть, исчез. Оставалось одно – отдать все свои силы на выполнение последнего завета царя – «война до победного конца»»²¹⁵.

«Для меня, человека военного и все время занятого исключительно военными делами, – пояснял настроения офицерского корпуса Колчак, –

²⁰⁹ Ген. Балувев – Керенскому (Керенский А. Ф. Прелюдия..., с. 27–28)

²¹⁰ Головин Н. Н. Российская контрреволюция ..., т.1, с. 171–172.

²¹¹ «Сводка сведений о настроении частей войск Армий Западного фронта с 12(25)–15(28).10.1917» (Головин Н. Н...., с. 373.)

²¹² Головин Н. Н. Российская контрреволюция, Ревель, 1937, Кн. 2, с. 114 (Волков С. В...., с. 31)

²¹³ Керенский А. Русская революция..., с. 311–312.

²¹⁴ Керенский А. Ф. Прелюдия..., с. 89

²¹⁵ Марушевский В. В...., с. 173

казалось необходимым рассматривать происходящую у нас революцию с точки зрения войны. Для меня казалось совершенно ясным, что в такой громадной войне, в какой мы участвуем, проигрыш этой войны будет проигрышем и революции, и всего того, что связано с понятием нашей родины – России. Я считал, что проигрыш войны обречет нас на невероятную вековую зависимость от Германии, которая к славянству относится так, что ожидать хорошего от такой зависимости не приходилось»²¹⁶.

В этих условиях, «гонения, которые испытывал с марта офицерский состав, усиливали в нем патриотические настроения; слабые и малодушные ушли, остались, – как отмечал ген. Н. Головин, – только сильные духом. Это были те люди – герои, в которых идея жертвенного долга, после трехлетней титанической борьбы, получила силу религии... Неудача корниловского выступления могла только усилить эти настроения. Связь большевиков с германским генеральным штабом была очевидна. Победа Керенского, которая, по существу, являлась победой большевиков, приводила к тому, что в офицерской среде точно установилось убеждение, что Керенский и все умеренные социалисты являются такими же врагами России, как и большевики. Различие между ними только в «степени», а не по существу... Русское офицерство военного времени не носившее классового характера, приобретает теперь обособленность социальной группировки..., это обособление не обуславливалось какими-либо сословными или имущественными признаками, а исключительно данными социально-психологического порядка. До корниловского выступления офицерство старалось всеми силами не допустить углубления трещины между ним и нижними чинами. Теперь оно признало этот разрыв как совершившийся факт...»²¹⁷.

Характеризуя настроения в войсках в конце августа, начштаба 33-го армейского корпуса в своем донесении указывал, что среди солдат «бродит мысль, что война окончится тогда, когда офицеров не будет, так как только офицеры желают войны и поддерживают ее»²¹⁸. «Со всех сторон фронта отмечается та жажда мира, которая обуяла широкие солдатские массы, – сообщало донесение в Ставку от 10 сентября, – В 9-й армии был многозначительный случай ареста солдатами офицера за одну только высказанную им мысль о том, что мир будет не скоро»²¹⁹.

«Все определеннее выясняется та жгучая жажда мира, которая охватила широкие солдатские массы. Мира, немедленного мира, на каких угодно условиях, – подтверждало очередное донесение с фронта от 25 сентября, – С каждым днем, с каждой холодной ночью, все больше растет нервозность ожидания окончания войны»²²⁰. «Офицеры требуют исполнения своего долга перед Родиной – идти на смерть, видя в этом спасение страны, солдаты, сбитые с толку пропагандой, не понимают, за что они должны умирать..., – отмечал последний воен-

²¹⁶ Допрос Колчака. Протоколы Заседания Чрезвычайной Следственной Комиссии. 26 января 1920 г. Архив Октябрьской революции Фрнд LXXV, арх № 51. (Квакин А. В...., с. 341).

²¹⁷ Головин Н. Н. Российская контрреволюция, Ревель, 1937, Кн. 2, с. 129–134 (Волков С. В...., с. 16–17, 35–36)

²¹⁸ 25 августа 1917. – Донесение начальника штаба 33-го армейского корпуса В. В. Фирсова исполняющему должность дежурного генерала штаба 8-й армии Д. Ф. Гейдену о настроении в корпусе. // Революционное движение..., с. 351.

²¹⁹ 10 сентября 1917. – Из донесения дежурного генерала штаба Румынского фронта И. П. Сытина 2-му генерал-квартирмейстеру штаба верховного главнокомандующего Ю. Я. Плюшевскому-Плющiku о настроении войск. // Революционное движение..., с. 406.

²²⁰ 25 сентября 1917. – Из донесения дежурного генерала штаба Румынского фронта И. П. Сытина в Ставку о настроении войск с 16 по 23 сентября. // Революционное движение..., с. 423.

ный министр Временного правительства А. Верховский, – *взгляд солдата на офицера как на своего врага, заставляющего его «бессмысленно» умирать, не меняется...*»²²¹.

«Нервное настроение в армии нарастает с каждым днем, нарушения дисциплины захватывают новые части..., – сообщала сводка по Западному фронту от 24 октября, – Волнующим вопросом является мир, во что бы то ни стало и на каких угодно условиях... Доверие к комитетам падает, их отказываются слушать, прогоняют и избивают. Запуганные комитеты слабают полномочия, не дожидаясь перевыборов. Ненависть к офицерам растет в связи с распространением убеждения, что офицеры затягивают войну... Настроение комитетов, офицеров и командного состава, подавленных стихийным количеством нарушений дисциплины, паническое. Руки опустили. Развал достигает своего предела»²²².

Сообщая о настроении армии 25 октября, начштаба армий Юго-Западного фронта указывал, что «люди политически совершенно не воспитаны, думают только о себе и своей личной жизни, интересов родины для них не существует..., никто не желает считаться с тяжелым положением страны, и думает только о себе и скором мире: в смысле дисциплины никаких сдерживающих начал нет»²²³. «Положение офицеров невыносимо тяжело по-прежнему, – сообщалось в последних донесениях с фронта, – Атмосфера недоверия, вражды и зависти, в которых приходится служить при ежеминутной возможности нарваться на незаслуженное оскорбление при отсутствии всякой возможности на него реагировать, отзываться на нравственных силах офицеров тяжелее, чем самые упорные бои и болезни»²²⁴.

* * * * *

Особое место в разложении армии, по мнению офицерского корпуса, которое отражал командующий 12-й армией ген. Р. Радко-Дмитриев, играла большевистская пропаганда: «С усилением большевистской пропаганды растет злобное отношение к офицерам, в которых видят единственное сдерживающее в армии начало и поборников порядка; участились случаи оскорбления офицеров и раздавались даже призывы к избиению их»²²⁵. Призыв большевиков к немедленному миру действительно радикализировал солдатские массы. «В стране не было ни одной общественной или социальной группы, ни одной политической партии, – отмечал их особую роль Деникин, – которая могла бы, подобно большевикам и к ним примыкающим, так безоговорочно, с такой обнаженной откровенностью призывать армию «воткнуть штыки в землю»»²²⁶.

В итоге большевики стали для офицеров неким собирательным образом врага, объединявшим в сущности всю солдатскую и народную массу, не желающую продолжать войну и требующую невнятных социальных перемен, выразившихся на том этапе развития в виде анархии. Офицеры не вдавались в глубокие рассуждения, и принимали внешнюю сторону революции за ее суть. И это была роковая ошибка. «Офицерам следовало постараться понять, – замечал А. Керенский, – почему солдат, радуясь краху военной системы, мстит своим непосредствен-

²²¹ Верховский А. И. Россия на Голгофе (Из походного дневника 1914–1918 гг.) Военно-исторический журнал. 1993, N 9. С. 65–69 (Шацилло В. К..., с. 454–455)

²²² 24 октября 1917. – Сводка сведений о настроении и событиях в частях Западного фронта с 14 по 21 октября. // Революционное движение..., с. 539–540.

²²³ 20 октября 1917. – Из рапорта начальника штаба армий Юго-Западного фронта Я. Н. Стогова помощнику начальника штаба верховного главнокомандующего В. В. Вырубову о настроении в частях фронта с 8 по 16 октября. // Революционное движение..., с. 505, 509.

²²⁴ Донесение генкварты Северного фронта, 27.10.1917. // Революционное движение..., с. 551.

²²⁵ 9 июля 1917. – Донесение командующего 12-й армией Р. Д. Радко-Дмитриева начальнику штаба Северного фронта М. Н. Вахрушеву о настроении в частях фронта. // Революционное движение..., с. 196.

²²⁶ Деникин А. И.... т.2, с. 146.

ным командирам... Не стоит все сваливать на злую волю отдельных людей или на пропаганду, настроившую солдат против офицеров. Это действительно сыграло свою роль, но это не основная причина, даже не вторичный фактор эксцессов»²²⁷.

Большевики были не причиной, а следствием развала армии. «Гласные заявления правительства, лиц высшего командного состава, а также газет, даже так называемых буржуазных, как выразительниц общего мнения, о том, что все печальные явления в армиях Юго-Западного фронта, а также 10-й и 5-й являются следствием исключительно только пропаганды большевиков, все эти заявления совершенно не соответствуют истине, – указывал начальник 42-й пехотной дивизии А. Байов, – Стать в данном вопросе на точку зрения указанных лиц, это значит допустить еще одну неискренность, основывающуюся на самообмане и влекущую за собой обман всего русского народа. Пропаганда большевиков вместе с немецким провокаторством не является основной причиной той разрухи, того совершенного развала армии, которые мы наблюдаем теперь. Эта пропаганда – лишь последний толчок, имевший такие последствия потому, что в армии все уже было подготовлено к восприятию этого толчка со всеми его бедственными результатами»²²⁸.

Большевики были вызваны к жизни, как последняя надежда на спасение, в ответ на ту «политику соглашательства (между Временным правительством и Советами), – которая по словам солдатских комитетов, – в настоящее время является преступлением по отношению к революционной демократии. **Эта политика губит страну, бросая ее в объятия анархии и погромов, затягивает мировую войну...**»²²⁹.

Настроения полуграмотных солдат оказались своеобразным индикатором реального состояния страны, которая уже стала полным политическим и экономическим банкротом, и начала погружаться в пучину хаоса и анархии²³⁰, в то время, как «военная машина», движимая долгом и инерцией, разваливаясь на ходу, еще продолжала свое движение. У большевиков в этих условиях просто не оставалось другого выхода, кроме того, отмечал Троцкий, как активизировать свою деятельность, поскольку «события на фронте могут произвести в рядах революции чудовищный хаос и ввергнуть в отчаяние рабочие массы»²³¹.

Месяц спустя после Октябрьской революции 30 ноября большевиками было принято «Временное положение о демократизации армии», по которому офицерские чины, знаки отличия и ордена упразднялись. 16 декабря был опубликован декрет «Об уравнивании всех военнослужащих в правах», провозглашавший окончательное уничтожение понятия офицерского корпуса, а также декрет «О выборном начале и организации власти в армии» по которому власть переходила к военно-революционным комитетам, вводились выборы командного состава, что, по словам С. Волкова, «вызвало новый подъем озлобления против офицеров...»²³².

Отношение офицерского корпуса к этим указам передавало высказывание одного из ярких его представителей, принявшего советскую власть ген. М. Бонч-Бруевича: «Человеку, одолевшему хотя бы азы военной науки, казалось ясным, что армия не может существовать без авторитетных командиров, пользующихся нужной властью и несменяемых снизу... генералы и офицеры, да и сам я, несмотря на свой сознательный и добровольный переход на сторону

²²⁷ Керенский А. Русская революция..., с. 148–149.

²²⁸ 22 июля 1917. – Донесение начальника 42-й пехотной дивизии А. К. Байова командиру 9-го армейского корпуса П. Д. Тележникову о работе большевиков в войсках и о мерах по ликвидации демократических порядков в армии. // Революционное движение..., с. 264.

²²⁹ 25 октября 1917. —Протокол совещания президиумов дивизионных и полковых комитетов 33-го армейского корпуса. // Революционное движение..., с. 544.

²³⁰ См. подробнее: Глин В. Первая мировая. // Политэкономика истории, т. 2, гл.: Дух Армии; Мобилизационная нагрузка.

²³¹ Деникин А. И.... т.2, с. 145.

²³² Волков С. В...., с. 47.

большевиков, были совершенно подавлены... Не проходило и дня без неизбежных эксцессов. Заслуженные кровью погоны, с которыми не хотели расстаться иные боевые офицеры, не раз являлись поводом для солдатских самосудов»²³³.

Именно на это время приходится и наибольшее число самоубийств офицеров (только зарегистрированных случаев после февраля было более 800), не сумевших пережить краха своих с детства усвоенных идеалов и крушения русской армии²³⁴. Вместе с тем стихийные убийства офицеров все более приобретали характер поголовного истребления. Пример дают впечатления, с которыми сталкивались очевидцы почти на всех железных дорогах ноября-декабря 1917 г.: «Какое путешествие! Всюду расстрелы, всюду трупы офицеров и простых обывателей, даже женщин, детей. На вокзалах буйствовали революционные комитеты, члены их были пьяны и стреляли в вагоны на страх буржуям. Чуть остановка, пьяная озверелая толпа бросалась на поезд, ища офицеров (Пенза-Оренбург)... По всему пути валялись трупы офицеров (на пути к Воронежу)...»²³⁵.

В апреле, когда немцы занимали Крым, некоторые уцелевшие офицеры, которым было невыносимо сдавать корабли немцам, поверив матросам, вышли вместе с ними на кораблях из Севастополя в Новороссийск, но в пути были выброшены в море. «Все арестованные офицеры (всего 46) со связанными руками были выстроены на борту транспорта, один из матросов ногой сбрасывал их в море. Эта зверская расправа была видна с берега, где стояли родственники, дети, жены... Все это плакало, кричало, молило, но матросы только смеялись. Ужаснее всех погиб штабс-ротмистр Новицкий. Его, уже сильно раненого, привели в чувство, перевязали и тогда бросили в топку транспорта»²³⁶.

Однако не большевики, а вооруженная солдатская стихия являлась тогда реальной властью и, в случае неповиновения своей бунтарской силе, она смела бы и большевиков, окончательно погрузив страну в бездну самоубийственной анархии. Единственным средством предупреждения подобного исхода, указывал Ленин, являлось немедленное заключение мира и демобилизация, доставшейся большевикам в наследство уже полностью разложившейся, сеющей смерть и разрушение в собственных рядах, и в тылу Старой армии²³⁷. Успех своего весеннего (1918 г.) наступления командующий немецкими войсками М. Гофман объяснял именно тем, что «У Ленина и Троцкого тогда еще не было Красной армии. У них было достаточно хлопот по разоружению солдат старой армии и отправке их домой»²³⁸.

Не обладая никакой реальной властью и силой, большевики в существовавших условиях оказались еще большими заложниками ситуации и истории, чем их предшественники, поскольку были вынуждены довести разрушение «военной машины» до логического конца, завершить, начатый еще до их прихода, процесс «созидательного разрушения»²³⁹, который несмотря на весь свой трагизм, только и мог спасти страну: «не оживет, аще не умрет»²⁴⁰.

²³³ Бонч-Бруевич М. Д. Вся власть Советам. М., 1957, с. 227–228 (Волков С. В...., с. 48)

²³⁴ Волков С. В...., с. 48.

²³⁵ Нестерович-Берг М. А. В борьбе с большевиками. Воспоминания, Париж, 1931, с. 52–53 (Волков С. В...., с. 58)

²³⁶ Кришевский Н. В. Крыму (1916–1918 г.) // АРР. XIII, с. 108 (Волков С. В...., с. 61–62)

²³⁷ Ленин В. И. Вопросы делегатам общеармейского съезда по демобилизации армии. // Ленин В. И. ПСС, т. 35, с. 179.

²³⁸ Гофман М...., с. 141.

²³⁹ Шумпетер Й. Капитализм, социализм и демократия / Capitalism, Socialism and Democracy. 1942. – М.: Эксмо. 2007 г. с. 460–461.

²⁴⁰ 1-ое послание к Коринфянам ап. Павла 15 глава 36 стих.

К этому выводу уже в сентябре 1917 г. приходил подп. И. Ильин: «армия, которая оплевывает своих генералов в буквальном, а не переносном смысле и, не дожидаясь следствия и суда, готова чинить всяческие насилия, – не армия больше и единственное средство – это распустить такую армию и начать формировать новую. Никакие полумеры не помогут, и теперь, по существу, запоздали уже и вообще со всякими мерами, войны продолжать мы не можем»²⁴¹.

* * * * *

Лучшей частью офицерского корпуса двигало чувство необходимости выполнения своего воинского долга, перед наступающим внешним врагом, и одновременно спасения цивилизации, от натиска взбунтовавшейся, несущей смерть и разрушение «черни». Белые офицеры восприняли революцию, как новый пугачёвский бунт, видный «белый» ген. К. Сахаров, эпиграфом к своей книге даже приводил строки из «Капитанской дочки» А. Пушкина: «Правление всюду было прекращено. Помещики укрывались по лесам. Шайки разбойников злодействовали повсюду...»²⁴². Именно эти чувства, радикализованные поправлением собственной чести и мстостью за погибших товарищей, выковывали характер главной движущей силы Белого движения – офицеров-добровольцев²⁴³.

Пример подобных настроений давал полк. Б. Штейфон, который обосновывал свое решение вступить в борьбу с большевиками тем, что «в душе горело не замирающее чувство национальной обиды. Чувство и рассудок не могли примириться с создавшимся положением и подсказывали, что надо что-то делать... Мысль лихорадочно работала в одном и том же направлении: почему анархическая солдатская масса осилила элементы порядка? Почему зверь победил человека?... Ужасы Свеаборга, Кронштадта, Севастополя, бесчисленные насилия над офицерами на фронте, воспоминания о собственных тяжелых переживаниях, все это обостряло мою гордость и упрочивало сознание, что невозможно, недопустимо покоряться тому циничному злу, какое совершалось именем революции. Что позорно ожидать с покорностью и с непротивлением своей очереди, когда явятся людозвери и уничтожат меня, как беспомощного слепого щенка»²⁴⁴.

Борьба «белых» офицеров была своеобразным героизмом отчаяния, «память о революции глубоко въелась в их (офицерские) души. Я, – вспоминал английский ген. Э. Айронсайд, – пытался внушить им, что они должны уменьшить пропасть между офицерами и рядовыми, но почувствовал, что мои слова не произвели на них никакого впечатления... Офицеры исправно несли службу, но в их глазах я видел ужасную безысходность. Многие из них в глубине души не верили, что смогут разбить большевиков, хотя все еще твердо были убеждены, что им нужно оказывать сопротивление»²⁴⁵.

Эти настроения были очень близки к тем, которые испытывала часть помещиков после отмены крепостного права. М. Салтыков – Щедрин передавал их словами одного своего героя: «Те из нас, которые были сильны духом, поняли, что им ничего больше не остается, как умереть. Все, что составляло обаяние жизни, что заставляло дрожать в груди сердце – все разом перестало жить. Даже нити, привязывавшие к отечеству, – и те как

²⁴¹ Ильин И. С..., с. 226. (24 сентября 1917 г.)

²⁴² Сахаров К. В..., с. 6.

²⁴³ Для многих офицеров выбор этот был далеко не однозначен. Тяжесть моральных мук офицерства описана в «Белой гвардии», «Днях Турбиных», «Беге» М. Булгакова; «Хождении по мукам» А. Толстого; «Тихом Доне» М. Шолохова; «Между белыми и красными» Э. Двингера и т. д.

²⁴⁴ ГАРФ. ф. р-5881. Оп. 2. Д. 754. Л. 7–8. (Ганин А..., с. 46–47).

²⁴⁵ Айронсайд Э... (Голдин В. И..., с. 283–284.)

бы порвались. Мы видели перед собой Россию, но не ту, которую привыкли любить. Любить эту новую Россию мы не могли принудить себя, ненавидеть ее – не имели решимости...»²⁴⁶.

Правда помещики, после отмены крепостного права, находились в гораздо лучшем положении, чем офицеры 1917 г., у них сохранялось привилегированное положение правящего сословия, выкупные платежи и немалое количество земли. Офицеры же с революцией теряли не только свой социальный статус, но и с демобилизацией армии – службу, которой они посвятили свою жизнь, а вместе с этим – и все перспективы на лучшее будущее. Офицеры оказались практически в безвыходной ситуации.

При этом, в отличие от помещиков, они обладали необходимыми профессиональными навыками и решимостью, радикализованной революционными эксцессами солдатской массы. Им не нужно было принуждать себя ненавидеть новую Россию, что бы с оружием в руках выступить на защиту той – которую они привыкли любить. Офицеры, отмечал митрополит Вениамин (Федченков), «тогда не рассуждали, а жили порывами сердца»²⁴⁷.

«Людей поднимало и гнало на величайшие труды и лишения, на смерть и на подвиги, – подтверждал ген. К. Сахаров, – *только чувство*. Чувство оскорбленной чести за великую Родину, чувство мести низким растлителям родной армии и страны, чувство долга перед Россией..., горячее сильное чувство и глубокая вера в правоту своего дела»²⁴⁸. «Пока царствуют комиссары, – провозглашал легендарный М. Дроздовский, – нет и не может быть России, только когда рухнет большевизм, мы можем начать новую жизнь, возродить свое отечество. *Это символ нашей веры*»²⁴⁹.

И эта «полнота веры в наше дело, – отмечал командир дроздовской дивизии ген. А. Туркул, – преображала каждого из нас... Каждый как бы становился носителем общей Правды... Мы каждый день отдавали кровь и жизнь... Когда офицерская рота шла в атаку, командиру не надо было оборачиваться смотреть, как идут. Никто не отстанет, не ляжет... атаки дроздовцев, без выстрела, во весь рост...»²⁵⁰. И так же, как на Юге России, в Сибири в войсках Каппеля, вспоминал ген. Сахаров, офицеры «иногда составляли целые роты, которые дрались и умирали, как ни одна воинская часть на свете»²⁵¹. «Офицерские части, – подтверждал красный командарм А. Егоров, – дрались упорно и ожесточенно...»²⁵².

Например, только в августе-сентябре 1918 г., всего за один месяц дивизия Дроздовского в непрерывных боях потеряла 75 % своего состава!²⁵³ По словам Деникина, Корниловский полк за первую половину 1918 г., сменил свой состав 10 раз!²⁵⁴ «В области военной, – признавал красный командарм М. Фрунзе, – они, разумеется, были большими мастерами. И провели про-

²⁴⁶ Салтыков-Щедрин М. Е...., т. 10.

²⁴⁷ Митрополит Вениамин (Федченков). Россия между верой и безверием. (На рубеже двух эпох), гл. Генерал Врангель. <https://pravbeseda.ru/library/index.php?page=book&id=703>

²⁴⁸ Сахаров К. В...., с. 370.

²⁴⁹ Цит. по: Туркул А. В., Венус Г. Д...., с. 4.

²⁵⁰ Цит. по: Туркул А. В., Венус Г. Д...., с. 5.

²⁵¹ Сахаров К. В...., с. 61.

²⁵² Егоров А. И... с. 362–363.

²⁵³ Дневник генерала М. Г. Дроздовского – Берлин, Отто Кирхнер, 1923, с. 142–154. (Цит. по: Головин Н. Н. Российская контрреволюция..., 2 т., с. 496).

²⁵⁴ Из речи А. Деникина 26 августа (8 сентября) 1918 г. Деникин А. Очерки Русской Смуты т. III, с. 262–263 и т. IV, с. 45–48. (Цит. по: Головин Н. Н. Российская контрреволюция..., 2 т., с. 554).

тив нас не одну талантливую операцию. И совершили, по-своему, немало подвигов, выявили немало самого доподлинного личного героизма и отваги...»²⁵⁵.

Казаки

К лету 1918 г. большинство белой армии состояло из казаков. Казаки мало заботились об остальной России, для них гражданская война была войной с неказацкими крестьянами...

*П. Кенез*²⁵⁶

К началу XX в. казаки представляли собой особое полувоенное сословие. Они должны были служить в армии 20 лет, и использовались уже не только, как армейская сила, но и в качестве своеобразной военизированной полиции. Пример их применения, в последнем качестве, приводил французский посол М. Палеолог: «На небе появляется призрак революции... Но казаки тут как тут. Порядок восстановлен. Еще раз охранное отделение спасло самодержавие и общество..., чтобы в конце концов их бесповоротно погубить»²⁵⁷.

«Казаки считаются оплотом существующего строя, – подтверждал один из лидеров февральской революции А. Гучков, – когда надо какую-нибудь толпу или демонстрацию разогнать..., (но) у них и требования были более высокие, чем у основного населения»²⁵⁸. Эти требования материализовались, прежде всего, в предоставлении казакам, за верность, земельных и налоговых привилегий. В результате уровень жизни казаков был намного выше, чем у крестьян среднерусской полосы, донской казачий середняк был богаче тверского или новгородского кулака²⁵⁹.

При этом в 1917 г. среди казачьих хозяйств насчитывалось 23,8 % зажиточных, 51,6 % – середняцких и 24,6 % – бедняцких²⁶⁰. В то время, как в среднем по России к зажиточным (кулацким) можно было отнести не более 10 % крестьянских хозяйств, 30 % – к средним и 60 % – к бедняцким²⁶¹. Казачьи привилегии носили сословный, полуфеодальный характер и вступали в непримиримое противоречие с наступающей капиталистической эпохой. Именно привилегированное экономическое положение казачества является основой его реакционных настроений, приходил к выводу летом 1917 г. Ленин, и поэтому именно «в казачьи областях можно усмотреть социально-экономическую основу для русской Вандеи»²⁶².

Казаки «объединяли одиннадцать сообществ (войск), среди которых Кубанское и Донское были наиболее значительными... Но ни в одной провинции Российской империи казачье население не составляло большинства. Только 49 % от 4 млн. жителей Дона и 44 % от 3 млн. жителей Кубани были казаками. Кубань и Дон были богатейшими аграрными районами России, что привлекало множество крестьянских поселенцев. Но даже если эти крестьяне жили в области Кубани и Дона поколениями, они все равно не могли войти в казачье сословие

²⁵⁵ Фрунзе М. В. О принципах стратегии и тактики Красной армии // Вопросы стратегии и оперативного искусства в советских военных трудах 1917–1940, М., 1965, с. 55 (Волков С. В., с. 177)

²⁵⁶ Кенез П., с. 9.

²⁵⁷ Палеолог М., 16 февраля 1916 г., с. 450–451.

²⁵⁸ Александр Иванович Гучков рассказывает...: Воспоминания председателя Государственной Думы и военного министра Временного правительства. М., 1993. <http://booksonline.com.ua/view.php?book=118632&page=9>

²⁵⁹ Тезисы ЦК РКП(б) о работе на Дону», сентябрь 1919 г.; Кенез П., с. 42.

²⁶⁰ Голуб П. А. Правда и ложь о рассказывании казаков. – Приложение к журналу «Политическое просвещение». 2009.

²⁶¹ Распределение крестьянских дворов по количеству лошадей (0–1–бедняцкие, 2–3–средние, от 4 и более – зажиточные): На основании данных: Военно-конская перепись 1888 г. СПб. 1891; Военно-конская перепись 1891 г. СПб., с. 189; Военно-конская перепись 1899 г. СПб., Военно-конская перепись 1901 г. СПб., Военно-конская перепись 1912 г., СПб., 1914. (Цит. по: Островский А. В. Российская деревня..., с. 368–369) (Лошадей на крестьянский двор..., Лист 1) См. Подробнее: Галин В. Капитал Российской империи. // Политэкономика истории., т. 1. Гл. социальная сегрегация. Экономическая.

²⁶² Ленин В. И. Русская революция и гражданская война. Июль 1917. // Ленин В. И. ПСС. т. 34, с. 219.

и даже не могли рассчитывать на постоянное местожительство в этих районах. Они должны были хранить паспорта тех мест, где проживали их предки. Так как эти крестьяне всегда являлись соперниками казаков, их называли *иногородние*... Согласно переписи 1914 г. иногородние составляли 53 % жителей Кубани. (Неказацкий остаток составлял основное население этих областей, калмыки в районах Дона, кавказские племена в районе Кубани)»²⁶³.

«Казаки были гораздо богаче, чем иногородние, – отмечает Кенез, – На Дону иногородние владели лишь 10 % плодородной земли, на Кубани – 27 %». 20 % крестьянских хозяйств были безземельными. Самые крупные участки иногородних «составляли на Дону 1,3 десятины, на Кубани – 1,5 десятины. Большинству крестьян приходилось арендовать землю у казаков...»²⁶⁴. У казаков Дона в среднем на мужскую душу приходилось ~ 12,8 десятин²⁶⁵.

Спокойная жизнь на казацкой земле закончилась с наступлением Февральской революции. Основным камнем раздора, как и в остальной крестьянской России, стал земельный вопрос. Толчок к его разрешению дало Временное правительство: на майском 1917 г. Всероссийском крестьянском съезде министр земледелия лидер эсеров В. Чернов заявил, что казаки имеют большие земельные наделы и теперь им придется поступиться частью своих земель. Это выступление было поддержано меньшевиками и эсерами из Советов в виде их массовой агитации за *расказачивание*²⁶⁶.

Именно наступление на казацкие привилегии, стало основной причиной отказа Донского войска подчиниться приказу Временного правительства арестовать ген. Каледина, за участие в корниловском мятеже. Временное правительство, пояснял командующий Донской армией ген. С. Денисов, «постепенно изменяясь в составе, в конечном итоге утерять признаки власти, созданной (февральской) революцией..., пошло по скользкому пути непристойных уступок черни и отбросам Русского народа»²⁶⁷. С этого времени (сентября) Дон фактически стал независимым от центральной власти. А Кубанское казачье войско в сентябре 1917 г. вообще объявило о создании своей Законодательной Рады.

Но настоящая война за «землю» развернулась между иногородними и казаками только с началом Октябрьской революции, объявившей о лишении казаков их сословных привилегий²⁶⁸. 28 марта большевистский областной съезд советов издал постановление о национализации казачьих земель, через три дня после этого на Дону началось казачье восстание²⁶⁹. Причиной подобных восстаний, вспыхнувших по всем казачьим землям, подтверждал атаман Г. Семенов, являлось уничтожение большевиками «казачьих так называемых привилегий..., и наше право на исконные наши, завоеванные нашими дедами земли»²⁷⁰.

В то же время «среди казаков, – отмечает историк П. Холквист, – идея «нейтралитета» пользовалась, по меньшей мере, в такой же степени широкой поддержкой, как и полная приверженность к восстанию»²⁷¹. Причина этого, мнению ген. М. Алексеева, заключалась в том, что «казачьи полки, возвращающиеся с фронта, находятся в полном нравственном разложе-

²⁶³ Кенез П. ..., с. 42.

²⁶⁴ Кенез П. ..., с. 42.

²⁶⁵ Миронов Ф. Тихий Дон в 1917–1921 гг. Документы. – М., 1997, с. 7. (Цит. по: Голуб П. А. Правда и ложь о расказачивании казаков. – Приложение к журналу «Политическое просвещение». 2009.)

²⁶⁶ Деникин А. И. ... т. 1, с. 325, примечание.

²⁶⁷ Белая Россия. Альбом № 1. Нью Йорк, 1937. Репринт – СПб., 1991, с. 123, 11, 17, 60. (Кожин В. В. Правда сталинских репрессий. – М.: Алгоритм, 2007. – 448 с., с. 49).

²⁶⁸ Кенез П. ..., с. 125.

²⁶⁹ Головин Н. Н. Российская контрреволюция..., т. 1, с. 389.

²⁷⁰ Семенов Г. ..., с. 78.

²⁷¹ Холквист П. Как казаки стали «контрреволюционерами»..., с. 100.)

нии. Идеи большевизма находят приверженцев среди широкой массы казаков. Они не желают сражаться даже для защиты собственной территории, ради спасения своего достоинства. Они глубоко убеждены, что большевизм направлен только против богатых классов, буржуазии и интеллигенции, а не против области, где сохранился порядок, где есть хлеб, уголь, железо, нефть»²⁷².

Мобилизация казачества осуществлялась на почве местного «патриотизма» и противопоставления его иногородним. В донесении правительственной разведки сообщалось: большинство людей вообще «пришли к убеждению, что «иногородние» и «большевики» – это синонимы»²⁷³. «Отстаивая свои экономические интересы, – пояснял красный командарм А. Егоров, – донское казачество стремилось к самостоятельности, и готово было смотреть на иногородних, как на иностранцев. Атаман Краснов откровенно проводил эту политику, которая получала местно-патриотический оттенок. По его словам, Каледина погубило доверие к крестьянам, знаменитый паритет. Дон раскололся на два лагеря: казаки – крестьяне... Там, где были крестьянские слободы, восстания не утихали... Попытки ставить крестьян в ряды донских полков кончались катастрофой... Война с большевиками на Дону имела уже характер не политической или классовой борьбы, не гражданской войны, а войны народной, национальной. Казаки отстаивали свои казачьи права от Русских»²⁷⁴.

Нередко казаки просто сражались с ближайшими селениями иногородних, как на Юге России, так и в Сибири. И там и там, по словам одного из наиболее влиятельных членов правительства Колчака Гинса, крестьяне объясняли причины «восстания мы не большевики, мы против казаков: «Привилегированное сословие казаков, пользуясь военным положением, чинило под видом борьбы с большевиками насилия над мирными крестьянами, и последние, не видя на местах сильной власти, которая могла бы их защитить, начинали повсюду партизанскую борьбу. Власть отвечала на это репрессиями, и война разгоралась»²⁷⁵.

Основная проблема, указывал Деникин, заключалась в том, что казачество в вопросе «о наделении земель иногородних», «оставалось совершенно непримиримым...»²⁷⁶. С такой же непримиримостью казачество выступало и против наделения иногородних равными политическими правами: несмотря на то, что «казачья декларация» «вручала судьбу России Учредительному собранию, тут же, – отмечал Деникин, – «Дон у себя лишил права участия в управлении (иногородних) большую половину неказачьего населения...»²⁷⁷. Точно так же краевая Кубанская рада, по словам управляющего Отдела Законов деникинское «правительства» К. Соколова, «узаконила для российских граждан на Кубани состояние иностранцев»²⁷⁸.

Объединение всех социальных слоев казачества, лидеры казачьего движения, осуществляли на шовинистической, антироссийской основе. «Интересно знать, почему это всегда казаки уверяют, что они спасители России, что они настоящий государственный элемент и что в критическую минуту они являлись истинно государственным элементом? – вопрошал в этой связи пдп. Ильин, – История и примеры говорят совсем другое?!»²⁷⁹ Как относились к этому лидеры Белого движения? – «Добровольческая армия и кубанское правительство спорили по множеству вопросов..., – отвечал Кенез, – но нет записей о том, что армия была против такого

²⁷² Обращение М. Алексеева во французскую миссию в Киеве 9 февраля (27 января) 1918. Цит. по: Владимирова В..., с 141.

²⁷³ РГВА. Ф. 39456, оп. 1, д. 60, л. 104. См. подробнее: (Холквист П. Как казаки стали «контрреволюционерами»..., с. 111.)

²⁷⁴ Краснов Л. Н. Всевеликое войско Донское, с. 221. (кн.: Алексеев С. А. Начало гражданской войны, 1926, с. 148); (Егоров А. И... с. 63–64.)

²⁷⁵ Гинс Г. К..., с. 431.

²⁷⁶ Деникин А. И. (III).

²⁷⁷ Деникин А. И. Поход на Москву... с. 434.

²⁷⁸ Соколов К. Н..., с. 58.

²⁷⁹ Ильин И. С..., с. 352. (26 ноября 1918 г.)

обращения с иногородними, их русскими земляками. Армия и казаки заключили союз за счет неказачьего населения Войска»²⁸⁰.

Наглядно этот факт подтверждал сам Деникин, в своем положении об управлении областями, занимаемыми Добровольческой армией, в котором говорилось: «Все граждане Российского государства, без различия национальности, сословия и вероисповедания пользуются... равными правами гражданства. Особые права и преимущества, издавна принадлежащие казачеству, сохраняются в неприкосновенности»²⁸¹.

Однако союз этот оказался временным, поскольку верхи казачества сами с оружием в руках искали свою «волю», а «Деникин, – по словам атамана П. Краснова, – не хотел отрешиться от старого взгляда на казаков, как на часть Русской армии, а не как на самостоятельную армию, чего добивались казаки и за что боролись»²⁸². «Планы и обещания Деникина восстановить единую Россию под властью правительства, избранного народом, никогда не привлекали донских сепаратистов, – подтверждал находившийся в гуще событий Х. Уильямсон, – Хотя они и противостояли большевизму, но точно так же были твердо намерены никогда вновь не попадать под контроль центрального российского правительства»²⁸³. «Казаки, – подтверждает Кенез, – ненавидели своих союзников, а офицеры (в свою очередь) не переносили проявления казачьего сепаратизма»²⁸⁴. «У добровольцев с офицерами Донского войска отношения были тяжелые, – подтверждал В. Шульгин, – драки и поединки не прекращались...»²⁸⁵.

«У меня четыре врага, – заявлял атаман Краснов, – наша Донская и Русская интеллигенция, ставящая интересы партии выше интересов России, мой самый страшный враг; генерал Деникин; иностранцы – немцы или союзники, и большевики. И последних я боюсь меньше всего, потому, что веду с ними открытую борьбу, и они не притворяются, что они мои друзья»²⁸⁶.

Противостояние Добровольцев с кубанским сепаратизмом, ищущим поддержку даже у незалежной Украины, достигло такого накала, что в июне 1919 г. сотрудником деникинского «Особого совещания» был застрелен председатель Кубанской Рады Н. Рябовол. После заключения между Кубанью и Горской республикой договора направленного против деникинской армии, Деникин приказал отдать полемому суду всех лиц подписавших договор. В ноябре 1919 г. был пойман один из подписантов – священник Калабухов, и по приказу Деникина повешен. Кроме этого Деникин разогнал Кубанскую Радю и принудительно выслал 10 ее членов, вместе с войсковым атаманом Филимоновым, в Турцию.

Одновременно противостояние, между казаками и добровольцами нарастало и с другой стороны, оно выражалось прежде всего в том, что Краснов не видел возможности продвигаться в глубь России, в виду «решительного отказа их (казаков) бороться и спасать Россию в полном одиночестве»²⁸⁷. Мало

---

²⁸⁰ Кенез П..., с. 222.

²⁸¹ Временное положение об управлении областями занимаемыми Добровольческой армией Деникин А. И. Очерки русской смуты, Т. III, с. 267–269. (Цит. по: Головин Н. Н. Российская контрреволюция..., 2 т., с. 309).

²⁸² Краснов П. Всевеликое войско Донское //Архив Русской революции, т. V с. 278–280. (Цит. по: Головин Н. Н. Российская контрреволюция..., 2 т., с. 589)

²⁸³ Уильямсон Х..., гл. 14.

²⁸⁴ Кенез П..., с. 159.

²⁸⁵ Жуков Д. Жизнь и книги В. В. Шульгина (Шульгин В. В..., с. 42)

²⁸⁶ Краснов П. Всевеликое Войско Донское //Архив Русской революции, т. V, с. 198. (Цит. по: Головин Н. Н. Российская контрреволюция..., т.2, с. 427).

²⁸⁷ Краснов П. Всевеликое Войско Донское //Архив Русской революции, т. V, с. 242. (Цит. по: Головин Н. Н. Российская контрреволюция..., т.2, с. 423–424).

того, отмечал Деникин: среди казаков распространялось движение «оставить ряды Добровольческой армии, которая «является виновницей гражданской войны». Ибо... давно можно было бы окончить войну и примириться с большевиками, устроив в России народную республику...»²⁸⁸.

Все более обострявшиеся конфликты определяли отношения между белой армией и казаками, и в Сибири. В политической и военной сфере сибирские атаманы так же требовали собственного независимого от Верховной власти казачьего управления. Их настроения передавало письмо атамана Г. Семенова: «Великодержавные тенденции омского правительства и стремления его к самой крайней централизации..., создают чрезвычайно трудные условия совместной работы с ним. Однако обстоятельства настоящего момента таковы, что, к моему глубокому сожалению, я лишен возможности открыто объявить о своем отношении к нему...»²⁸⁹

Посланник ген. Алексеева в Азиатской России ген. В. Флуг весной 1918 г. в своем отчете указывал, что в местных казачьих организациях царит «некоторая моральная распущенность, неразборчивость в средствах, стремление больше руководствоваться честолюбивыми побуждениями своих атаманов, чем сознанием гражданского долга»²⁹⁰. Главноуправляющий делами верховного правителя Гинс обращал внимание на «неуважение (казаков) к чужому труду и праву, презрение к крестьянам, которые якобы не воюют. Все мол должны выносить на своей спине казаки...»²⁹¹.

«Разные вольные атаманы Семенов, Орлов, Калмыков, – своего рода винегрет из Стенок Разиных двадцатого столетия под белым соусом..., – характеризовал их в апреле 1918 г. военный министр Колчака Будберг, – внутреннее содержание их разбойничье»²⁹². «Не удивляюсь, – вспоминал Гинс, – что многим приходила мысль вовсе уничтожить казачьи войска, роль которых во всем движении оказалась роковой, что бы с корнем вырвать казачье политиканство и атаманину»²⁹³.

Кристаллизующая основа

Помощь союзников «была чрезвычайно существенной, ибо без нее Белые армии, несмотря на весь их героизм, стояли бы перед неминуемой гибелью...».

*ген. Н. Головин*²⁹⁴

Наличие одной только потенциальной движущей силы, еще не дает возможности создать настоящую боеспособную армию, для этого необходимо кристаллизующая основа движения, собирающая разрозненные силы и материально обеспечивающая их формирование. И именно в разрешение этих вопросов уперлась дальнейшая организация Белых армий.

«Главный вопрос, от которого зависело само существование армии, – денежный – оставался по-прежнему неразрешенным, – отмечал Деникин, – Денежная Москва ограничилась «горячим сочувствием» и обещаниями отдать «все» на спасение Родины. «Все» выразилось в сумме около 800 тысяч рублей, присланных в два приема; и дальше этого Москва не пошла»²⁹⁵.

²⁸⁸ Деникин А. И. Поход на Москву... с. 444.

²⁸⁹ Г. Семенов – Б. Анненкову. 25 мая 1919 г. // РГВА. Ф. 185. Оп. 6. Д. 62. Л. 126. См. Приложение 9. (Галин А. В. ..., с. 287).

²⁹⁰ Головин Н. Н. Российская контрреволюция..., т.1, с. 408).

²⁹¹ Гинс Г. К..., с. 476.

²⁹² Архив Русской революции, т. XIII, с. 199. (Головин Н. Н. Российская контрреволюция..., т.1, с. 408).

²⁹³ Гинс Г. К..., с. 510–511.

²⁹⁴ Головин Н. Н. Российская контрреволюция..., т. 2, с. 610.

²⁹⁵ Деникин А. И. (П)..., с. 229.

Подобное отношение Добровольческая армия встречала повсюду, деникинские добровольцы «дрались на подступах к Ростову, зная, что сотни тысяч казаков и ростовской буржуазии за их спиной живут легко и привольно. Они были оборваны, мерзли и голодали, видя, как беснуется и веселится богатейший Ростов, финансовая знать которого с большим трудом «пожертвовала» на армию два миллиона рублей, растворившихся быстро в бездонной ее нужде. Они встречали в обществе равнодушные, в народе вражду...»²⁹⁶.

Северная армия

Офицерство Северной армии, «в большей своей части..., – вспоминал член правительства Северной области эсер Б. Соколов, – было не только весьма высокого качества, не только превосходило офицерство Сибирской и Юго-Западной армий, но и отличалось от офицерства Добровольческих частей. Оно было не только храбро, оно было разумно и интеллигентно»²⁹⁷. «Прибывшие в область офицеры в большей своей части отличались тоже мужественным и доблестным исполнением своего долга. К сожалению, между ними не было полной солидарности, т. к. офицеры, спасенные на Украине от большевиков немцами, были проникнуты германофильством, что возмущало офицеров, сохранивших верность Антанте. Все это антантофильство и германофильство, конечно, не носило серьезного характера, но, к сожалению, давало повод для ссор и недоразумений. Много выше стояла офицерская среда в артиллерии, производя своим поведением, воспитанностью и уровнем образования впечатление офицеров мирного времени. Цвет офицерства составляла небольшая группа кадровых офицеров, командовавших отдельными войсковыми частями пехоты и артиллерии, на которых, собственно говоря, и держалась наша маленькая армия»²⁹⁸.

Как единодушно отмечали генералы, командовавшие Северной армией, «кроме единичных случаев..., отношения между солдатами и офицерами были дружелюбны...»²⁹⁹. Несколько офицеров, особенно отличившихся своими боевыми действиями, и известных большевикам своей активностью, были спасены солдатами...»³⁰⁰. Соколов относил эту особенность к тому, что: «не было в северянах, в частности в северных войсках, ненависти к интеллигентам и барам (исключение составляли горожане и пригородские жители)... Это явление тесно связано с характером и натурой северян. В них нет и в помине того озлобления, затаенной обиды и ненависти к барам и интеллигентам, столь характерных для великоросса средней России (на Севере не было крепостного права). Здесь на Севере были только следы этих настроений, только отголоски, только отражение общероссийских настроений масс. Вместе с тем у северян и больше самостоятельности, больше и чувства собственного достоинства»³⁰¹.

Но главной отличительной чертой Северной армии являлось то, что ее основной цементирующей основой были не столько офицеры, сколько войска интервентов. Их роль наглядно передавали воспоминания командующего войсками Северной области ген. В. Марушевского: «Восстания... только подтвердили необходимость наличия в отрядах хотя бы небольшого числа иностранных войск. Здесь важна была не сила, а наличие иностранного мундира, в котором простолюдин видел не только штык или револьвер, но государственную силу, стоявшую за

²⁹⁶ Деникин А. И. (П)..., с. 246.

²⁹⁷ Соколов Б. Ф...., с. 340.

²⁹⁸ Добровольский С. Ц...., с. 98.

²⁹⁹ «Офицеры широко назначались в крестьянские партизанские отряды... которых крестьяне «в полном смысле этого слова носили на руках», – Марушевский В. В...., с. 218, 226, 288; «Все очевидцы отмечают в целом необычайно теплые отношения между офицерами и солдатами Северной армии. Даже при развале фронта «ни одного акта насилия, ни одного враждебного жеста по отношению к оставшимся в строю офицерам не было сделано...», – Миллер Е. К...., с. 27; «Необходимо только отметить, что эксцессов в отношении офицеров на фронте почти не было... В общем солдатская масса рассталась с офицерами дружелюбно», – Добровольский С.... с. 194–195.

³⁰⁰ Соколов Б. Ф... с. 414

³⁰¹ Соколов Б. Ф... с. 364–365

ним. Кроме того, хотя бы небольшая иностранная сила обеспечивала свободу действий каждого войскового начальника, охраняя его жизнь от покушений. С этим надо было считаться и не успокаивать себя теоретическими соображениями о политических вкусах и идеалах нашего мужаика»³⁰².

Принцип пропорционального состава русских и иностранцев был установлен еще в соглашении союзников с Мурманским Советом от 6 июля 1918 г. Согласно соглашению, из русских «не должны формироваться отдельные русские части, но, поскольку позволят обстоятельства, могут быть сформированы части из равного числа иностранцев и русских»³⁰³. Но даже, через полгода после высадки союзников 1 января 1919 г. в Северной Области (Архангельском и Мурманском фронтах) на 7,1 тыс. русских солдат и офицеров приходилось 23,2 тыс. солдат и офицеров интервентов³⁰⁴. После проведения принудительной мобилизации на 15 апреля 1919 г. на 24,5 тыс. русских – 21,5 тыс. интервентов³⁰⁵. Несмотря на дальнейший рост численности войск интервентов (до 27 тыс.) увеличение русской части армии оказалось невозможным, поскольку доступные мобилизационные ресурсы области оказались исчерпаны.

Боеспособным ядром Северной армии были именно войска интервентов, отмечал Б. Соколов: «Все фронты были в полном подчинении у английского командования... Позиции были заняты главным образом английскими, кое-где русскими силами, русским же разрешалось занимать более глухие и менее ответственные места. Пропуски, проезды... – все это было в руках у союзной комендатуры. Госпитали... были английские, персонал же смешанный, русский и английский. Интендантство, снабжавшее фронт и тыл, было исключительно английским, и русские получали все, начиная с довольствия и кончая обмундированием, с английских складов»³⁰⁶.

Северо-западная армия

Ядром армии являлся Северный корпус, который был сформирован в октябре 1918 г. при активном немецком участии³⁰⁷. Условия его формирования, закрепленные в совместном соглашении, предусматривали, что: «Формирование армии будет происходить... под прикрытием германских оккупационных войск... Денежные средства на содержание армии отпускаются германским правительством заимообразно Русскому Государству...». При этом указывалось, что германские войска в наступлении не участвуют..., но «следуют за армией для поддержания внутреннего порядка и престижа власти... После занятия Петербурга объявляется военная диктатура...»³⁰⁸.

«В течение первой вербовочной недели общее количество записавшихся добровольцев превышало 1500 человек, причем офицерство составляло 30–40 % общего числа»³⁰⁹. В армии первоначально насчитывалось «в общей сложности около 50 тысяч человек (вместе с около

³⁰² Марушевский В. В..., с. 282–283

³⁰³ От имени США соглашение подписал капитан 1-го ранга Бергер, командир крейсера «Олимпия» прибывшего в Мурманск еще 24 мая.

³⁰⁴ Армия. Эвакуация из Северной России, 1919. Лондон, 1920 (на англ. яз.). С. 19–20 (Белый Север, с. 370, прим.)

³⁰⁵ Зеленов Н. П..., с. 212.

³⁰⁶ Соколов Б. Ф..., с. 322.

³⁰⁷ Примечательно, что с немецкой стороны переговоры о создании Северной армии вели два майора Генштаба Э. фон Клейст (будущий ген. фельдмаршал гитлеровской армии) и фон Тресков (будущий начальник штаба группы армий фон Бока в 1941–1942, стоявший у истоков создания РОА ген. Власова). (См. подробнее Шишов А. В..., с. 294).

³⁰⁸ См. подробнее: Условия формирования русской Добровольческой Армии в Северо-Западных губерниях («Северной Армии»), выработанные на Русско-Германском заседании в Пскове в середине октября 1918 г. (Цит. по: Головин Н. Н. Российская контрреволюция..., т.2, с. 91–92); См. так же: Авалов П. В. В борьбе с большевизмом. Глюкштадт, Гамбург: Изво И. И. Августина, 1925, с. 60–61, 70–72. (Корнатовский Н..., с. 30–32, 36–39)

³⁰⁹ Смирнов К. К. Начало Сев. – зап. Армии. // Белое дело. – Берлин: Медный всадник, 1927, т.1. (Цит. по: Корнатовский Н..., с. 41.)

40 тысячами немецких добровольческих частей). При переброске (в Россию, речь шла только о русских частях) осталось лишь 6–7 тысяч человек»³¹⁰. Немецкая ориентация Северной армии закончилась с завершением Первой мировой войны. На это с английской прямотой указывал ген. Г. Гоф: «Многие русские командиры до такой степени тупоумны или коротки памятью, что уже открыто говорят о необходимости обратиться к немцам за помощью... Скажите эти дуракам, чтобы они прочли мирный договор. Все, что Германия имеет, уже ею потеряно...»³¹¹.

Вместе с тем, писал 21 января 1919 г. Колчаку Юденич, «с падением Германии открылась возможность образования нового фронта для действия против большевиков..., около меня объединились все партии от кадетов и правее. Программа тождественна с вашей... Реальная сила, которой я располагаю в настоящее время, – Северный корпус (3 тысячи) и 3–4 тысячи офицеров находящихся в Финляндии и Скандинавии... Без помощи Антанты обойтись нельзя... Необходима помощь вооружением, снаряжением, техническими средствами, финансами и продовольствием не только на армию, но и на Петроград...»³¹².

«Состав (северо-западной) армии был до крайности пестрый и какой-то случайный, – подтверждал Марушевский, – Видно было, что все это нуждается в настойчивой, организационной работе, в огромных материальных средствах, в запасах обмундирования, обуви, теплой одежды. Ничего этого не было»³¹³. «Неодетой и не получавшей два месяца жалования армии», подтверждали члены Северо-западного правительства, угрожал скорый «полный и окончательный развал»³¹⁴. Однако переговоры Юденича «с состоятельными соотечественниками (эмигрировавшими в Швецию) результатов не дали...»³¹⁵.

На помощь пришли союзники: от англичан армия получила 40 тыс. комплектов обмундирования, 20 тыс. ружей, 15 млн. патронов и 30 грузовиков и т. п., вплоть до бритвенных принадлежностей, зубных щеток и туалетной бумаги³¹⁶. Кроме этого были присланы артиллерийские орудия, танки и самолеты, однако тяжелое вооружение пришло в крайне незначительном количестве и, большей частью, в некомплектном или неисправном виде. Союзники в это время были больше озабочены содействием в становлении новых независимых прибалтийских государств, поэтому «помощь от Антанты, если не считать поставок американской муки, приходила «крохами». Немецкие оккупационные власти давали значительно больше»³¹⁷.

Тем не менее, благодаря иностранной помощи численность армии стремительно росла: если в феврале 1919 г., по данным Юденича, она состояла всего из 758 офицеров и 2624 рядовых³¹⁸; то к сентябрю она выросла до 27 тыс. человек, а по данным Военного министерства Северо-запада даже – 59 тыс. человек, а к ноябрю 75 и даже 100 тыс. человек. Причина такой чрезмерной разницы между действительным составом армии и тем, что значилось на бумаге, по словам исследователей, заключалась в больших размерах ее тыловых частей и в том, что «армейское командование, таким образом, рассчитывало получить от правительства «дополнительные» ассигнования, получаемые им от Антанты»³¹⁹.

³¹⁰ Волков С. В., с. 231;

³¹¹ Г. Гоф – Н. Юденичу 4 августа 1919 г. Архив русской революции. Изд–2е., с. 308. (Цит. по Корнатовский Н., с. 268.)

³¹² Деникин А. И. Очерки русской смуты. Берлин: Слово, 1925. Т. 4., с. 24. (Цит. по: Корнатовский Н., с. 229).

³¹³ Марушевский В. В., с. 314

³¹⁴ Архив русской революции // под. Ред. И. В. Гессена. Изд. 2-е. Берлин, 1922, т.1, с. 297–306. (Корнатовский Н., с. 257–258).

³¹⁵ Шишов А. В., с. 309.

³¹⁶ См. подробнее: Корнатовский Н., с. 269–270.

³¹⁷ См. подробнее: Шишов А. В., с. 319; Корнатовский Н., с. 271.

³¹⁸ Шишов А. В., с. 312.

³¹⁹ Шишов А. В., с. 345; см. так же: Кирдецов Г. У. У ворот Петрограда (191–1920 гг.) Берлин. Русс. Тип. Е. А. Гутнова, 1921, с. 294–299. (См. подробнее: Корнатовский Н., с. 518.)

Армия Юга России

Создание Добровольческой армии требовало времени и денег: на каждые 10 тыс. человек – один миллион рублей в неделю. Остроту проблемы передавало сообщение ген. М. Алексеева от 23 мая 1918 г. – П. Милюкову: «Без денег... я вскоре буду вынужден распустить армию»³²⁰. И лидер крупнейшей либеральной партии России Милюков предложил ... помощь немцев. Американский историк бесстрастно констатирует: «Человеком, который сделал очень многое, что бы примирить немцев и Добровольческую армию, был П. Милюков, лидер партии кадетов»³²¹. Тот самый Милюков, который до этого обвинил в измене немцам царское правительство, затем Керенского, и наконец провозгласил крестовый поход против немецких наемников – большевиков.

Немцы дали не только деньги, по словам историка П. Кенеза, «приход немцев радикально изменил ход Гражданской войны в Южной России. Свергнув режим большевиков, немцы дали возможность Белому движению реорганизоваться»³²². Однако на формальный союз с немцами добровольцы не пошли. Свое отношение к Германии, бывший начальник штаба Верховного главнокомандующего русской армией ген. М. Алексеев определил в начале мая 1918 г. словами: «Союз с немцами морально недопустим, политически нецелесообразен. Пока – *ни мира, ни войны*»³²³.

Политически, командование Добровольческой армии, с одной стороны боялось быть обвиненным в связи с врагом, продолжение войны с которым являлось ее знаменем, а с другой – связывало все надежды со своими союзниками по Антанте. И последние давали их в лице представителей британской и французской военных миссий, прибывших в Новочеркасск уже в первой половине января 1918 г., но «пока, – отмечал ген. Лукомский, – союзники могут помочь нам только деньгами»³²⁴.

Многие считали надежды добровольцев на союзников по Антанте ошибкой, например, активный участник событий, бывший член Государственного Совета В. Гурко заявлял: «Можно было думать, что Добровольческая армия наконец уразумеет, что в основу международной политики должны быть положены не чувства, а сухой, черствый расчет», для «русских интересов использовать сохранившиеся у нее (Германии) силы, для свержения большевиков... Думать, что Державы согласия оценят нашу Дон-Кихотскую лояльность и окажут нам за нее реальную бескорыстную помощь, было более чем наивно...»³²⁵.

Ген. Н. Головин вообще требовал прямой оккупации немецкими полками Кубани. И негодовал, что «по-прежнему немец считался непременно врагом, а бывшие союзники – непременно друзьями, только думающими о благе России. В таких условиях разумное суждение было невозможно»³²⁶.

Стремившаяся сохранить «чистоту риз», Добровольческая армия получала немецкую помощь опосредованно – через Войско Донское. Характер этих отношений наглядно проявился несколько «позже, когда донское руководство попыталось реабилитировать себя в гла-

³²⁰ Кенез П. ..., с. 159.

³²¹ Кенез П. ..., с. 163.

³²² Кенез П. ..., с. 130.

³²³ Деникин А. Очерки русской смуты, т. III, с. 132. (Головин Н. Н. Российская контрреволюция..., т.1, с. 496).

³²⁴ Лукомский. Воспоминания, т. Берлин: Изд. Отто Кирхнер, 1922, с. 289. (Головин Н. Н. Российская контрреволюция..., т.1, с. 437).

³²⁵ Гурко В. И. Из Петрограда через Москву, Париж и Лондон в Одессу. 1917–1918 гг. // Архив Русской революции, т. XV, с. 32. (Цит. по: Головин Н. Н. Российская контрреволюция..., 2 т., с. 570).

³²⁶ Головин Н. Н. Российская контрреволюция..., т.2, с. 462, 449.

зах союзников, Добровольческая армия сравнивала их (казаков) поведение с поведением проститутки, которая пытается продать себя тому, кто заплатит больше». Казачий ген. Денисов на это отвечал: «Если Донское войско – проститутка, продающая себя тому, кто может заплатить, то Добровольческая армия – сутенер, который живет и питается тем, что она зарабатывает»³²⁷. «Да джентльмены, репутация Добровольческой армии чиста и безупречна, – саркастически пояснял Краснов, – А я донской атаман, беру грязные немецкие снаряды и пули, мою их в чистом Дону и отдаю их чистенькими Добровольческой армии. Стыд за это дело остается за мной»³²⁸.

Популярный ген. М. Дроздовский был более откровенен, в своем дневнике он писал: «Все подразделение было организовано для борьбы с московской властью, но поход продолжался, и становилось все труднее и труднее верить в миф, что реальными врагами являются немцы... Между нами и немцами сложились странные отношения, мы вели себя как союзники, сотрудничали, помогали друг другу...»³²⁹. Примером могла являться оккупация немецкими войсками Ростова 6 мая, которая произошла при поддержке казачьей армии Денисова и дроздовцев.

Интересно в этой связи выглядела попытка ген. Н. Головина оправдать удар Белой Армии Юга России в тыл Красной Армии, сражавшейся с немцами: «ген. Деникин решает использовать свое нахождение в тылу большевистских войск, дравшихся против немцев, не для того, чтобы окончательно сокрушить эти кадры Красной Армии, а только для набег на ближайшие железнодорожные станции с целью пополнить истощенные запасы»³³⁰.

Донская армия получала все необходимое напрямую от немцев. «Донское казачество, – подчеркивал этот факт Головин, – могло продолжать борьбу против большевиков только при союзе с немцами»³³¹. «Борьба донских казаков против большевиков всегда поддерживалась иностранной помощью, которая, – подтверждал Х. Уильямсон, – вначале шла от немцев либо напрямую через оккупационные войска, либо через украинцев, которые получали ее из того же источника. Даже сама Донская армия была организована по немецкой системе...»³³².

Мало того германо-австрийская интервенция стала той внешней силой, которая, по словам Головина, способствовала «подъему Дона» и вообще дала возможность его армии организоваться³³³. «Благодаря дружеской помощи войск Вашего Императорского Величества, – подтверждал этот факт атаман Войска Донского ген. П. Краснов в своем письме Вильгельму II, – создалась тишина и на юге Войска и мною подготовлен корпус казаков, для поддержания порядка внутри страны и воспрепятствованию натиску врага извне»³³⁴.

Для немцев, поддержка казачьего сепаратизма с началом гражданской войны стала одной из составляющих политики направленной на расчленение России, и оттеснение ее на Восток от основных зернопроизводящих районов, и

³²⁷ Кенез П..., с. 159.

³²⁸ Кенез П..., с. 158.

³²⁹ Кенез П..., с. 132–133.

³³⁰ Головин Н. Н. Российская контрреволюция..., т.1, с. 493.

³³¹ Головин Н. Н. Российская контрреволюция..., т.2, с. 411.

³³² Уильямсон Х..., гл. 4.

³³³ Янов Г. П. Дон под большевиками весной 1918 года и восстание станиц на Дону// Донская Летопись, №№, с. 19, 20. (Головин Н. Н. Российская контрреволюция..., т.1, с. 390).

³³⁴ Письмо атамана Краснова, Императору Вильгельму II (Цит. по: Головин Н. Н. Российская контрреволюция..., т.2, с. 44).

от Черного моря. Германо-австрийское командование оказывало казакам всю возможную помощь от поставки вооружений до прямой военной поддержки. Без этой помощи отдельные казачьи выступления никогда не достигли бы размаха гражданской войны.

Наибольшим препятствием для организации Армии Юга России, явилось не противодействие большевиков, а противоборство между командующими, добровольцами и казаками. Сотрудничество добровольцев с казаками началось только после того, как право-либеральные «московские общественные организации совершенно определенно поручили объявить, что руководители противобольшевистского движения могут рассчитывать на моральную помощь лишь при условии, что все они (Алексеев, Корнилов и Каледин) будут работать на Юге России совместно..., только после того, как это соглашение состоится и... будет передано представителям Англии и Франции, можно рассчитывать на получение денежной помощи от союзников»³³⁵.

«Нельзя не обратить внимания на то, — замечал в этой связи Деникин, — какое громадное влияние имело на учреждение триумvirата мнение прибывших из Москвы представителей «Национального центра». Алексеев, Каледин и Корнилов связывали с ними представление о широком фронте русской общественности. Это было добросовестное заблуждение членов делегации, вводивших так же добросовестно в заблуждение всех нас. Сами они стремились принести пользу нашей армии, но за ними не было никого»³³⁶.

На «союзное» обеспечение армия Юга России, перейдет только после подписания перемирия на Западном фронте. Одно только «прибытие «англичан», — вспоминал плк. Е. Месснер, оказало самое благотворное влияние на настроение войск, — как несомненное доказательство, что Добровольческая армия получила поддержку от Великобритании, подняло настроение ростовцев»³³⁷. Действительно, вспоминал Х. Уильямсон, наш приход население встречало криками: «Британцы пришли!... — Теперь все будет хорошо!»³³⁸

Огромное моральное значение прихода союзников, подчеркивал в своем письме Верховному комиссару Франции на Юге России ген. Ф. д'Эспере 28 января 1919 г и атаман войска Донского П. Краснов: «Необходимо спешно направить, хотя бы в направлении Луганска, 3—4 батальона, чтобы слух о том, что вы здесь, с нами, мог бы распространиться по фронту и поднять наш дух и решимость..., пройдет 2—3 недели, и в результате неверия Дон падет и подчинится игу большевиков, а Франции придется либо снова его завоевывать, используя при этом значительные силы, либо допустить на несколько лет господство анархии в России»³³⁹.

Однако решающую роль, в определении боеспособности армий Юга России, играла материальная помощь союзников, без нее они скоро вообще перестали бы существовать. «Факт оставался фактом, — подтверждал этот вывод Краснов, — Прошло почти три месяца со дня первой связи с союзниками, а помощи от них не было никакой. Фронт быстро разлагался. 30 января еще четыре хороших полка на Северном фронте перешли на сторону красных»³⁴⁰.

³³⁵ Головин Н. Н. Российская контрреволюция..., т.1, с. 448.

³³⁶ Деникин т. II, с. 194. (Головин Н. Н. Российская контрреволюция..., т.1, с. 449).

³³⁷ Из воспоминаний полковника Е. Э. Месснера «В Добровольческой армии». (Ганин А. В.,..., с. 487).

³³⁸ Уильямсон Х..., гл. 4.

³³⁹ Условие кап. Фуке 28 января 1919 г. (Краснов П. Н. Всевеликое Войско Донское // АРР, т.5. — Берлин, 1922. Глава XXI. «Условия» французского представителя капитана Фуке....)

³⁴⁰ Краснов П. Н. Всевеликое Войско Донское // АРР, т.5. — Берлин, 1922. Глава XXI. «Условия» французского представителя капитана Фуке....

Добровольческую армию спасло от краха только военное снабжение, которое стало поступать от союзников, «правда, в размерах, недостаточных для нормального обеспечения наших армий, но все же, – по словам Деникина, – это был главный, жизненный источник их питания»³⁴¹. Гинс выражался более определенно: если бы не союзники, «русские воска не имели ни оружия, ни снабжения, ни денег»³⁴². Один из командующих Красной Армии А. Егоров, в этой связи, имел все основания заявить, что: «деникинщина оказалась преимущественно одной из форм интервенции»³⁴³.

Для окончательного формирования Армии Юга России, оставалось присоединить к ней помимо Кубанской еще Донскую армию. На это ушел почти год. Приказ об объединении армий Деникин подписал только в начале января 1919 г.³⁴⁴ При этом, «подчинить себе строптивую волю генерала П. Краснова генералу Деникину, – по словам управляющего Отделом Законов деникинского Особого Сопровождающего К. Соколова, – удалось только благодаря поддержке союзников...»³⁴⁵.

Этот факт подтверждал первый пункт условий соглашения французского командования с атаманом Красновым, который требовал полного признания и единого командования «над собою генерала Деникина и его совета министров»³⁴⁶. В более дипломатичном духе звучало подобное письмо британского представителя ген. Пуля – Краснову: «Если я принужден буду возвратиться и донести своему правительству, что между русскими генералами существует зависть и недоверие, это произведет очень тяжелое впечатление и, наверно, уменьшит вероятность оказания помощи союзниками. Я бы предпочел донести, что Ваше Превосходительство проявили себя столь великим патриотом, что готовы поступиться собственными желаниями для блага России и согласиться служить под начальством ген. Деникина»³⁴⁷.

К середине 1919 г. Армия Юга России состояла: из Донской, насчитывавшей 100 тыс. человек; Кубанской – 30 тыс. и Добровольческой – 10 тыс. чел. армий³⁴⁸. Она находилась в несравненно лучших условиях по сравнению с другими белыми армиями: ее потенциальные материальные и людские ресурсы в разы превышали возможности всех остальных белых армий вместе взятых. Сподвижник Колчака Гинс завистливо восклицал: «Одна Кубань обладала такими человеческими и экономическими ресурсами, как вся Сибирь»³⁴⁹.

Что касается населения, то в сентябре 1919 г. Черчилль сообщал кабинету министров: «Армии ген. Деникина господствуют на территориях, на которых живет не менее тридцати миллионов русских и которые включают третий, четвертый и пятый по значению города России... Нет никакого сомнения в том, что этот тридцатимиллионный народ, если бы только была возможность прибегнуть к плебисциту, подавляющим большинством голосов высказался бы против возвращения большевистского правительства Ленина и Троцкого. Больше того: ген. Деникин имеет в своем распоряжении армию, которая, хотя в основном и является добровольческой, быстро растет в своей численности и в настоящее время в ней уже более 300 тыс. чел.»³⁵⁰

³⁴¹ Деникин А. И. Поход на Москву... с. 418.

³⁴² Гинс Г. К..., с. 482.

³⁴³ Егоров А. И... с. 41–42.

³⁴⁴ 13 апреля 1918 г. случайный снаряд убил Корнилова и Алексеев, исполнявший роль духовного лидера Добровольческой армии, издал приказ о назначении Деникина главнокомандующим.

³⁴⁵ Соколов К. Н..., с. 64–65.

³⁴⁶ Условие кап. Фуке 28 января 1919 г. (Краснов П. Н. Всевеликое Войско Донское // АРР, т.5. – Берлин, 1922. Глава XXI. «Условия» французского представителя капитана Фуке....)

³⁴⁷ Кенез П..., с. 269; См. тоже: Подчинение генерал П. Н. Краснова генералу А. И. Деникину. Головин Н. Н. Российская контрреволюция..., т.2, с. 589–598.

³⁴⁸ Кенез П..., с. 271–272.

³⁴⁹ Гинс Г. К..., с. 480.

³⁵⁰ Черчилль – Кабинету, 22.09.1919. (Черчилль У..., с. 305–306)

Сибирская армия

Кристаллизующую основу Сибирской (колчаковской) армии, по словам командующего интервенционистскими силами Антанты в России французского ген. М. Жанена, составил 60 тысячный чехословацкий корпус, польская дивизия – 11 200 солдат, румынский легион 4 500 человек, несколько тысяч итальянцев, английский батальон, французские части – 1 100 человек, батальон латышей – 1 300 пехотинцев, полк хорватов, словенцев, сербов³⁵¹.

Указывая на роль «союзников», Жанен имел все основания утверждать, что «без чехословаков и без меня они (колчаковцы) вообще не существовали бы»³⁵². Чехословацкие части, подтверждал в июне 1918 г. британский премьер Д. Ллойд Джордж, «формируют ядро возможной контрреволюции в Сибири»³⁵³. Именно благодаря чехословацкому корпусу, конкретизировал один из его политических руководителей Б. Павлу, «русская армия «многие месяцы могла находиться в тылу, за фронтом, нами надежно удерживаемом, была собрана, обучена и обеспечена», корпус завоевал для белых Сибирь»³⁵⁴.

Масштабная гражданская война в Сибири стала возможна только и исключительно благодаря участию в ней чехословацкого корпуса, который в начале войны составлял более 80 % всех организованных вооруженных белых формирований на всей огромной территории Поволжья, Урала и Сибири.

Офицеры в Сибирской армии не играли такой цементирующей роли, как в других белых армиях. По оценкам Ф. Мейбома, «в целом (в колчаковской армии) доля офицеров не превышала, видимо, 5 % всех военнослужащих...»³⁵⁵. Но, что более важно, отмечает историк С. Волков, «по качеству своему офицерство на Востоке отличалось от Юга все-таки в худшую сторону. Кадровых офицеров было чрезвычайно мало...»³⁵⁶. «В отличие от общепринятых критериев, по которым кадровыми считаются офицеры, получившие образование в объеме полного курса военных училищ, т. е. до войны, здесь к ним относились все офицеры, произведенные по 1915 год включительно. Но и при таком подходе, – по данным Г. Эйхе, – всех таких офицеров насчитывалось менее тысячи, а остальные 15–16 тысяч были производства 1916–1917 годов»³⁵⁷.

Например, в 63-тысячной Западной армии к середине апреля было лишь 138 кадровых офицеров и 2548 офицеров военного времени³⁵⁸. В Сибирской армии на 15 марта 1919 г. числились 70 кадровых офицеров при 3009 офицерах военного времени³⁵⁹. По общим оценкам из примерно 30 тысяч офицеров белых армий Востока России кадровые офицеры составляли не более 6 %, или 1800 человек³⁶⁰.

Однако основная проблема заключалась даже не столько в недостаточном количестве и низком профессиональном уровне колчаковского офицерского корпуса, сколько в его мобилизационном характере. Как вспоминал один из участников событий Мейбом: «в нашем полку, к

³⁵¹ Janin M. Moje učast na československem boji za svobodu. 1923, с. 227–228. (Голуб П. А., с. 394).

³⁵² Janin Maurice. Moje ucast na Seskoslovenskem boji za svobodu. Praha, 1923, s. 276. (Голуб П. А., с. 422).

³⁵³ Ллойд Джордж заявление в июне 1918 г. (Lloyd Gardner C. Safe for Democracy. The Anglo-American Response to Revolution, 1913–1923. N.Y. 1984, p.182–184. (Уткин А. И... с. 557.))

³⁵⁴ Газета Ceskoslovensky dennik, 12.III.1919. (Голуб П. А., с. 70).

³⁵⁵ Мейбом Ф. Ф. Тернистый путь, N 27–28, с. 11; Мейбом Ф. Ф. Бронепоезд «Витязь» // ПП. N 4, с. 8; (Волков С. В., с. 256.)

³⁵⁶ Волков С. В., с. 267.

³⁵⁷ Эйхе Г. Х. Уфимская авантюра Колчака, М., 1960, с. 69; Петров П. П. Роковые годы, Франкфурт, 1965, с. 141. (Волков С. В... с. 268.); См. так же: Ганин А., с. 82–87.

³⁵⁸ РГВА. Ф. 39624. Оп. 1. Д. 87. Л. 11об.–12. (Ганин А. В., с. 262).

³⁵⁹ РГВА. Ф. 39736. Оп. 1. Д. 58. Л. 57. (Ганин А. В., с. 262).

³⁶⁰ Волков Е. В. Под знаменем белого адмирала. Офицерский корпус вооруженных формирований А. В. Колчака в период Гражданской войны. Иркутск, 2005. С. 221. (Ганин А., с. 78).

моему удивлению, со стажем одного года гражданской войны был только я и больше никого... Вся дивизия, т. е. ее состав, были мобилизованы, включая и большинство офицеров, которые после Германской кампании осели и занялись другой работой, обзавелись семьями и, конечно, без особого удовольствия явились на призыв»³⁶¹. О боевом потенциале этого офицерского состава свидетельствовали дневниковые записи военного министра Колчака ген. А. Будберга: «Много нареканий на офицерские укомплектования, состоящие преимущественно из насильно набранных и укрывающихся от призыва офицеров и из вновь выпущенных юнкеров краткосрочных школ очень неудовлетворительного качества»³⁶².

Мало того «генералов и (старших) офицеров, – отмечал ген. Д. Филатьев, – там (в колчаковской армии) нет, руководители – зеленая молодежь»³⁶³. Генералами, подтверждает историк А. Ганин, «нередко становились еще совсем молодые люди, достаточно энергичные, но не обладавшие ни жизненным, ни административным опытом. К примеру, Р. Гайда и Н. П. Сахаров получили первый генеральский чин в 26 лет, А. Н. Пепеляев – в 27, А. И. Тирбах – в 28, Г. М. Семенов – в 29, И. П. Калмыков – в 30 лет.»³⁶⁴ «Сотни новоиспеченных генералов были явно избыточны для белых формирований Востока России и, наоборот, – отмечает А. Ганин, – усугубляли нехватку кадровых офицеров на более низких ступенях служебной иерархии»³⁶⁵.

Действительно «среди русских генералов, – подтверждал Гинс, – не было никого, кто пользовался бы общим признанием офицерства», поэтому члены Сибирского правительства выбрали на роль командующего сибирской армией чешского ген. Гайду»³⁶⁶. Не случайно Черчилль говорил о чехах, как об основной военной силе поддерживавшей огонь гражданской войны в Сибири: «Мы видели уже в октябре 1918 г., что они (чехи) были доведены до полного отчаяния тем, как хорошо вели дела они и как плохо вели свою работу русские белогвардейцы...»³⁶⁷.

Правда была и еще одна сторона вопроса, на которую указывал Гинс: «мы рассчитывали, что назначение Гайды ускорит получение помощи от союзников»³⁶⁸. **«Без материальной помощи союзников нам не обойтись**, – подчеркивал Гинс, – Ежедневно на территории одной только Сибири расходуется 15 миллионов рублей на содержание войск, а предприятия стоят или мало работают и поступление доходов ничтожно»³⁶⁹. Колчаковская армия находилась в зависимости от союзнического снабжения еще в большей мере, чем деникинская.

Внутренний фронт

Внутренний фронт, находившийся на территории Советской России, составили десятки подпольных офицерских организаций. «Я, – вспоминал бывший начальник Петроградского охранного отделения ген. К. Глобачев, – в это время работал по информации в одной из (таких) тайных организаций и имел свою агентуру в некоторых учреждениях советской власти, в том числе и в Петроградской Чека... Во многие учреждения проникали в качестве служащих агенты Белого движения, приносившие колоссальную пользу контрреволюционным организациям...»³⁷⁰.

³⁶¹ Мейбом Ф. Ф. Гибель 13-й Сибирской стрелковой дивизии, N 17, с. 43, 50 (Волков С. В.,..., с. 268)

³⁶² Будберг А. 2 августа 1919 г.,..., с. 204–205.

³⁶³ Д. Филатьев – А. Гучкову. 16 августа 1919 г. // ГА РФ. ф. р–5868. Оп. 1. Д. 12. Л. 2. (Цит. по: Ганин А. В.,..., с. 256–257.)

³⁶⁴ Ганин А. В.,...,с. 83.

³⁶⁵ Ганин А. В.,...,с. 83.

³⁶⁶ Гинс Г..., с. 185.

³⁶⁷ Черчилль У..., с. 301.

³⁶⁸ Гинс Г..., с. 185.

³⁶⁹ Гинс Г..., с. 231.

³⁷⁰ Глобачев К. И.,..., Часть II. Гл. Глава IV Устройство личных дел.

«К маю 1918 года я, – вспоминал и один из организаторов высадки интервентов на Севере России кпт. Г. Чаплин, – не избег общей участи и состоял в рядах «тайной» офицерской организации, коим в те дни в одном Петербурге имя было легион»³⁷¹. По всей стране действовали: «Национальный центр», «Тактический центр», «Всероссийский монархический союз», «Единая Великая Россия», «Союз фронтовых офицеров», «Петроградский союз георгиевских кавалеров», «Русское собрание», «Союз фронтовиков», «Народный союз защиты Родины и свободы», «Всероссийский союз офицеров», «Белый крест», и даже «Союз трудового крестьянства», созданный колчаковскими офицерами, «Туркестанский союз борьбы с большевизмом», «Петроградская боевая организация». Чисто вербовочные организации «Черная точка», «Все для Родины», «Союз реальной помощи» и т. д. . .

О целях подпольных офицерских организаций, на примере «Союза защиты Родины и свободы», свидетельствовал приговор по делу А. Перхурова, который обвинялся в том, что «в целях идейного объединения местных организаций выработал и распространил программу, в которой ближайшей задачей поставлено свержение существующего правительства и организация твердой власти, непреклонно стоящей на страже национальных интересов России, восстановление старой армии с восстановлением прав старого командного состава с целью продолжения войны с Германией». То есть это была программа, которая, – указывает историк С. Волков, – идейно сплачивала все офицерские организации независимо от политических пристрастий»³⁷².

Помимо офицерских, активное участие в борьбе принимало и множество других подпольных организаций. «Петроград, – указывал на этот факт член «Комитета спасения Родины и Революции» и «Союза возрождения России» эсер В. Игнатьев, – кишел всякими организациями, поставившими своей задачей борьбу с большевиками и в своем большинстве питающимися из одного и того же союзнического кармана и, несмотря на общность непосредственной цели – сломить большевиков, ненавидящих друг друга, не верящих друг другу, готовых при первом стремлении к дальнейшему строительству России, которую каждая организация понимала по своему, перегрызть друг другу горло...»³⁷³.

Настроение левых эсеров передавало Воззвание их Петроградской боевой дружины от 3 апреля 1919 г., провозглашавшее «переход в наступление против Советской власти... и «беспощадный террор» коммунистам и советским работникам»³⁷⁴. И это были не просто слова, отмечает историк Н. Корнатовский: «весной 1919 г. на целом ряде петроградских заводов и фабрик возникли конфликты, инспирированные эсерами и имевшими целью подорвать авторитет коммунистической партии и тем самым ослабить работу по обороне. Эта деятельность демократической контрреволюции совпала с работой белогвардейской конспиративной организации в Петрограде...»³⁷⁵.

Действительно наибольшая угроза для большевиков возникала именно в моменты объединения усилий разрозненных оппозиционных сил. Наглядным примером тому могло служить Ярославское восстание, в число организаторов которого вошли представители кадетов, монархистов, меньшевиков, эсеров, офицеров белогвардейцев и местных антибольшевистских сил. Подобное объединение имело место и во время сдачи большевиками Пскова, после которого председатель Псковского губисполкома сообщал: «Город не был сдан, он был предан изменой»³⁷⁶.

³⁷¹ Чаплин Г. Е..., с. 48

³⁷² Волков С. В..., с. 276.

³⁷³ Игнатьев В. И. Некоторые факты и итоги 4 лет Гражданской войны (1917–1921 гг.), часть 1–«Октябрь 1917 г. – август 1919 г. Петроград, Вологда, Архангельск» (личные воспоминания) Пг.: Госиздат, 1922, с. 19. (Корнатовский Н..., с. 27)

³⁷⁴ Петроградская правда. 1919. № 78. (Корнатовский Н..., с. 203).

³⁷⁵ См. подробнее: Корнатовский Н..., с. 202.

³⁷⁶ Псковский музей революции, материалы Псковской истпарткомиссии, дело № 3, воспоминания С. М. Артамонова. (Цит. по: Корнатовский Н..., с. 135.)

Источником средств для этих подпольных организаций стали «союзнические» миссии в России. «Надо отдать должное союзникам, – указывал кпт. Г. Чаплин, – вернее, англичанам. С того дня, как было решено вместе работать, мы от них ни в чем отказа не получали»³⁷⁷. С этих пор, подтверждал член «Комитета спасения Родины и Революции» эсер В. Игнатьев, в средствах нужды не было, их источником была английская миссия в Вологде, на ее «средства было куплено оружие, содержались члены организации»³⁷⁸. Сам Чаплин получил английский паспорт на имя Томсона и был фиктивно оформлен, как начальник английской военной миссий в Вологде³⁷⁹. Именно тайные офицерские организации стали ядром восстаний в Ярославле, Рыбинске, Муроме и других городах весной-летом 1918 г.³⁸⁰

* * * * *

«К 1 сентября 1918 г. Московское большевистское правительство оказалось в кольце врагов, – отмечал ген. Н. Головин, – Оно было отрезано от всех внешних морей; в его руках оставался лишь небольшой участок побережья Финского залива у Петрограда. Большевики были лишены Уральской и Криворожской руды, Донецкого угля и Бакинской нефти. Оторванная от всех русских источников сырья промышленность, находившаяся на территории, подчиненной Ленину, осуждена была на гибель»³⁸¹. Московское большевистское правительство оказалось «отрезанным и от районов хлебных житниц Юга России и Сибири. Под владычеством большевиков оставались области, нуждавшиеся в привозном хлебе. В таких условиях детище Ленина... – подводил итог Головин, – конечно жить не могло»³⁸².

«Что было в это время у противников большевиков? Силы их, – отвечал И. Майский, – казались неизмеримыми. За ними стояли ресурсы трех четвертей России. У них были хлеб, уголь, железо и морские пути сообщения. На них работали вековые традиции прошлого. На их стороне был весь капиталистический мир со всем могуществом своих материальных, военных и идеологических ресурсов. Сопоставление этих двух величин могло казаться почти кошунственным: так ничтожны были силы большевиков и так необъятно громадны силы контрреволюции»³⁸³.

Победный марш

*Белые Армии были в эти дни в зените своих успехов своей славы.
Еще усилие, и русское дело выиграно...
Ген. К. Сахаров*³⁸⁴

1919 год Белые армии начали с наступления по всем фронтам. «Всегда сторона, вырывающая инициативу сумевшая лучше использовать время, бывала победительницей, – пояснял колчаковский ген. К. Сахаров, – Весной 1919 года Красная армия готовилась перейти в наступление, но мы предупредили ее и начали активные действия раньше»³⁸⁵.

---

³⁷⁷ Чаплин Г. Е..., с. 49–50.

³⁷⁸ Игнатьев В. И..., с. 110, 112, 114.

³⁷⁹ Чаплин Г. Е..., с. 50.

³⁸⁰ Ратьковский И. С..., с. 129.

³⁸¹ Головин Н. Н. Российская контрреволюция..., т.2, с. 602.

³⁸² Головин Н. Н. Российская контрреволюция..., т.2, с. 602.

³⁸³ Майский И. М..., с. 350.

³⁸⁴ Сахаров К. В..., с. 97.

³⁸⁵ Сахаров К. В..., с. 88–89.

Командовавший союзническими силами на Севере России британский ген. Э. Айронсайд, был несколько другого мнения о причинах раннего выступления Сибирской армии: «В том, что Колчак был прав, развернув наступление в зимнюю кампанию, я не сомневался, – писал он, – Удерживать недисциплинированные войска бездействующими на зимних квартирах в пределах Сибири означало подвергнуть их в полной мере воздействию большевистской пропаганды. В войсках Колчака были и добровольцы, но большинство попало в армию по воинской повинности, и перед весной могло начаться массовое дезертирство. Транспорт и запасы продовольствия к этому времени должны были иссякнуть, и он оказался бы в худшем положении, чем был зимой»³⁸⁶.

Будущий министр Северо-западного правительства Н. Иванов, указывал еще на одну причину раннего выступления Белых армий: «к маю положение Северного корпуса стало таково, что необходимо было предпринять крупную операцию и успехами последней доказать целесообразность существования русских частей на счет Эстонии и боеспособность их... Я требовал молниеносного натиска вплоть до самого Петрограда, полагая, что тот ведет события, кто наступает, что Петроград немедленно вспыхнет широким восстанием, что на (собственные) силы нам рассчитывать не приходится и что остановка на пути будет катастрофой»³⁸⁷.

Раннее выступление армии Колчака превзошло все ожидания: «Для красных этот марш маневр... был так неожидан, что они, – отмечал ген. Сахаров, – не могли подготовить никаких мер противодействия... Нам достались большие запасы и богатые склады, захвачены были тысячи пленных и много оружия... Настроения войск приподнялось сразу...»³⁸⁸. «Это весеннее наступление белых армий 1919 года было подобно могучей русской тройке, которая не знает ни усталости, ни преград..., – описывал его Сахаров, – Красные полчища бежали, делая в иные дни на подводах по 70 верст. Догнать их, окружить и разбить было нельзя. Но, несмотря на это масса трофеев – десятками пушки, сотнями пулеметов, винтовки снаряды и патроны – попадала в наши руки. И белые полки буквально рвались вперед... Красные начинали приходить в панику... Народ радостно крестился, вздыхал и просветленным взором смотрел на восток, откуда в его мечтах уже шла его родная, близкая Русь»³⁸⁹.

Успехи Армии Юга России, командир Белозерского полка Добровольческой армии Штейфон объяснял тем, что «Белые войска, конечно, во всех отношениях превосходили по духу и искусству Красную армию»³⁹⁰. «Воодушевлением, личным составом и тактической подготовкой, – повторял он, – Добровольческая армия неизмеримо превосходила большевиков...»³⁹¹. «В апреле казалось все еще безоблачным. Успехи армии продолжались. Наступление развивалось, войска шли все дальше и глубже, манила Волга»³⁹².

Наступающие Белые армии встречали радостную поддержку местного населения. «Верховный правитель объехал... почти все освобожденные от большевиков местности..., его встречали, – вспоминал К. Сахаров, – все слои населения, как народного вождя, выдвинутого самим Богом для спасения Родины»³⁹³. «Крестьяне и рабочие уральских заводов сами просили увеличить возраст призыва, так как они желали идти в армию против большевиков все поголовно... На каждом шагу были доказательства того, что сам народ хотел сбросить иго чужеземного захвата, ненавистную власть интернационала»³⁹⁴. «Всюду я, – вспоминал К. Саха-

³⁸⁶ Айронсайд Э... (Голдин В. И., с. 288.)

³⁸⁷ Записки Н. Н. Иванова // Архив Гражданской войны, т. 1, с. 40. (Цит. по: Корнатовский Н..., с. 108–109.)

³⁸⁸ Сахаров К. В..., с. 88–89.

³⁸⁹ Сахаров К. В..., с. 89–90.

³⁹⁰ Штейфон Б. А..., с. 70.

³⁹¹ Штейфон Б. А..., с. 147.

³⁹² Сахаров К. В..., с. 90–91.

³⁹³ Сахаров К. В..., с. 95.

³⁹⁴ Сахаров К. В..., с. 131–132.

ров, – видал одно: русских людей, готовых на какие угодно жертвы и лишения, предпочитавших смерть в борьбе или уход в неизвестную даль подчинению коммунистам-большевикам... Надо кончать с этим делом. Как разрушили нашу землю святую! А все от того, что царя не стало. Вишь сами власти захотели... Всех царских врагов истребить надобно...»³⁹⁵.

Действительно, наиболее ярко эта поддержка населения проявилась в успехах мобилизации, как в Сибири, так и на Юге России. Пример тому давал добровольческий Белозерский полк, который «выступив из Харькова в составе около 800 штыков, имея не более 15 пулеметов..., после трех месяцев тяжелых боев, потеряв около 4 тыс. человек убитыми, ранеными и больными, к моменту штурма Чернигова имел 2 тысячи штыков, более 100 пулеметов, конно-разведывательную команду (200 шашек), запасной батальон (около 600 человек)... богатую хозяйственную часть и т. д.»³⁹⁶

Этот результат был достигнут, главным образом, за счет военных трофеев и успешной мобилизации. В Черниговской области, – приводил пример Штейфон, «деревня была настроена прекрасно. Назначенная мною мобилизация... прошла успешно и даже с известным подъёмом»³⁹⁷. И части, сформированные из мобилизованных крестьян, были вполне боеспособны, отмечал Штейфон: «этот редкий даже в летописях Добровольческой армии, бой вел полк, в составе которого две недели назад влилось около 2 тысяч человек мобилизованных. Поставленные в условиях нормальной дисциплины, руководимые мужественными офицерами, они воевали выше всяких похвал»³⁹⁸.

Полный успех сопровождал и мобилизацию пленных красноармейцев, о чем сообщали представители всех фронтов:

В армии Юга России «После выделения всех этих элементов (коммунистов и комиссаров), ярко враждебных белой армии, остальная масса становилась незлобивой, послушной и быстро воспринимала нашу идеологию. За редким исключением, большинство были солдатами в период Великой войны и поэтому после небольшого испытания становились в строй. Они воевали прекрасно. В Белозерском полку, – вспоминал его командир, – солдатский состав на 80–90 % состоял из пленных красноармейцев или из тех мобилизованных, которые служили раньше у большевиков, а затем при отходе сбежали»³⁹⁹. «Став в наши ряды бывшие красные офицеры и солдаты добросовестно воевали и оставались до конца в рядах Белозерского полка»⁴⁰⁰. «Пленные красноармейцы в руках многочисленного офицерства, – подтверждал плк. Е. Месснер, – выказали себя хорошими солдатами»⁴⁰¹.

Колчаковская армия, как отмечал ген. Сахаров, за зиму так же пополнилась «значительным числом красноармейцев»⁴⁰². «Почти в каждом деле брали в плен красноармейцев, иной раз по несколько сот человек..., держали их неделю другую в ближайшем тылу, сводили в запасные роты, учили, тренировали, отбирали все вредное, зараженное, коммунистов и других партийных работников, – и затем вливали эти запасные роты в наши боевые полки»⁴⁰³. Так же и на Западе России – в Северном корпусе, «у нас не было отбою от переходивших красных: в конце концов мы, – вспоминал министр правительства Н. Иванов, – сами стали просить

³⁹⁵ Сахаров К. В...., с. 144.

³⁹⁶ Штейфон Б. А...., с. 106.

³⁹⁷ Штейфон Б. А...., с. 168.

³⁹⁸ Штейфон Б. А...., с. 166.

³⁹⁹ Штейфон Б. А...., с. 121.

⁴⁰⁰ Штейфон Б. А...., с. 135.

⁴⁰¹ Из воспоминаний полковника Е. Э. Месснера «В Добровольческой армии». (Ганин А. В...., с. 493.)

⁴⁰² Сахаров К. В...., с. 117.

⁴⁰³ Сахаров К. В...., с. 174–175, 176.

являвшихся депутатов красных повременить с переходом к нам до прибытия хлеба, которого не хватало для наличного состава»⁴⁰⁴.

На всех фронтах «получили довольно широкое распространение случаи измены командного состава и даже целых частей Красной армии...»⁴⁰⁵. Например, на Северо-Западном фронте «в апреле 1919 г. благодаря измене командиров, бывших царских офицеров, под руководством которых были убиты командир и комиссар полка, все батальонные комиссары и комиссар бригады, на сторону белых, под звуки царского семеновского марша, перешел в полном составе возглавляемый ими батальон численностью 600 человек»⁴⁰⁶. На Южном фронте примером могла служить «Тульская бригада, которая в массовом порядке перешла от большевиков и присоединилась к кавалерийскому корпусу Мамонтова во время рейда последнего. Это было закаленное и хорошо оснащенное воинское соединение, где командовали большей частью офицеры старой императорской Российской армии...»⁴⁰⁷.

К началу лета Вооруженные Силы Юга России разбили силы Красной армии на всех направлениях. Достигнутый успех воодушевлял и 20.06 (3.07.) 1919 А. Деникин провозгласил свою знаменитую «Московскую директиву». «Не закрывая глаза на предстоявшие еще большие трудности, я, – вспоминал Деникин, – был тогда оптимистом. И это чувство владело всем югом – населением и армиями. Оптимизм покоился на реальной почве: никогда еще до тех пор советская власть не была в более тяжелом положении и не испытывала большей тревоги... В сознании бойцов она (директива) должна была будить стремление к конечной, далекой, заветной цели. «Москва» была, конечно, символом. Все мечтали «итти на Москву», и всем давалась эта надежда»⁴⁰⁸.

И этот поход на Москву, встречал ту же поддержку населения, что и весеннее наступление. Хотя сначала относительно деревень Курской губ. у Штейфона были сомнения: «до сих пор наши наборы происходили в губерниях с преобладающим малороссийским населением и мне впервые приходилось иметь дело с теми контингентами, которые все время находились лишь под большевистской властью и подвергались лишь большевистской обработке»⁴⁰⁹. Но и здесь, «к моему удовольствию и даже удивлению, – отмечал Штейфон, – мобилизация имела полный успех»⁴¹⁰.

Таким же полным был и успех наступления: «Мы, – вспоминал Деникин, – отторгали от советской власти плодороднейшие области, лишали ее хлеба, огромного количества военных припасов и неисчерпаемых источников пополнения армий. Мы расширяли фронт на сотни верст и становились от этого не слабее, а крепче. Добровольческая армия к 5 мая в Донецком бассейне числила в своих рядах 9,6 тыс. бойцов. Невзирая на потери, понесенные в боях и от болезней, к 20 июня (Харьков) боевой состав армии (благодаря успешным мобилизациям) составил 26 тысяч, к 20 июля (Екатеринослав-Полтава) – 40 тысяч. Донская армия, сведенная к 5 мая до 15 тысяч, к 20 июня насчитывала 28 тыс., к 20 июля – 45 тысяч... Состав вооруженных сил юга с мая по октябрь возрастал последовательно от 64 до 150 тыс. Таков был результат нашего широкого наступления»⁴¹¹.

И этот победный марш не был легкой прогулкой. Еще в июле Ленин призвал к «поголовной мобилизации населения»: «Все на борьбу с Деникиным»⁴¹². И белым приходилось каж-

⁴⁰⁴ Записки Н. Н. Иванова // Архив Гражданской войны, т.1, с. 85. (Цит. по: Корнатовский Н..., с. 108–109.)

⁴⁰⁵ См. подробнее: Корнатовский Н..., с. 151.

⁴⁰⁶ См. подробнее: Корнатовский Н..., с. 153.

⁴⁰⁷ Уильямсон Х..., гл. 11.

⁴⁰⁸ См. подробнее: Деникин А. И. Поход на Москву. 1928..., с. 15, 16.

⁴⁰⁹ Штейфон Б. А..., с. 146.

⁴¹⁰ Штейфон Б. А..., с. 142–143.

⁴¹¹ Деникин А. И. Поход на Москву. 1928..., с. 29.

⁴¹² Ленин В. И. Все на борьбу с Деникиным. 4–9 июля 1919 г. // Ленин В. И. ПСС., т. 39, с. 44–63.

дый раз преодолевать превосходящие силы красных, «некоторые отряды, которых, – по словам белогвардейских офицеров, – составленные из коммунистов или матросов и в самом начале нашего наступления окруженные белыми полками, не имея никакой надежды на спасение, все же не сдавались, а все гибли геройской смертью. Крайнюю самоотверженность проявляли и советские курсанты, и команды бронепоездов...»⁴¹³. Тем не менее, в октябре Армия Юга России была уже в 250 км. от Кремля, и большевики стали готовиться к переходу на нелегальное положение – был создан подпольный Московский комитет партии, а правительственные учреждения начали эвакуировать в Вологду.

Тем временем в Сибири, по словам ген. К. Сахарова, весь летний период колчаковская армия копила силы «для успеха решительного наступления». «Большая работа, проведенная с мая по сентябрь, дала к осени результаты; мы могли вливать в корпуса и дивизии совершенно готовое и одетое пополнение..., эшелонировать все виды снабжения и давать их войскам без отказа. А главное – мы могли строить все расчеты наших операций и боев на точных данных, мы были хозяевами вполне»⁴¹⁴. Наступление началось с первых дней сентября. «Наши части гнали красных, захватывая тысячи пленных. Всех охватила неописуемая радость и подъем духа; казалось, что наступил решительный перелом, что этот удар будет окончательным...»⁴¹⁵; «наше наступление развивалось... Все наши боевые задачи были выполнены: было сделано больше..., разбили красных везде»⁴¹⁶.

В конце сентября в решительное наступление на Петроград перешла Северо-западная армия Юденича, и ему сопутствовал такой же успех, как и другим белым армиям. Об этом свидетельствовала Политсводка частей 7-й красной армии за 12, 14 и 15 октября, в которой отмечалась «растерянность командного и политического состава..., полная неустойчивость частей дивизии, из которых только одна бригада имела боевое соприкосновение с противником, остальные же части дивизии отступали, оторвавшись от наседавшего противника. 2-я стрелковая дивизия в панике отступала, в 10-м стрелковом полку красноармейцы не желали сражаться и требовали отдыха, в 1-й бригаде дивизии отмечалась склонность к переходу на сторону противника... Вся 1-я бригада дивизии была деморализована, приказы не исполнялись, полки бригады панически бежали»⁴¹⁷.

«События на фронте, принимавшие катастрофический характер, вызвали, – по словам историка Н. Корнатовского, – у некоторых (советских) ответственных работников растерянность, потерю ясной ближней перспективы, нервозность...»: «Это агония, – писал Г. Зиновьеву комиссар 6-й стрелковой дивизии, – надо лететь туда и вместе умирать – без сознания, что сделано все возможное»⁴¹⁸. «При подходе противника к Пулковским высотам были двинуты последние резервы», а 16 октября выступили на фронт курсы командного состава Балтийского флота⁴¹⁹.

В случае невозможности остановить рвущуюся вперед Северо-западную армию на подступах к Петрограду «было решено дать бой в кварталах самого города»⁴²⁰. Петроградский совет постановил: «Надо поднять на ноги все рабочее население. Надо всем вооружиться. Надо готовиться

⁴¹³ Записки белого офицера. Октябрьское наступление на Петроград и причины неудачи похода. Гельсингфорс, 1920, с. 58. (Цит. по: Корнатовский Н..., с. 301.)

⁴¹⁴ Сахаров К. В..., с. 157.

⁴¹⁵ Сахаров К. В..., с. 165.

⁴¹⁶ Сахаров К. В..., с. 168.

⁴¹⁷ Корнатовский Н..., с. 296–297.

⁴¹⁸ См. подробнее: Корнатовский Н..., с. 298.

⁴¹⁹ См. подробнее: Корнатовский Н..., с. 299, 300.

⁴²⁰ Корнатовский Н..., с. 311.

отстаивать каждую пядь нашей земли, каждый дом и каждую улицу, в самом Петрограде»⁴²¹.

К середине октября 1919 г. Белые армии достигли пика своих успехов и боевой мощи, представление об их численности (Таб.2).

Таб. 2. Численность белогвардейских армий в период их максимальной численности, в 1919 г.,⁴²² Врангель – сентябрь 1920 г.⁴²³

	Колчак	Деникин	Юденич	Сев. Арм.	Врангель
Всего, тыс. чел.	400-680	270	50	55	300
Из них, на фронте	110 -145	150	18,5	20,3	50
Штыков, тыс.	96	107	17,8	20	
Сабель, тыс.	22,5	46	0,7	0,3	

Перелом наступил к середине октября, когда, по словам ген. Сахарова, «начались самые упорные и жестокие бои за весь этот период нашего наступления... бои шли не прекращаясь ни на один день, потери увеличивались и росли непомерно, а пополнений мы не получали с тылу ни одного солдата»⁴²⁴; «из наших полков выбывали лучшие, гибли храбрейшие русские офицеры и солдаты, цвет нашей армии. Но главное – всего хуже было то, что падала надежда на успех и вера в дело»⁴²⁵.

То, что я увидел в Омске, вспоминал Сахаров, «тогда же наполнило сознание мыслью, что положение почти безнадежно»⁴²⁶. Главнокомандующий колчаковской армией М. Дитерихс в те дни говорил: «нужно, во что бы то ни стало, продержаться до конца октября, когда Деникин возьмет Москву. Нам необходимо до этого времени сохранить верховного правителя и министров». «Продержитесь до конца октября, – призывал Колчак, – когда Деникин возьмет Москву»⁴²⁷.

Однако к 20-м числам октября Красная армия перешла в наступление на всех фронтах, и Белые армии, несмотря на порой героическое сопротивление, покатались назад с той же скоростью, с которой они наступали в начале года. Впечатление было такое, вспоминал британский доброволец Х. Уильямсон, что «казалось, вдруг весь (Южный) фронт рухнул в хаосе»⁴²⁸, «вокруг господствовало ощущение безнадежности..., у нас никогда не было покоя, и мы никогда не оставались на одном месте дольше одного-двух дней»⁴²⁹. Отступление, подтверждал главный идеолог Деникина К. Соколов, «приняло катастрофический характер», «войска отступали неудержимо»⁴³⁰.

⁴²¹ Борьба за Петроград. – Пг.: Госиздат, 1920, с. 327. (См. подробнее: Корнатовский Н..., с. 327.)

⁴²² Военный Энциклопедический словарь, ст. «Колчака армии», М, 2001; ЦГАОР, ф. 200, оп. 3, д. 85, л. 95 (Анτισοветская интервенция и ее крах, М, 1987, с. 53); Родзянко А. П., Воспоминание о Северо-западной армии, с. 94–95 (Слободин В. П., Указ. соч., с. 51); РГВА, ф. 39450, оп. 1, д. 255, л. 1–4, д. 250, л. 4–6, 26–66, д. 189, л. 31, 42, 50 (Слободин В. П., Указ. соч., с. 51); Военный энциклопедический словарь, ст. «Вооруженные силы Юга России»; РГВА, ф. 39540, оп. 1, д. 30, л. 146–166 (Слободин В. П., Указ. соч., с. 50), Горн В. Гражданская война на Северо-Западе России // Деникин, Юденич, Врангель, М., 1990, с. 281; Дерябин А. И. Белые армии, с. 7–8.; Известия ВЦИК, 31.07.1919; (Волков С. В..., с. 226.); Шишов В. А..., с. 345.

⁴²³ Дерябин А. И. Белые армии, с. 19, 20; Раковский Г. Конец белых, Прага, 1921, с. 441; (Волков С. В..., с. 144.)

⁴²⁴ Сахаров К. В..., с. 166.

⁴²⁵ Сахаров К. В..., с. 182, 184.

⁴²⁶ Сахаров К. В..., с. 176.

⁴²⁷ Сахаров К. В..., с. 178.

⁴²⁸ Уильямсон Х..., гл. 13.

⁴²⁹ Уильямсон Х..., гл. 17.

⁴³⁰ Соколов К. Н..., с. 214.

«Наиболее удручающим было то, – писал ген. А. Драгомиров Деникину, – что сами начальники сознавали, что красных не так уж много, что настроение у них неважное, что они босы, легко одеты, голодны, злы на своих комиссаров, что это, в сущности, «рвань», против которой достаточно одного-двух хороших полков. И тем не менее мы все уходили от этой «рвани» и никакими силами нельзя было вызвать войска не только на смелые, активные решения, но и на самое элементарное упорство»⁴³¹.

Точно так же рухнул и колчаковский фронт в Сибири. «Войска наши не разлагались, нет, – объяснял его крах ген. Сахаров, – они только безумно устали, изверились и ослабли. Поэтому отход их на восток делался все быстрее, почти безостановочным»⁴³². Это было уже настоящее бегство, остановить которое не могла никакая сила: «если мои войска остановить теперь, – указывал в те дни командир 1-й Сибирской армии ген. А. Пепеляев, – то они взбунтуются»⁴³³.

Предательство тыла

*Очевидно, в самом фундаменте антибольшевистского государства была гниль, сами стены его были непрочны, сам план постройки был неудачен.
Г. Гинс⁴³⁴*

«После года вооруженной борьбы, борьбы, давшей пример величайшей жертвенности и доблести, южная белая армия, владея обширной, богатейшей территорией с 50-миллионным населением все же не смогла овладеть Москвой»⁴³⁵. Анализу причин поражения Белых армий в 1919 г. посвящена огромная эмигрантская и историческая литература, из всего множества выдвинутых ею версий можно выделить три основные:

– *Влияние внешних факторов*, таких как: восстание Махно в тылу деникинской армии; перемирие Польши с большевикам, позволившее им снять свои войска с польского фронта и направить их на борьбу с Деникиным; уход чехословаков с Восточного фронта; заключение Компьенского перемирия и начало эвакуации войск интервентов, и т. п.

– *Ошибки «военного управления и стратегического планирования»*, которые, по словам историка А. Ганина, стали «важнейшими среди причин поражения белых»⁴³⁶. Взаимными обвинениями в некомпетентности заполнены воспоминания практически всех высших чинов всех белых армий. «Положение большевиков весной 1919 года было таково, что только чудо могло спасти их. Оно и случилось, – указывал, например, ген. Д. Филатьев, – в виде принятия в Сибири самого абсурдного плана для действий»⁴³⁷. Проблема была в Колчаке, утверждал его военный министр Будберг, поскольку он «военного дела он не знает совершенно, даже хуже, ибо схватил только общие места и приобрел кое-какие теоретические сведения, дающие видимость знания, но крайне опасные в практическом применении»⁴³⁸. Подобные обвинения были выдвинуты и против Деникина, в результате, он был вынужден посвятить оправданию своих действий большую часть своей книги «Поход на Москву».

---

⁴³¹ См. подробнее: НИА. Р. А. Koussonsky collection. Box 10. (Ганин А. ..., с. 73).

⁴³² Сахаров К. В. ..., с. 218.

⁴³³ Сахаров К. В. ..., с. 217.

⁴³⁴ Гинс Г. К. ..., с. 20.

⁴³⁵ Штейфон Б. А. ..., с. 44.

⁴³⁶ Ганин А. В. ..., с. 253–277.

⁴³⁷ Филатьев Д. В. Катастрофа Белого движения в Сибири 1918–1922. Впечатления очевидца. Париж, 1985. С. 53–54. (Цит. по: Ганин А. В. ..., с. 260.)

⁴³⁸ Будберг А. П. Дневник // Архив русской революции. Берлин, 1924. Т. 15. С. 332. (Ганин А. В. ..., с. 256).

– *Внутренние причины*, на наличие которых указывает сходство стратегических «ошибок», продемонстрированных всеми без исключения «белыми» армиями, что говорит о том, что они носили не случайный, а закономерный – объективный характер. И именно внутренние – органические причины, особенно с точки зрения гражданской войны, являются ключевыми, поскольку именно они непосредственно определяют состояние и реальную расстановку политических сил в стране.

Колчаковский ген. К. Сахаров посвятил этим внутренним причинам целую главу своих воспоминаний, назвав ее «Предательство тыла»⁴³⁹. «Развал так называемого тыла – понятие, обнимающее в сущности народ, общество, все невоюющее население, – указывал на его определяющее влияние Деникин, – становился поистине грозным»⁴⁴⁰. Свое решение о признании Верховной власти Колчака, Деникин объяснял именно тем, что «наряду с боевыми успехами в глубоком тылу зреет предательство на почве личных честолюбий... Спасение Родины заключается в единой верховной власти...»⁴⁴¹. И именно этот нарастающий развал тыла плк. И. Ильин назвал «внутренним фронтом»⁴⁴².

Об отчаянности положения на этом «фронте», свидетельствовал видный представитель строевого офицерства плк. Б. Штейфон: «Располагая всеми возможностями для своего усиления, Добровольческая армия ко времени решительного столкновения с большевиками оказалась настолько обессиленной и обескровленной, что исправить органические недочеты всей системы не могла и легендарная доблесть фронта. В то время, когда добровольческие части в бессменных, тяжелых боях истекали кровью, неустроенный, развращенный тыл наносил фронту более тяжелые удары, чем красный враг»⁴⁴³:

Регулярство

В Добровольческой армии части не формировались нормальным порядком, а самозарождались и саморазвивались...

*Плк. Б. Штейфон*⁴⁴⁴

Решающей причиной поражения Белой армий, по мнению строевых офицеров, являлся тот факт, что ее организация, по своей сути, носила полупартизанский характер: «Трагедия Добровольческой армии заключалась в том, что своевременно... она не превратилась в армию регулярную. Мы забыли о регулярстве..., – указывал командир одного из лучших полков армии Юга России Б. Штейфон, – Героическому духу дана была не соответствующая масштабам борьбы форма. Не подлежит сомнению, что если бы добровольчество как дух было введено в формы регулярства как системы, исход борьбы на юге России был бы иным»⁴⁴⁵.

«Основной причиной краха Белой борьбы на юге России, – конкретизировал Штейфон, – надо считать несовершенство нашей военной системы. Добровольчество, как система единственно жизненная в сложной обстановке 1918 года, должно было летом 1919 года уступить свое место регулярству, ибо последнее все свои корни имело в той национальной России, какую мы стремились возродить. Добровольчество, как военная и гражданская система, это не более как импровизация, и жестокий опыт 1919 года показал все несовершенство подобной импро-

---

⁴³⁹ Сахаров К. В., с. 186.

⁴⁴⁰ Деникин А. И. Поход на Москву... с. 493.

⁴⁴¹ Деникин приказ от 30 мая 1919 г. о признании Верховной власти Колчака (Гинс Г. К., с. 422–423).

⁴⁴² Ильин И. С., с. 363. (6 февраля 1919 г.)

⁴⁴³ Штейфон Б. А., с. 149.

⁴⁴⁴ Штейфон Б. А., с. 157.

⁴⁴⁵ Штейфон Б. А., с. 177.

визации. Самой роковой по последствиям ошибкой явилось то обстоятельство, что армия не усиливалась соответственно уширению масштабов борьбы»⁴⁴⁶.

Каждая добровольческая часть, пояснял Штейфон, формировалась «по своему усмотрению», которое «обычно и очень скоро распространялось решительно на все стороны полковой жизни и приводило, как начальников, так и подчиненных к забвению законности»⁴⁴⁷. «Каждый командир полка был фактически неограниченным хозяином своей части... Существовал неписанный, но всеми выполняемый и крайне вредный по своим последствиям командирский закон: раз начальство мне ничего не дает, то оно и не должно вмешиваться в мои внутренние дела»⁴⁴⁸.

Этот закон распространялся на все вышестоящие этажи военной иерархии, в результате «почти в каждом городе (Юга России) имелось свое командование и практически самостоятельные армии, – отмечал британский офицер Уильямсон, – некоторыми командовали генералы, а некоторыми – полковники. Никто из них, вероятно, не подчинялся никому свыше»⁴⁴⁹.

На Юге России «командование на всех уровнях было действительно жутким..., – повторял Уильямсон, – Ни один генерал не желал, чтобы им руководил кто-то другой, а так как у всех [у] них было слишком много власти, единства командования никогда не существовало. Они могли бы держаться годами, если бы отступили в укрепленные районы или координировали свои усилия, но они всегда были заражены амбициями либо ленью, которые убеждали их делать слишком много или недостаточно, или оставаться абсолютно безразличными»⁴⁵⁰.

Примером могла являться попытка Деникина, как говорит историк А. Ганин, «интегрировать пришедших с Дроздовским в армию, подчинив их общим порядкам. В отношении недавно самостоятельного начальника, своего рода «атамана», при отсутствии у Деникина достаточных сил это было непросто. Возник острый конфликт... Любое неосторожное решение могло привести к расколу армии и уходу из нее строптивого начальника»⁴⁵¹. «Каждый командующий, – подтверждал эти выводы сам Деникин, – придавал преимущественное значение своему фронту. Каждая стратегическая переброска вызывала коллизию интересов, обиды и проволочки... Эта систематическая внутренняя борьба создавала тягостную атмосферу и антагонизмы. Настроение передавалось штабам, через них в армию и общество»⁴⁵².

«Эти взаимоотношения между начальником и подчиненным, невозможные, конечно, в армиях нормального происхождения и состава, находили, – по словам Деникина, – благодарную почву вследствие утери преимущества верховной власти и военной традиции и имели прямое отражение на периферии»⁴⁵³. О напряженности ситуации свидетельствовали обращения к Деникину Врангеля, где «в каждом слове письма и телеграмм были желчь и яд, рассчитанные на чувства военной массы и без того нервной, ревлившей к боевым соседям и плохо разбирающейся в обстановке»⁴⁵⁴.

⁴⁴⁶ Штейфон Б. А..., с. 150.

⁴⁴⁷ Штейфон Б. А..., с. 99.

⁴⁴⁸ Штейфон Б. А..., с. 104.

⁴⁴⁹ Уильямсон Х..., гл. 3.

⁴⁵⁰ Уильямсон Х..., гл. 5.

⁴⁵¹ Ганин А..., с. 66.

⁴⁵² См. подробнее: Деникин А. И. Поход на Москву. 1928..., с. 16, 17.

⁴⁵³ Деникин А. И. Поход на Москву. 1928..., с. 17.

⁴⁵⁴ Деникин А. И. Поход на Москву. 1928..., с. 21.

Тот же самый вопрос о необходимости регулярства был поднят на первом военном совещании Северо-Западной армии 21 октября 1918 г. На необходимость его введения указали «строевые начальники (которые) обратились... с пожеланием, чтобы армия была строго регулярной, чтобы она избегала партизанщины и т. п. Это пожелание вызвало резкую критику начальника штаба корпуса ген. Малявина... В связи с этим у участников совещания, преимущественно строевых офицеров, сложилось впечатление, что штаб корпуса не имеет установившейся единой точки зрения и ясной линии своего дальнейшего поведения»⁴⁵⁵.

Отсутствие регулярства привело к тому, вспоминал белогвардейский журналист Г. Кирдецов, что «в гражданско-политическом и административном отношении Северный корпус по мере своего продвижения в глубь России, а равно и население края, были предоставлены всецело злой и доброй воле 2–3 начальников в лице генерала Родзянко, полковника Дзерожинского и знаменитого «героя» Булак-Балаховича... Эти «начальники» никому не подчинялись, ни перед кем не отвечали. Виселица работала вовсю. Грабежи и буйство были нормой «правления»... Крестьян обирали до ниточки!»⁴⁵⁶.

С теми же самыми проблемами столкнулся в Сибири, при своем назначении, военный министр Колчака А. Будберг, который отмечал, что на фронте «борьба с (собственными) армиями будет очень трудная, ибо командующие там совсем обатаманились и автономию в деле снабжения с сепаратными заготовками считают незыблемым основанием своего существования; власть Омска признается на фронте тоже «постольку – поскольку», и будет нелегко перевести эту атаманщину на государственный меридиан»... «Омск импотентен, а командующие армиями ни малейшим образом не намерены самообуздываться и обуздывать подчиненных»⁴⁵⁷. «Прежний способ управления, – подтверждал последний главнокомандующий армией Колчака К. Сахаров, – приучил строевых начальников отписываться, смотреть на полученный приказ как на простой лоскут бумаги»⁴⁵⁸.

Проблема введения регулярства в колчаковской армии отягощалась включением в нее частей возглавляемых полунезависимыми атаманами. «Включение» было условным, поскольку, как констатировал сам Колчак: «фактически нет возможности подчинить центральной власти всех атаманов...»⁴⁵⁹. Их войска, подтверждал Гинс, «составляли в совокупности царство атаманщины, оказавшейся сильнее всякой другой власти»⁴⁶⁰.

В результате по всей Сибири «царили такое разложение и такая анархия, что местные власти стали обращаться к союзникам с просьбой о вмешательстве. Управление железными дорогами просило заступничества от распущенных военных банд, не слушавших ничьих распоряжений... Приморская земская управа просила иностранных консулов добиться увода из областей всех русских войск, чинивших над населением невероятные насилия, безобразничавших и сжигавших целые деревни»⁴⁶¹.

Все попытки введения регулярства не только не увенчались успехом, но и приводили к прямо противоположному результату: у Колчака «Ставка разрослась в нечто чудовищное по своим размерам и совершенно не соответствовавшее той ничтожной положительной работе,

⁴⁵⁵ Корнатовский Н..., с. 42.

⁴⁵⁶ Кирдецов Г. У. У ворот Петрограда (191–1920 гг.) Берлин. Русс. Тип. Е. А. Гутнова, 1921, с. 187, 188 (См. подробнее: Корнатовский Н..., с. 146.)

⁴⁵⁷ Будберг А..., с. 6, 29.

⁴⁵⁸ Сахаров К. В..., с. 136.

⁴⁵⁹ Гинс Г. К..., с. 438.

⁴⁶⁰ Гинс Г. К. Сибирь, союзники и Колчак. Пекин, 1921, т. 2, часть 2, 3, с. 377. (Голуб П. А..., с. 355).

⁴⁶¹ Раупах Р. Р..., с. 238.

которая там производилась..., – вспоминал Будберг, – работа сводилась к составлению сводок, к разного рода статистике и к мелочному вмешательству в действия армий, состояния которых Ставка не знала, в местности, описания которой в Ставке не было, и при условиях, которые ставочные младенцы и представить себе не могли, сидя в Омске»⁴⁶².

Таким же провалом закончились попытки введения регуляторства и на Юге России: «После Деникина хаос и развал царили всюду, в верхах и в низах, но главным образом в верхах, – однако, по словам ген. В. Замбржицкого, – Врангель сумел в короткий срок упорядочить все...»⁴⁶³. Но противоречия, «органически присущие белому лагерю», как отмечает А. Ганин, так и остались неизжиты. «Армия, – подтверждал ген. П. Залесский, – по существу оставалась прежняя, со всеми ее прежними недостатками... Те же «дивизии» из 400 штыков, те же поручики на ролях генералов; те же «вундеркинды» всюду – и в военной и в гражданской администрации; тот же протекционизм, те же «свои» везде, та же «лавочка» всюду; то же служение лицам... А управление Генеральным штабом было вручено офицеру, который гораздо лучше знал жандармское, чем военное дело...»⁴⁶⁴.

Пополнения

Бои, упорные и жестокие, так как большевики не только оказали нам стойкое сопротивление, но и сами пытались переходить в контратаки..., – бои с каждым днем уменьшали наши силы. Тыл же по-прежнему оставался безучастным и не давал подкреплений.

*Ген. К. Сахаров*⁴⁶⁵

Наглядным и наиболее острым следствием провала всех попыток «введения регулярта» явилась неспособность «белых» обеспечить действующую армию необходимыми людскими ресурсами. В результате, чем дальше продвигалась Белая армия, чем большую территорию занимала, тем больше она теряла свою боеспособность. «Для меня было ясно, что чудесно воздвигнутое генералом Деникиным здание зиждется на песке, – указывал на этот факт Врангель, – Мы захватили огромное пространство, но не имели сил для удержания его за собой. На огромном, изогнутом дугой к северу фронте вытянулись жидким кордоном наши войска. Сзади ничего не было, резервы отсутствовали. В тылу не было ни одного укрепленного узла сопротивления»⁴⁶⁶.

«Мы «отвоевали» пространство больше Франции. Мы «владели» народом в сорок миллионов с лишком... И не было «смены»? – восклицал Шульгин, – Да, не было. Не было потому, что измученные, усталые, опустившиеся мы почти что ненавидели тот народ... за который гибли. Мы, бездомные, безхатные, голодные, нищие, вечно бродящие, бесконечно разлученные с дорогами и близкими, – мы ненавидели всех. Мы ненавидели крестьянина за то, что у него теплая хата, сытный, хоть и простой стол, кусок земли и семья его тут же около него в хате... – Ишь, сволочь, бандиты – как живут! Мы ненавидели горожан за то, что они пьют кофе, читают газеты, ходят в кинематограф, танцуют, веселятся... – Буржуи проклятые! За нашими спинами кофе жрут! Это отношение рождало свои последствия, выражавшиеся в известных «действиях»... А эти действия вызывали «противодействие»... выражавшееся в

⁴⁶² Будберг А. П. Дневник // Архив русской революции. Берлин, 1924. Т. 15. С. 342.

⁴⁶³ ГА РФ. Ф. Р–6559. Оп. 1. Д. 5. Л. 142. (См. подробнее: Ганин А..., с. 76).

⁴⁶⁴ Залесский П. И. Возмездие (Причины русской катастрофы). Берлин, 1925. С. 252–253. (Ганин А..., с. 76.)

⁴⁶⁵ Сахаров К. В..., с. 170.

⁴⁶⁶ Цит. по: Егоров А. И... с. 358, 359.

отказе дать... «смену». Можно смеяться над «джентльменами», но тогда приходится воевать без «смены»...»⁴⁶⁷.

Проблема до крайности обострялась тем, указывал Штейфон, что «большие потери снова обессилили нас. Очередная мобилизация лишь временно отдала кризис, однако он назревал с каждым днем..., ряды защитников уменьшались с каждым днем. Недостатка в пленных мы, правда, не ощущали, но по своим настроениям это были лучшие большевистские части – они не годились для немедленной постановки в строй. Нам не хватало солдат. Роты вновь сжались до 40–50 штыков»⁴⁶⁸.

«Уже в августе назревал кризис, какой в дальнейшем привел Добровольческую армию к катастрофе. Резкое несоответствие сил белых и красных создано не внезапно, а постепенно...». Оперативная сводка штаба дивизии от 22 августа говорит о «подавляющем превосходстве сил противника»⁴⁶⁹. «Большевикам гораздо легче потерять тысячу человек, – указывал ген. Дроздовский, – чем нам сто. Укомплектования поступают крайне туго... Строевые начальники обязаны дрожать над каждым человеком..., иначе они останутся без войск...»⁴⁷⁰.

С той же проблемой столкнулась и армия Северной области: «Почему в этой экспедиции силы столь неравны, что одному нашему солдату приходится противостоять десяти врагам? – записывал в октябре 1918 г. в своем дневнике американский солдат Шой, – И нам совершенно нечем заменить убитых, раненых и выбывших из строя – мы воюем, словно на выбывание! У нас нет резервов, нет пополнения людьми..., надеясь при этом напастылять сильному, опасному и способному противнику, который изобретает свои методы войны и охотно перенимает все лучшее у нас...»⁴⁷¹.

Еще более острой проблема пополнений оказалась в колчаковской армии: «никогда не были мы близки к победе, как в эти дни. Но главная трудность заключалась теперь в том, что наши ряды все более и более редели, – вспоминал ген. Сахаров, а – красные же наоборот, с каждым днем усиливались; они вливали, подавая непрерывно с тылу, подкрепления...»⁴⁷². «Требовалась самая настоятельная необходимость в немедленной присылке с тыла свежих частей, которые докончили бы начатое дело. Только с ними, с новыми частями, можно было рассчитывать форсировать Волгу...»⁴⁷³. «За последнее время все указывает на сильный упадок духа солдат вследствие всё уменьшающегося численного состава частей и отсутствия пополнений. Волнуются и недоумевают, почему до сих пор ни один полк не пополнен, когда в некоторых ротах осталось около десяти человек... Мы, – сообщал 25 октября 1919 г. колчаковский ген. Волков, – рискуем потерять и оставшийся кадр ранее доблестно сражавшихся частей»⁴⁷⁴.

Анализируя проблему пополнения Белых армий, Штейфон приходил к выводу, что ее мобилизационные ресурсы были далеко не исчерпаны: «громадная территория, занятая Добровольческой армией к октябрю 1919 г., давала, казалось, неиссякаемый источник людского запаса. В тот период мы имели все материальные возможности создать не только правильно действующие запасные части, но сформировать и новую армию»⁴⁷⁵. Успеху формирования должен был способствовать и «тот, несомненно, большой подъем, какой переживало население

⁴⁶⁷ Шульгин В. В. 1920 (Шульгин В. В. Дни..., с. 300–301)

⁴⁶⁸ Штейфон Б. А..., с. 173–174.

⁴⁶⁹ Штейфон Б. А..., с. 130.

⁴⁷⁰ Дневник генерала М. Г. Дроздовского – Берлин, Отто Кирхнер, 1923, с. 142–154. (Цит. по: Головин Н. Н. Российская контрреволюция..., 2 т., с. 497).

⁴⁷¹ Сухановский А. прозрение рядового Шоя. // Родина. 2017. № 8, с. 27.

⁴⁷² Сахаров К. В..., с. 169.

⁴⁷³ Сахаров К. В..., с. 95.

⁴⁷⁴ Сахаров К. В..., с. 209.

⁴⁷⁵ Штейфон Б. А..., с. 122.

богатых южнорусских губерний в первый период освобождения от большевиков», однако он «не был использован полностью»⁴⁷⁶.

В колчаковской Сибири условия для проведения мобилизации, по словам ген. К. Сахарова, так же «были чрезвычайно благоприятные – население шло очень охотно, с сознанием долга и необходимости; ехали сами, по первому объявлению из городов и сел; толпились с первого дня призыва у канцелярий воинских начальников. Многие приходили прямо в войсковые части записываться добровольцами. По всему пространству Сибири приходилось слышать такое рассуждение: «Мы бы рады идти воевать, пусть начальство прикажет, все пойдем»»⁴⁷⁷. Однако, несмотря на этот подъём, «оказалось, что работа по формированию частей для посылки на фронт заглохла и была почти без движения; такая же участь постигла и школы подготовки младшего командного состава... Дело не шло»⁴⁷⁸.

Проблема проведения мобилизации, как на Юге России, так и в Сибири уперлась в выжидательные настроения крестьян⁴⁷⁹, относительно того, какое будущее несет им с собой Белая власть?

«Как народ относился к Добровольческой армии, это, – по словам ген. Глобачева было, – видно лучше всего из того, каково было отношение к ней во вновь занимаемых областях, Вступление Добровольческой армии в города и деревни встречалось колокольным звоном, со слезами на глазах, целовали стремяна всадников, а по прошествии каких-нибудь двух недель так же ненавидели добровольцев, как и большевиков. Лозунги армии народу не были понятны, а поведение ее возбуждало ненависть»⁴⁸⁰. «Отсутствие должного управления освобожденными областями..., – признавал Штейфон, – создавало в районах, отдаленных от магистралей, полное безначалие и вытравляло у населения веру в законность и порядок белых. Первоначальное сочувствие обращалось сперва в равнодушие, а затем в явное неудовольствие»⁴⁸¹.

Именно «общее поведение войск – как офицеров, так и рядовых – в тыловых районах, где их оставалось слишком много, быстро охладило симпатии крестьян и рабочего класса..., и (у них) все более росло подозрение, – отмечал Уильямсон, – что Деникин и его начальник штаба Романовский, хотя и не боровшиеся в действительности за реставрацию монархии, в конечном итоге восстановят многие злоупотребления и деспотические институты, которые вызвали падение старого режима»⁴⁸².

Эти подозрения подтверждались тем, что «везде, где она (Добровольческая Армия) вводила свое управление, вслед за военными победами шли экзекуции крестьян. Часто, – по словам П. Милюкова, в этом принимали участие сами пострадавшие от крестьян помещики, которые приводили в свои села военные карательные отряды, пороли крестьян и заставляли их платить за все причиненные помещику убытки...»⁴⁸³.

Решительность помещикам придавало программное письмо Деникина от 24 марта 1919 г. по аграрному вопросу, в котором «говорилось в первую голову о «сохранении за собственниками их прав на земли». «Мы несли таким образом с собой, – признавал управляющий Отделом Законов деникинское Особое Сопровождение К. Соколов, – восстановление прав помещиков»⁴⁸⁴. При этом, добавлял он, «правилом было беспрепятственное и систематическое ограбление жителей, в котором принимали участие лица разных рангов и положения. Грабежи

⁴⁷⁶ Штейфон Б. А...., с. 158.

⁴⁷⁷ Сахаров К. В...., с. 110.

⁴⁷⁸ Сахаров К. В...., с. 101.

⁴⁷⁹ Юг России – Штейфон Б. А...., с. 46; Сибирь – Ильин И. С...., с. 263. (9 июня 1918 г.)

⁴⁸⁰ Глобачев К. И...., Часть II. Гл. Глава VIII Новороссийск, Екатеринодар, Ростов.

⁴⁸¹ Штейфон Б. А...., с. 149.

⁴⁸² Уильямсон Х...., гл. 13.

⁴⁸³ (Милюков П. Н. Россия на переломе, т. II, с. 79. (Цит. по: Головин Н. Н. Российская контрреволюция..., т. 2, с. 627).

⁴⁸⁴ Соколов К. Н...., с. 287.

озлобляли население, приходившее к выводу, что при добровольцах так же плохо, как и большевиках»⁴⁸⁵.

В результате, как вспоминал участник событий на Юге Г. Раковский, «крестьянство с необычайной стойкостью и упорством уклонялось от участия в гражданской войне. Суровые репрессии, драконовские приказы о мобилизации не могли парализовать массового, чуть ли не поголовного дезертирства из рядов «Русской армии»»⁴⁸⁶. «Негодование среди крестьян росло с неописуемой быстротой..., – подтверждал редактор газеты «Вечерние Новости» из Екатеринослава, – Объявленная Добровольческой армией мобилизация провалилась. Крестьяне, подлежащие мобилизации, скрываясь от карательных отрядов государственной стражи, с оружием в руках уходили в леса. Стали организовываться внушительные по численности и по вооружению шайки «зеленых»»⁴⁸⁷.

Даже при мобилизации в Народную армию КОМУЧа, по свидетельству его члена П. Климушкина, «призыв конечно не удался... Призыв новобранцев в большинстве сел был встречен отрицательно, а в некоторых местах... даже враждебно», одновременно с этим «из армии началось дезертирство настолько сильное, что КОМУЧ... вынужден был назначить за дезертирство, как меру наказания, смертную казнь»⁴⁸⁸.

«И так как репрессии осуществлялись руками старых царских генералов и офицеров, то очень часто они, – по словам И Майского, – принимали характер диких расправ и издевательств над беззащитным деревенским населением»⁴⁸⁹. «Чем дольше продолжалось господство Комитета (КОМУЧА), тем сильнее росло оппозиционное настроение в деревне. В середине сентября в Самаре происходил губернский крестьянский съезд, – на нем положение эсеров оказалось воистину критическим. Приехавшие делегаты не скрывали своего враждебного отношения к Комитету... ситуация, – отмечал Майский, – становилась определенно угрожающей»⁴⁹⁰.

В колчаковской Сибири первые мобилизации прошли относительно успешно, что позволило создать там самую многочисленную белую армию. Однако уже через несколько месяцев, летом 1919 г., ген. А. Нокс сообщал в Лондон, что «солдаты сражаются вяло..., и разбегаются по своим деревням...»⁴⁹¹. Дальнейшие мобилизации стали вообще невозможны: «после ужасных эксцессов, совершенных его (Колчака) сторонниками и теми, кто оказывал ему поддержку, *никакая власть на земле*, – приходил к выводу американский ген. У. Грейвс, – *не могла бы побудить крестьянина бороться на стороне Колчака*»⁴⁹². Характеризуя ситуацию в колчаковской Сибири в октябре 1919 г., штаб 3-й чехословацкой дивизии докладывал: «Отовсюду сообщают, что население либо в массовом порядке переходит на сторону красных, либо симпатизирует и помогает им. Русские правительственные войска не могут справиться с красными...»⁴⁹³.

Уклонение крестьян от призыва в Белую армию деморализующее действовало и на казаков. В своих воспоминаниях ген. А. Шкуро приводил слова одного из них: «Мы воюем одни. Говорили, что вся Россия встанет, тогда мы отгоним большевиков, а вот мужики не идут, одни мы страдаем... Где новые корпуса, которые обещали? Все те же корниловцы, марковцы,

⁴⁸⁵ Соколов К. Н..., с. 193.

⁴⁸⁶ Раковский Г. Конец белых. Прага, 1921. (В кн.: Революция и гражданская война..., с. 399)

⁴⁸⁷ Арбатов З. Ю. Екатеринослав, 1917–1922 гг. // Архив русской революции. Берлин, 1923, т. 12. с. 95.

⁴⁸⁸ Климушкин П. Д. Борьба за демократию на Волге // Гражданская война на Волге в 1918 году. Сб. 1. Изд. О-ва участников Волжского движения. Прага, Румунска 1, с. 49., 88. (Цит. по: Головин Н. Н. Российская контрреволюция..., т.2, с. 166, 169).

⁴⁸⁹ Майский И. М..., с. 135.

⁴⁹⁰ Майский И. М..., с. 135.

⁴⁹¹ Цит. по: Черчилль У..., с. 300.

⁴⁹² Грэйвс У..., с. 175.

⁴⁹³ Kvasnička J. Československe legie v Rusku. Bratislava, 1963, str. 260. (Голуб П. А..., с. 88).

дроздовцы, да мы, казаки...»⁴⁹⁴. И постепенно отряды кубанских казаков «стали растекаться по своим деревням... просто покидая позиции на глазах отчаявшихся офицеров и иногда бредя целыми эскадронами, ротами и даже полками, уставшие от войны, плохого командования и превосходящей силы красных. И никто ничего не мог поделать, чтобы остановить их»⁴⁹⁵. «С фронта началось повальное дезертирство, не преследуемое кубанской властью, – подтверждал Деникин, – Дезертиры свободно проживали в станицах, увеличивали собою кадры «зеленых» или, наконец, находили себе приют в екатеринодарских запасных частях – настоящей опричнине...»⁴⁹⁶.

В результате, отмечал Штейфон, «мобилизационные возможности (Деникина) ограничивались, главным образом, офицерскими кадрами и учащейся молодежью...»⁴⁹⁷: Однако и этот ресурс белые не смогли использовать полностью. «После демобилизации 1917–1918 гг. на юге России проживало не менее 75 тыс. офицеров. Целая армия! 75–80 % этой массы было настроено, несомненно, жертвенно и патриотично, но мы, – как вспоминал Штейфон, – не умели полностью использовать их настроения»⁴⁹⁸. Офицерство уклонялось от призыва с не меньшим упорством, чем крестьяне. «Занятие нами новых территорий... дали приток офицерских пополнений. Многие шли по убеждению, но еще больше, – подтверждал Деникин, – по принуждению»⁴⁹⁹.

Примером могла служить высадка французов в декабре 1918 г. в Одессе и Севастополе, в которых нашли убежище тысячи офицеров. Она возродила надежды Деникина на привлечение офицеров в ряды добровольцев. Однако за генералом последовали лишь единицы. Представитель Деникина был вынужден издать приказ о всеобщей мобилизации офицеров⁵⁰⁰. Но «многочисленное одесское офицерство не спешило на фронт. Новая мобилизация не прошла: «по получении обмундирования и вооружения большая часть разбегалась, унося с собой все полученное»⁵⁰¹.

⁴⁹⁴ Шкуро А. Г. Записки белого партизана. Буэнос-Айрес, Сеятель, 1961, с. 230 (Карпов Н. Д..., с. 37)

⁴⁹⁵ Уильямсон Х..., гл. 16.

⁴⁹⁶ Деникин А. И. Поход на Москву... с. 445.

⁴⁹⁷ Штейфон Б. А..., с. 46.

⁴⁹⁸ Штейфон Б. А..., с. 101.

⁴⁹⁹ Деникин А. И. Очерки русской смуты, т. 1, ч. 2 Париж-Берлин, 1921, с. 382.

⁵⁰⁰ Кенез П..., с. 280.

⁵⁰¹ Деникин А. И. Поход на Москву... с. 529.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.